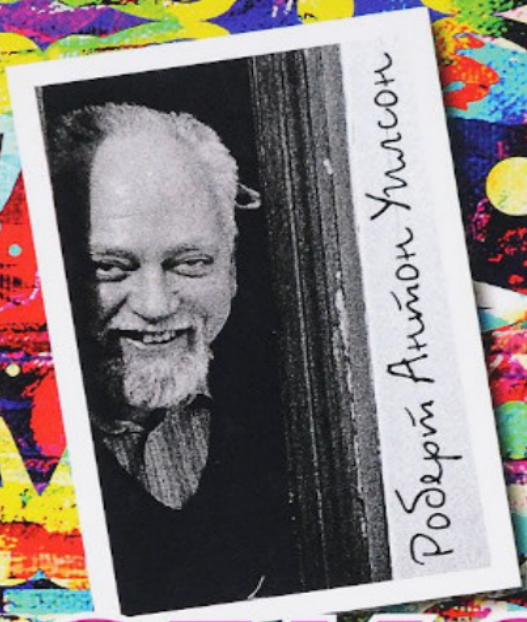

Роберт Антон Уилсон

СЕКС, магия и ПСИХОДЕЛИЯ

18+

Annotation

«Sex, Drugs and Magick: A Journey Beyond Limits» была самой первой книгой, которую Р. А. Уилсон написал, сведя воедино уморительные истории из собственной жизни и жизни своих знакомых в бурный период психоделической революции в Штатах и добросовестные исследования в области секса, наркотиков и оккультизма — тех тем, к которым он много раз возвращался в последующих произведениях. Уникальность подхода Уилсона в том, что он старается занять позицию максимально неангажированного наблюдателя. Того человека, который взвешивает все доступные «за» и «против» и вместо оголтелой пропаганды представляет взгляд на вещи, который бы приближался к истине насколько это возможно. Данную книгу РАУ в особенности отличает великолепное сочетание отсутствия ханжества и добрейшее чувства юмора: кажется, ко всему, от тантры до культов ЛСД и группового секса, от программирования сознания до истории тайных обществ ассасинов и иллюминатов, он относится с доброжелательным интересом и стремлением разобраться, что в этом может быть стоящего, а что пустякового. Собственно, практически вся книга благодаря большой исследовательской работе, проделанной автором, остаётся вполне актуальной и сегодня.

- Роберт Антон Уилсон
  -
  - Предисловие к изданию 2000 года
  - Предисловие к изданию 1987 года
  - Введение
  - Прелюдия.
  - 1.
  - Интерлюдия.
  - 2.
  - Интерлюдия.
  - 3.
  - Интерлюдия.
  - 4.
  - Интерлюдия.
  - 5.
  - Интерлюдия.
  - 6.
  - Интерлюдия.
  - 7.

- Послесловие к изданию 2017 года
- Другие книги Роберта Антона Уилсона

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

Роберт Антон Уилсон
Секс, магия и психоделия

Роберт Антон Уилсон
СЕКС. МАГИЯ И ПСИХОДЕЛИЯ
М.: Клуб Касталия. 2017
ISBN 978-5-519-60723-0

Перевод: А. Синельников
Компьютерная верстка: Ольга Иванова
Обложка: Ольга Иванова

Предисловие к изданию 2000 года

И изрёк Зверь:
«По писанине их суди их,
и по твоей писанине будешь судим.
И все будут разделены по писанине их.
И на снегу будут написаны имена их»

— Книга Уриномики (The Book of Urinomics)[1]

Эта книга родом из 1972-73 годов, и человека, который написал её, больше не существует. Даже я, находящийся в том же теле, в котором находился он, помню его плохо и весьма часто совершенно, абсолютно не разделяю его воззрении. Вследствие этого я поправил и дополнил его измышления примерно в сотне мест, потому что, по правде говоря, иногда мне становится за него стыдно, в особенности из-за того, что мы делим одно и то же имя вдобавок к одному и тому же телу.

Примерно тогда же, когда Роберт Антон Уилсон написал эту книгу, ему перевалило за сорок, он расстался с жёсткой идеологией, разделявшей «правильное» и «неправильное», которую подхватил во времена участия в движениях против войны и сегрегации в шестидесятых, и полагал, что перерос догматическую дурь его юности, придя к рыхлому, свойственному среднему возрасту агностицизму по отношению ко всему. Десять лет спустя, когда в Белом Доме сидел Рональд Рейган, Уилсону стукнуло пятьдесят, и, окидывая мысленным взглядом прошлое, он был поражён тем, сколько дури оставалось и после сорока. Когда несколько лет назад дело дошло до шестидесяти, он начал осознавать, что и на пятом десятке сохранял долю общечеловеческого слабоумия. Сейчас, в шестьдесят шесть с хвостиком (начинаю потихоньку с ним сливаться), я с трудом представляю, насколько опубликованный лживый трёп сегодняшнего Роберта Антона Уилсона будет вгонять меня в краску, когда я дотяну до семидесяти пяти-восьмидесяти…

Как бы то ни было, меня особо не смущает очередное переиздание этой книги. Некоторая её часть, с внесёнными поправками, до сих пор кажется мне вполне разумной, а кроме того я вижу, что в полухудожественных «историях болезни» я случайно предоставил своего рода идеограммическую историю шестидесятых[2] — десятилетия, остающегося самым противоречивым десятилетием века, к которому действительно

стоит обращаться, чтобы вынести для себя уроки как из его премудрости, так и из лажи.

Самой главной лажей, которая мне досталась от контркультуры шестидесятых, было убеждение, что Враг (с большой буквы В) — это невежество и что его можно излечить с помощью образования. Теперь я склоняюсь скорее к тому, чтобы принять определение четырёх главных проблем мира авторства Р. Бакминстера Фуллера: «невежество, страх, жадность и законодательство по вопросам функционального зонирования». Так как я, в отличие от среднестатистического человека, бесстрашен (как и большинство дураков), я всегда недооценивал роль страха в человеческой деятельности; обладатель скромных желаний, я недооценивал жадность; а постичь вероломную природу законов о зонировании, не будучи архитектором, я и не мог. И самое главное, я не смог понять, до какой степени синергия невежества, страха, жадности и законов о зонировании важна для поддержания тирании, которую Фуллер называет ММАН («Макиавелли, Мафия, Атом и Нефть») — банкиры, бандиты и энергокартели.[3]

Мои нынешние мысли насчёт ММАН вдохновлены Фуллером и, в отношении предмета этой книги, в гораздо большей степени работами Института Субгениев в Далласе, штат Техас, которые именуют ММАН «Разводкой» (the Con).

Многие считают, что Разводка — просто шутка или пародия на другие теории заговора. Таким сомневающимся Институт Субгениев заявляет, что мы живём во *«Время Писанины»* — предвозвещённые времена, когда людей будут оценивать не по их трудам, не по их семейной жизни, даже не по книгам, которые они написали, а по их моче.

> Они прослушивают твой телефон, притом по его работе этого не обнаружить, и ведут запись со спутников, которые способны подглядывать за любой улицей, *за чем угодно где угодно*…
>
> Они вышибают твою дверь когда им вздумается. Всё, что им для этого требуется — заорать «НАРКОТИКИ!» и вот уже твоя супруга в тюрьме, твои дети идут вкалывать на государство, твои дом и машина внезапно переходят в их руки…
>
> Там, у власти, никто тебе не друг, там никто не хочет, чтобы у тебя было то, что ты называешь свободой. Предназначение «правительства» состоит в том, чтобы плодить потребителей и работников, снижающих стоимость рабочей силы и повышающих доход

владельцев производств…

Ибо эта страна стала настолько кособокой, извратившейся, что даже твои телесные жидкости теперь тебе не принадлежат, и даже мочевой пузырь или система кровообращения не является твоей собственностью. *Нет такого места, куда бы они не смогли заглянуть.*[4]

Автор этой книги из 1973 года никогда не смог бы вообразить настолько бешено тоталитарное Государство или настолько заутюженное до овечьей покорности население, не смог бы вообразить, что может приключиться такой абсурд. Впрочем, разве только Кафка и Оруэлл в своих самых зловещих сатирах на съехавшую с катушек бюрократию могли представить такое непотребство, как наша Мочевая Полиция. Государству, в котором мы живём, подходит только одно название — Держава Урины.

Как может это происходить в некогда свободной Республике, в которой обыскивать людей запрещено, кроме как по ордеру суда после предъявления достаточного на то основания? Держава Урины, выступающая в роли нашего с вами представителя, занята «войной с наркотиками». Этого достаточно, чтобы подтереться Конституцией.

И вот это, на самый беглый взгляд, чушь.

1. ВОЙНОЙ С НАРКОТИКАМИ ИЛИ ДРУГИМИ НЕ ИМЕЮЩИМИ СОЗНАНИЯ ВЕЩАМИ (ОБЪЕКТАМИ, ВЕЩЕСТВАМИ) МОГУТ ЗАНИМАТЬСЯ ТОЛЬКО БОЛЬНЫЕ НА ВСЮ ГОЛОВУ. Разводку в безумии не обвинишь: в невежестве — да, в страхе, жадности, зонировании, но не в полном сумасшествии. Они воюют не с химическими веществами, и не с законами физики, ни с чем таким. Они воюют с народом Америки — со всеми нами, хотя пока об этом знают только немногие из нас.

К примеру, в «Проссывая американскую мечту» (Pissing Away the American Dream)[5] можно прочитать, как в январе 1989 года полицейские Миннеаполиса вышибли дверь дома пожилой четы чернокожих, применив светошумовые гранаты, случайно ставшие причиной возгорания дома, из-за которого престарелые супруги погибли.

Полицейские искали «наркотики», но ничего не нашли. Глава полиции оправдал убийство двух невинных граждан (и грубое нарушение четвёртой поправки) такими словами: «Идёт война».

Идёт война с людьми, не с веществами, и убивают людей.

2. Даже если руководствоваться странной логикой самого ЗАЯВЛЕНИЯ О «ВОЙНЕ С НАРКОТИКАМИ», ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ — ЧУШЬ.

Если вы выйдете из дома и проедете пару кварталов, говорят, вы найдёте как минимум одну лавку с вывеской «DRUGS», хотя на некоторых написано «PHARMACY», что расшифруют только люди с некоторым знанием греческого — а в этих лавках можно купить сотни видов наркотических веществ. Неподалёку есть супермаркет, где можно купить сигареты, содержащие никотин — наркотик, вызывающий более сильное привыкание, чем героин, согласно словам бывшего министра здравоохранения Купа. Рядом видим вывеску «БАР», в каковом баре можно приобрести десятки разновидностей C3H3ON, весьма аддиктивной субстанции, которая, согласно статистике, тесно связана с избиением жён и детей, разводами и преступлениями, сопровождаемыми насилием.

Таким образом, Держава Урины воюет не со всеми наркотиками и не со всеми, кто употребляет наркотики, а только с некоторыми из них. Правительство заявляет, что вещества из их чёрного списка — самые страшные; скептики вроде меня говорят, что они всего лишь либо: (а) — дешёвые и действенные, как лекарственные травы, и/или (б) с трудом поддающиеся монополизации, как марихуана, или (в) лучшие, чем более дорогие вещества, производящиеся крупными фармацевтическими корпорациями, которые оказывают финансовую поддержку обоим нашим политическим партиям.

Единственные, кто прямо-таки воюет с наркотиками — со *всеми* наркотиками — это приверженцы «Христианской Науки». На данный момент восемь из них отстаивают в суде свои убеждения, не позволяющие подсаживать своих детей на наркотики, предписанные им высочайшим повелением Разводки/ MMAH.

Как сказал однажды граф Бисмарк: «Тем, кто любит колбасу и уважает закон, лучше не видеть, как делается то и другое».

Многие вещества и травы, запрещённые Разводкой, не только безобидны, но и полезны, по мнению многих. Война, ведущаяся с потребителями этих веществ — настолько же ожесточённая, как и война против любых других веществ из чёрного списка.

За прошедшие десять лет Управление по контролю за продуктами и лекарствами поучаствовало в рейдах на компании, связанные с «альтернативным здравоохранением» — компании, которые действовали открыто, и, как они полагали, в рамках закона — и во время этих рейдов оно действовало уже почти так же жестоко, как Наркоконтроль во время облав на подозреваемых в торговле крэком. В каждом из случаев компании занимались продажей витаминов и лекарств, одобряемых постепенно пополняющим свои ряды меньшинством среди профессиональных

врачей, но не признанных ММАН и УПЛ.

К примеру, в 1990 году работники УПЛ вторглись в кабинет доктора Джонатана Райта, терапевта с действующей лицензией, выпускника медицинского факультета университета Мичигана, угрожали персоналу оружием и изъяли все витамины и травы, которые смогли найти. Доктору Райту так и не предъявили обвинение в таком мракобесии, как то, что он давал своим пациентам дешёвые лекарства вместо дорогих[6], но эта облава была лишь одной из сотен схожих операций в стиле Гестапо, создающих то, что либертарианцы называют «отрицательное влияние» в области свободы научных исследований.

Фонд Продления Жизни пишет следующее:

> … Грубые методы, используемые УПЛ, используются для устрашения и запугивания американцев с целью заставить их придерживаться «партийной линии» полицейского государства в области здравоохранения и медицины. Цель УПЛ — не только разорить предприятия и сломать жизнь их жертв, но также и распространить страх и ужас по всей стране, чтобы те, кто мог бы замыслить восстать против Управления, оставались бы смирными и покорными».[7]

В восьмидесятых Рэнди и Вики Уивер, чета фундаменталистов, поселились на вершине горы в штате Айдахо, чтобы быть как можно дальше от правительства США, которое они считали сионистской тайной организацией. Как бы бестолково эта их идея не звучала, она была единственным «правонарушением», в котором Уиверы были виновны. Они не доставали соседей и не замышляли восстания против правительства: они всего лишь попытались скрыться, убежать от него. Это для федералов уже было слишком. Они отправили информатора, чтобы тот подружился с Рэнди, а затем обманом вынудил его продать своё ружьё. Использовав этот повод, ФБР и Управление по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, табака и вооружений отправились воевать с семьёй Уиверов, убив Вики, когда она стояла с младенцем на руках, убив её старшего сына, убив даже собаку Уиверов.[8]

Воззрения Уиверов, конечно, были во многом безумны — это станут отрицать только другие фундаменталисты. Но, возможно, их взгляды на природу нынешнего правительства США и его отношение к своим подданным и холопам были куда более здравы, чем те, что видишь в либеральной прессе.

Роберт Антон Уилсон

http://www.rawilson.com

Предисловие к изданию 1987 года

Эта книга изначально была написана под названием «Секс, наркотики и оккультизм» в 1972 году. Издательство «Плейбой» опубликовало её в 1973 году с заглавием «Секс и наркотики: путешествие за пределы». Распорядился поменять название книги редактор, который объяснил это так: «Хеф говорит, только педрилы и бабы покупают книжки про оккультизм».

Понятия не имею, высказал ли Хеф на самом деле это палеолитическое мнение или нет. Проработав пять лет (с 1966 года по 1971 год) в «Плейбое» помощником редактора и издав три книги в издательстве «Плейбой» (в период с 1972 года по 1974 год), я узнал, что Хью Хефнер — мифический персонаж: как минимум, настолько же мифический, как кролик «Плейбоя», пасхальный кролик или двухметровый белый кролик Харви из того знаменитого фильма.[9] Очень часто редакторы приписывали Хефу мысли и замашки, которые впоследствии оказывались основаны на мифах, слухах, заблуждениях и безумии руководителей среднего звена.

Я был свидетелем того, как журнал «Плейбой» явно поправел (в смысле политических убеждений) где-то между зимой 1996 года и осенью 1967 года только потому, что Хеф сказал что-то хорошее об Айн Рэнд, что раздули до «Хеф записался в объективисты», а потом — свидетелем явного разворота обратно в левоцентристскую сторону из-за того, что Хеф как-то в другой раз заявил, что ему по душе своенравные персонажи Рэнд, но сам он в социальных вопросах придерживается либерального «нового курса» Рузвельта.

Боязливые редакторы всегда пытаются отгадать пристрастия издателя по малейшим признакам и очень часто ошибаются, что, естественно, делает их ещё более боязливыми. Видимо, поэтому Джин Фаулер выдал бессмертный афоризм: «Каждому редактору стоило бы обзавестись старшим братом-сутенёром, чтобы было с кого брать пример». Империя Большого Кролика всегда была вольером, в котором ползали ужасно пугливые редакторы.

Похоже, что издательство «Плейбой» выпустило это книгу не просто так, а как необходимый к прочтению учебный материал или что-то вроде этого. Были и чудесные аннотации от таких авторитетов, как Алан Уоттс, Уильям Берроуз и Тимоти Лири, были и восхищённые рецензии в дюжине контркультурных газет и журналов — а потом было удушливое, затяжное молчание, как будто я удавил кота в ризнице. Где бы я ни читал лекцию, где бы я ни проводил семинар, люди знали о «Сексе и наркотиках» по

рассказам других, но жаловались, что не могли найти книгу в продаже. Очень скоро весь тираж закончился. Я не получил ни цента авторских отчислений, надеюсь, в случае с Falcon Press произойдёт обратное.[10]

Что ещё любопытнее, шли годы, другие мои книги неплохо продавались и переиздавались на регулярной основе, но в течении тринадцати лет ни один издатель не хотел переиздавать «Секс и наркотики». Это частенько меня озадачивало.

Оглядываясь на прошедшее, я не могу не припомнить, что в начале семидесятых — тогда, когда эта книга была впервые опубликована и сразу исчезла, как кирпич, брошенный в болото — многие другие странные вещи происходили с пропагандистами неудобных идей в Америке. Журнал «Realist» Пола Красснера (в 1959 году первым опубликовавший меня) обанкротился в результате, как не переставал уверять Красснер, фэбээровского заговора. Доктор Лири, неумело воспользовавшийся первой поправкой, сидел в одиночной камере в застенках тюрьмы Фолсом, по соседству с серийным убийцей Чарли Мэнсоном. Джона Леннона застрелил очередной «съехавший с катушек убийца-одиночка», которых в Америке было в то время как пустых банок из-под пива на пляже. Законы, позволяющие задерживать и обыскивать людей без санкции на задержание, законы о комендантском часе, законы, позволяющие обыск жилища без ордера и прочие тоталитарно-советские меры избирательно (по крайней мере поначалу) проталкивались в отношении определённых слоёв населения. Теперь казалось, что можно вломиться в дом к кому угодно и украсть фамильные драгоценности, только заявив, что предположительно там могли храниться наркотики. Большинство андеграундных газет и журналов обанкротились вслед за «Реалистом» всего за несколько месяцев после того, как крупные компании звукозаписи внезапно и по непонятной причине перестали давать рекламу в единственных печатных изданиях, которые регулярно читала молодёжь, покупающая большую часть выпускаемых ими пластинок. Психиатры и психологи, которые когда-то говорили мне, что согласны с идеями доктора Лири, стали тихими и бледными, как луч лунного света на могильном камне.

Я не делаю из этого определённых выводов. Только сообщаю факты. Семидесятые были таким периодом истории Америки, когда президент, обвиняемый конгрессом США в большем количестве тяжких и особо тяжких преступлений, чем любой из пяти крёстных отцов мафии, имел возможность подать в отставку и назначить преемника, который немедленно полностью освобождал бы его от ответственности за любые известные

преступления и любые преступления, которые всплыли бы в будущем.

Самое главное замечание, которое я хотел бы добавить в этом новом издании, это то, что, поскольку кокаин стал во много раз популярнее, чем тогда, когда я писал эту книгу, мне бы стоило, наверно, найти ещё более неодобрительные слова для этого мерзкого зелья. Я видел много кокаиновых наркоманов в последнее время, и убеждён, что вместо того чтобы нюхать кокаин, за несколько месяцев можно достичь того же, всё время занюхивая тальк, втирая его поглубже наждачной бумагой и сжигая все свои пожитки на костре во дворе за домом.

Или, как однажды сказал Ричард Прайор: «кокаин — это всего лишь способ природы передать тебе, что у тебя слишком много денег».

Кроме этого, я считаю кокаин губительным, потому что большинство прибыли в кокаиновой индустрии получает мафия, Ватикан или самые жуткие южноамериканские диктаторы. Вы можете найти документальное подтверждение этого в книгах Дэвида Яллопа «Именем Божьим» *(In Cods Name)*, Пенни Лерну «Мы веруем в банки» *(In Banks We Trust)* и в моей собственной «Всё под контролем» *(Everything Is Under Control)*.

Ещё несколько замечаний могут помочь прояснить основную мысль этой книги, так как большинство людей на Западе не знакомо с многими из изложенных в ней идей.

Эта книга изначально называлась «Секс, наркотики и оккультизм», потому что в ней говорится о взаимодействии *всех трёх* этих ярких опытов, а не только пары из них. Таким образом, книга нарушает все табу полуобразованного читателя из среднего класса.

У секса много аспектов — биологический, социологический, эстетический, психологический, компульсивный, экстатический, трагический, игровой, любовный, озадачивающий, и (как мне говорили) иногда занудливый — но в данном тексте в основном рассматривается его «трансцендентальный» аспект. Под этим я понимаю всего лишь то, что во время оргазма человек испытывает, в некоторой степени, стремительный рост и схлопывание обыденного «я» и плавящее, поглощающее, «океаническое» ощущение искупления и единства.

В мире много типов веществ: антибиотики, анестетики, анальгетики, наркотики, гипнотики, психоделики, стимулянты и депрессанты, грёзилки и страшилки — но в этой книге я поведу речь о веществах, которые оказывают воздействие преимущественно на высшую нервную деятельность, формирование «других я» и воспринимаемые туннели

реальности. То есть о веществах, которые погружают в «трансцендентальные» или надличностные состояния.

Очевидно, что совмещение секса и наркотиков может вызвать более экстраординарные и паранормальные надличностные ощущения, чем секс и наркотики, взятые по отдельности. Это — древняя тантрическая «тайна», и данная книга была, насколько мне известно, самой первой из выпущенных в Америке книг, где в подробностях рассматривался этот вопрос без обращения к алхимическому или другому шифру с целью усложнить понимание того, о чём действительно идёт речь (техника маскировки, которую использовали настолько различные авторы, как Томас Вогэн, Титус Буркхардт, Артур Уэйт, Алистер Кроули и Израэль Регарди). Вспоминая все обстоятельства, я не разочарован и не поражён тем фактом, что распространитель первого издания, по-видимому, закатал книги в подвал вместо того, чтобы разослать их по книжным магазинам. Я думаю, мне повезло, что я не попал в соседнюю с доктором Лири и Чарли Мэнсоном камеру.

Г. Л. Менкен однажды дал такое определение пуританству: «гложущий страх того, что кто-то где-то, возможно, весело проводит время». (Поглядите на недавний карьерный взлёт Кеннета Старра[11]). Один из глубоко укоренившихся рефлексов западной культуры — это то самое наследующее пуританству похмельное чувство, которое доктор Вильгельм Райх назвал *pleasure anxiety*, *«тревожность от удовольствия»*. Если обойтись без научной терминологии, можно определить это чувство как подозрение, что, возможно, бог пуритан всё-таки существует и, если мы оттянемся как следует, он явится перед нами и задаст нам перцу. Когда я писал эту книгу, я знал о том, как сильно боится секса и наркотиков большая и крикливая часть населения Штатов, но я думал, что это приведёт к «полемике». Я был слишком наивен, чтобы осознать, что, затронув боязнь секса и наркотиков одновременно, я вызову не полемику, а вытеснение и психическую скотому.

У третьей темы этого сочинения — «оккультизма» — ещё больше противоречивых аспектов и взаимно противоположных значений, чем у секса и наркотиков. Это понятие включает в себя предрассудки, дурацкую лженауку, тоталитарные секты, безумные, как кенгуру, исполняющий квартет Моцарта, и, кое-где, истинную науку психоневрологии или *быстрого изменения состояния сознания,* настолько же признанную, а зачастую и более признанную, чем большинство того, что сегодня считается «научной психологией». Последнее лучше всего представляет «Магика» Кроули *(Magick)*, поэтому я использовал это слово в

данном переиздании.

Меня интересует исключительно последний род оккультизма, и вместе с тем я всё же учитываю, что большинство текстов в этой области содержит большое количество чепухи. Моей задачей всегда было понять, какие из оккультных практик дают конкретный результат и заново сформулировать то, что мне удалось выжать из оккультистов на языке экспериментальной науки, насколько это возможно на данный момент.

Журнал «Time», с присущей ему *dummheit*[12], однажды опубликовал заглавную статью, называвшуюся «Оккультизм: поддельная вера». Если бы оккультизм сводился только к этому, я бы не притронулся к этой теме, образно выражаясь, и трёхметровым шестом. В мире и так достаточно «вер», чтобы, как сказал Амброуз Бирс, самую большую и влиятельную политическую силу в любом обществе составляли Идиоты с большой буквы. Оккультизм интересует меня не как поддельная вера, а как *замена веры*.

Организованные религии, основывающиеся на вере, были, как писал Менкен, самыми главными разжигателями ненависти в мировой истории. Единственные политические партии, которые соперничали в этом бытии источником людских страданий и ужаса с религиями — это нацизм и коммунизм, также основанные на слепой вере и жёстких догматах. Я всегда придерживался мнения, что лучшим веществом, которое могли бы изобрести химики, должна была бы быть пилюля от легковерия, чтобы излечить человечество от его пристрастия к вере и догматам.

Тот род оккультизма, который меня интересует, основан не на вере, а на таком же экспериментальном методе, что и более объективные и менее противоречивые естественные науки. Таков оккультизм, который вы найдёте, к примеру, в приложениях (практической части) написанной Алистером Кроули «Магики в теории и на практике». Как пишет Кроули,

> «В этой книге говорится о Сефирах и Пути, о духах и их изгнании, о богах, сферах, плоскостях бытия и многих других вещах, которые могут существовать, а могут и не существовать. Не имеет значения, существуют ли они или нет». Определённые действия влекут определённые последствия; исследователей самым серьёзным образом предупреждают не увязывать с ними объективную реальность или правильность с точки философии».

Другими словами, традиционный оккультизм доходит до нас с багажом из выражений и метафор из прошлых веков. Эти выражения и эти метафоры обладают проверенной столетиями

практической ценностью и могут и по сей день быть полезны тем, кого совсем не отпугнёт их старомодный дух, но суть действующей оккультной системы не имеет ничего общего с выражениями и метафорами. Суть в том, чтобы «совершать определённые действия», как пишет Кроули. Эти действия, производимые человеком, или *операции,* иногда называются «ритуалами», а иногда — «упражнениями», но назвать их «экспериментами» или «практическими исследованиями» будет вполне уместно.

Причина, по которой Кроули предостерегает от приписывания к «объективной реальности» *операций* (ритуалов, упражнений, экспериментов, исследований) практического оккультизма — то, что эти операции взаимодействуют во всех случаях исключительно с необъективными реальностями (во множественном числе).

Распространённое заблуждение гласит, что не существует необъективных реальностей — ведь объективная реальность есть «единственная» реальность. Ошибочность этой точи зрения становится ясной, если представить себе весь спектр необъективных реальностей, с которыми сталкивается и воздействию которых подвергаются различные люди в повседневной жизни, не совершая абсолютно никаких оккультных операций.

У мистера А болит голова и он легко раздражается. Мисс Б только что сдала контрольную по математике и чувствует себя счастливой. Мистер В без причины волнуется насчёт того, что в его еду насыпают яд коммунисты. Мисс Г волнуется — и у неё есть на то причина — что не сможет заплатить за жильё. Мистер Д так поглощён успешно продвигающимися медицинскими исследованиями, что он, ликуя, полагает, что все болезни будут изведены на корню к полудню следующего четверга. Мисс Е так устала от года поражений в борьбе за права работников на фермах, что она думает, что люди в безнадёжном положении и что злодеи всегда побеждают.

Любая одноплоскостная теория объективной реальности, не учитывающая отдельные туннели реальности, в которых протекает бытие этих людей, неприменима в психологии, и если немного поразмыслить, становится очевидным, что подобные одноплоскостные теории неприменимы ещё и в социологии. Чтобы понять *поведение человека,* нам необходимо понять *человеческие оценки ситуации* (нейролингвистические программы), и современные учёные-социологи всех направлений всё чаще признают, что человеческие оценки (внутренние туннели реальности) зависят и от внешней среды (обстановки), и от

внутренней среды (нейролингвистических программ).

Можно легко загнать себя в гроб негативным настроем, из-за возникающих язв, проблем с сердцем, высокого кровяного давления, и так далее… или сев пьяным за руль, или просто впав в отчаяние и бросившись под поезд. И наоборот, можно выжить в «объективных реальностях», которые уничтожают ум или тело других, поддерживая в себе позитивный настрой.

Операции, эксперименты и упражнения практического оккультизма «вызывают изменение в сознании усилием воли», как пишет психоаналитик Вайолет Уэрт под псевдонимом Дион Форчун, использованным ей для всех её книг по оккультизму. Подобные быстрые смены состояний сознания — искусство, которым несомненно стоит овладеть, живя в мире, полном жестоких потрясений и приводящих в уныние ситуаций. В этой книге я постарался рассказать как можно подробнее об этом искусстве простым языком, ничего не утаивая и не пользуясь сверхъестественными или мистическими метафорами для описания событий, которые можно более сжато описать, пользуясь терминологией нейролингвистики и нейросоматической медицины.

Главное, чему может научить нас практический оккультизм, уже было упомянуто несколько раз в этом кратком предисловии и ещё будет упомянуто в этой книге с использованием других метафор. Это нужно заявлять разными способами, избыточное количество раз, так как большинство людей не может это понять, не испытав на себе операций, экспериментов и упражнений, связанных с быстрой сменой состояния сознания. Сделаю ещё одну попытку сформулировать это просто, прямо в лоб.

НИ ОДНО «ВНЕШНЕЕ» ОБСТОЯТЕЛЬСТВО НЕ ВЕДЁТ К «НЕИЗБЕЖНОМУ» СОСТОЯНИЮ УМА

Что бы ни творилось вокруг, ощущаемый вами туннель реальности всё-таки остаётся продуктом синергии внутренней и внешней среды (установки и обстановки). Вы не «создаёте свою реальность», как утверждают попсовые мистики, но вы создаёте её большую часть тем, как вы оцениваете, осмысляете и откликаетесь на то, что происходит. Ваша свобода гораздо, гораздо больше, чем вы осознавали до того, как начать экспериментировать с альтернативными туннелями реальности и быстрым изменением состояния сознания.

Таким образом, по сути эта книга — неофициальная история того, как определённые тайные, долгое время скрываемые практики тантрического буддизма проникли в западный мир в средние века, были подавлены силой или загнаны в подполье Святой Инквизицией, постепенно переоткрывались, начиная

примерно с 1900 года, внезапно всплыли в качестве важной силы в общественном переустройстве шестидесятых и снова были подавлены силой и загнаны в подполье.

Спустя пятнадцать лет после выхода первого издания, я думаю, я лучше понимаю, почему эти тайны программирования сознания так тщательно скрывались и почему они подвергались таким жёстким гонениям всегда, когда оказывались известны любым широким слоям населения. Тантра сохранилась на востоке именно потому, что её тайны *хранили* и не пытались сделать их революционной силой, меняющей общество. Приверженцы тантры, как и прочие буддисты, верят, что освобождения от автоматического сознания — умения менять состояние сознания с помощью усилия воли — может единовременно достичь лишь один человек и что попытки освободить весь мир бесплодны и бесполезны. «Поедая слона, откусывай по одному кусочку» — таков их девиз.

Туннель реальности, который предпочитаю я — совершенная противоположность этому буддийскому консерватизму. Несмотря на тон модного циника, которым я вещаю на некоторых страницах этой книги (один из способов маскировки, которым я пользовался, чтобы протащить текст книги мимо предрассудков её первых редакторов), я на протяжении некоторого количества времени остаюсь в уверенности, что нынешнее общемировое технологическое сообщество очень похоже на *диссипативную структуру* из математической квантовой премудрости Ильи Пригожина. Настолько сложная структура при её достижении сразу же становится математически неустойчивой и должна как можно быстрее радикально преобразить себя, перейдя либо в более хаотичное, либо в более упорядоченное состояние. Если эта математическая модель действительно описывает нашу сегодняшнюю «деревню размером с планету» (а сам доктор Пригожин считает, что это так), значит, мы определённо движемся с очень большой скоростью либо к хаосу, либо к порядку более высокой степени.

Говоря по-людски, это значит, что либо случится конец света (способ — на ваше усмотрение), либо из нашего нынешнего неустойчивого состояния возникнет абсолютно новое мировое сообщество. Всё ускоряющиеся перемены, свидетелями которых мы становимся — это симптомы либо радикального *надлома*, либо радикального *прорыва* к новой ступени человеческой эволюции. Как повторяет последние десять лет Бакминстер Фуллер, нам осталось выбирать лишь между Утопией и Забвением.

Поскольку сейчас моднейшая вещь, самый *шик*, последний

писк — это ставить на победу Забвения, я думаю, стоит прикинуть возможности осуществления Утопии. Аргументы в поддержку этой немодной и непопулярной альтернативы я представил в книге «Вознесение Прометея» *(Prometheus Rising)*, издательство Falcon Press, 1983. Здесь я скажу вкратце только одно:

(1) пока будущее не наступило, исход не предопределён, так что апокалиптические сценарии, как бы они ни были популярны, могут не осуществиться и заслуживают того, чтобы их критиковать и подвергать сомнению ради интеллектуальной честности и ясности;

(2) по причинам, приведённым выше, и рассматривающимся более подробно далее по тексту, я не считаю, что пессимизм — *единственное* возможное мировоззрение, оно всего лишь широко распространилось в наши дни;

(3) многие виды социального поведения — следствие самоисполняющихся предсказаний, так что стоит попытаться в качестве эксперимента рассеять групповой гипноз пораженчества, и в качестве эксперимента проверить, какими могут оказаться последствия более обнадёживающих прогнозов;

(4) и кроме того, вычисления Пригожина показывают, что удача на самом деле на стороне оптимистов, поскольку диссипативные структуры с большей вероятностью эволюционируют в более насыщенные информацией (разумные?) формы, чем в более примитивные или хаотичные формы.

В этом русле скептического отношения к современному Идолу Экзистенциального Отчаяния я полагаю, что программы быстрого изменения состояния сознания, предложенные в данной книге, стоят того, чтобы проверить их на практике, если вы ещё не готовы пойти и убить себя.

Возможно, в каждом из нас есть скрытые запасы мужества, изобретательности и высшей мудрости. Возможно, общественная цепная реакция всё ещё может быть запущена, если достаточно людей научатся переступать через модную жалость к самим себе и постараются стать счастливее и приносить больше пользы. Возможно, мы ещё не мертвы, а всего лишь загипнотизированы болезненными и отжившими своё доктринами. Возможно, забавы палеолита, неолита, феодализма, капитализма и коммунизма так и не освободили всех скрытых в человеческом мозгу потенциалов. Возможно, те пределы, которые кажутся ограничивающими нас — всего лишь вредные привычки и мы можем стать выше их.

И (это основная тема на страницах этой книги), возможно, человеческий мозг может быть задействован для развлечения и пользы; возможно, мозг не сконструирован для неудач, как гласит

догмат нынешних интеллектуалов, а предназначен для «всеобъемлющего успеха во вселенной», как заявляет Баки Фуллер.

Те, кто готов принять во внимание эти еретические и богохульные представления, могут найти для себя нечто полезное в последующих главах.

И последнее добавление из 1987 года к этой книге из 1972 года. Лекарства от СПИДа ещё не нашли. Я не тот человек, чтобы критиковать чей бы то ни было образ жизни, но… если вам вздумалось вести беспорядочную половую жизнь, не забудьте, что во времена СПИДа случайный секс *без презерватива* подобен русской рулетке.

Введение

Мы все Болваны в этом автобусе.

— труппа «The Firesign Theater»

В городе Беркли молодой человек декламирует индуистскую мантру, восторженно трахая девицу из своей коммуны хиппи. Горят благовония, вокруг кровати мелом начерчена пентаграмма, и они совокупляются — невероятно, но совокупляются, не доводя дело до оргазма — уже почти два часа, изредка прерываясь, чтобы занюхать ещё кокаина. Если вы скажете этому парню, что вся эта магика — штука ненаучная и глупая, и что регулярное употребление кокса разрушит его носовую перегородку, он пропустит мимо ушей ваш лепет обывателя. Он нашёл подлинный смысл понятия «религиозный экстаз» в популярных ныне работах мага Алистера Кроули (умершего в безвестности в 1947 году). Эта процедура, включающая наркотики и искуственно продлеваемое занятие тантрической (сексуальной) йогой вознесла его в измерение красоты и радости, где рационалистские предостережения теряют смысл.

В это же время в Чикаго модный молодой юрист с куда более крутым нравом затягивается косячком «панамской красной» марихуаны с своей сегодняшней дамой перед тем, как забраться с ней в постель. Он не считает себя магом и ничего не знает о тантрической ноге. Но и он тоже — часть нового вероисповедания, полного замешанного на наркотиках сексуального мистицизма, пусть он и говорит «вибрации», не понимая, что речь идёт об астральных вибрациях. Он просто хочет ощутить более сильный и приятный оргазм, и надеется, что это ему обеспечит травка.

В Дариене, штат Коннектикут, где толпа с Мэд-Авеню на закате утекает обратно, превращаясь в обычных жителей пригородов, старшеклассник и его милая девчонка-хиппи тоже смешивают наркотики, секс и малую толику мистицизма. Они разделись, но ещё не приступили к соитию, он читает главу «Чакра секса» из книги Тимоти Лири «Психоделические молитвы» ей вслух, пока в их крови блуждают 500 микрограммов кислоты с марки. «[Можешь ли ты] тихо лежать в скользком союзе мужского и женского», — декламирует он, и они переходят к «позиции наездницы», будучи совершенно свободны от скрытого чувства

вины, какое было у их родителей. Они весьма твёрдо убеждены, что происходящее имеет куда большую религиозную ценность, чем всё, что творится в здешней церкви по воскресеньям.

Всё вышенаписанное — не плод воображения: это коллажи из описаний людей, с которыми я действительно знаком. Мы живём во времена, когда, вместе с тысячей других изменений в социуме, Наркотическая Революция объединяется с Сексуальной Революцией, чтобы дать жизнь удивительному потомству. То, что произошло, и продолжает происходить, пока всё больше и больше новообращённых заскакивают в эрото-психоделический поезд, может парадоксальным образом быть описано как всплеск интереса к *нетелесной* стороне секса.

И несмотря на то, что эта идея на первый взгляд содержит оксюморон, мы все знаем о нефизических или метафизических аспектах собственной чувственности. Это эмоциональная — или энергетическая — движущая сила придаёт сексу вкус или цвет, почти не зависящий от телесных фрикций и, тем не менее, она способна обогатить и даже продлить его физиологическую часть.

Согласно исследованиям Мастерса и Джонсон, женщина может, мастурбируя, достичь более глубокого плотского удовольствия по сравнению с тем, которое она когда-либо сможет испытать при соитии с мужчиной. Одна из радикальных групп в феминистском движении выставила данный факт как доказательство того, что для сексуального удовлетворения женщин мужчины не нужны. Тем не менее, никого особо не удивишь тем, что большинство женщин предпочитает совокупление мастурбации.

В таком же ключе многие пропагандисты из Освободительного движения геев настаивают на том, что фелляция вызывает у мужчины более мощный оргазм, чем соитие. И хотя они не могут сослаться на авторитеты уровня Мастерса и Джонсон, чтобы утвердить это заявление, они вполне могут быть правы. С ними, похоже, согласен наш президент; а судья Мёртэг из Нью-Йорка в своей книге о проституции под названием «Брось первый камень» *(Cast the First Stone)*, отмечает, что большая часть мужчин, пользующихся услугами проституток — женатые мужчины, которые хотят фелляции, которой либо не могут попросить у жены из-за собственной стыдливости, либо не могут добиться из-за стыдливости супруги. Это должно означать, что фелляция, как минимум иногда, производит некий дополнительный эффект, которого, как сказали бы на Мэд-Авеню[13], у «пениса в вагину» попросту нет. И тем не менее, и этим опять же никого не удивишь, большинство мужчин почти всегда весьма привержены старинной «миссионерской позиции».

Очевидно, секс — нечто большее, чем сокращение разных мышц и выделения из разных желёз. Это известно каждому подростку, который мастурбировал, глядя на картинку из журнала, которую держал в левой руке. Это известно каждой женщине, которую необъяснимо тянет к мужчине с внешностью Адониса, но на деле сукиному сыну. И каждому мужу или жене, что представляли себе другого партнёра, занимаясь любовью со своей супругой (или своим супругом).

Эту загадочную нетелесную часть сексуальности называют по-разному: «сознание», «дух» или «эмоции». Зигмунд Фрейд назвал её «либидо», а затем предусмотрительно воздержался от точного объяснения смысла этого слова. Доктор Вильгельм Райх, enfant terrible современной психологии, назвал её «органом» и настаивал на том, что это была настоящая разновидность энергии, которую физики не заметили, потому что им никогда не приходило в голову исследовать своими приборами мужчин и женщин, охваченных любовной страстью. Русские учёные в последнее время пытались проводить измерения этой энергии, и некоторые объявили об успехе: они радостно известили нас о том, что она излучается примерно на метр от человеческого тела.[14]

Кто знает, правы или нет Райх и русские, но существует чёткое ощущение, которое большинству из нас хорошо знакомо — ощущение того, что сексуальное возбуждение создаёт некое поле связанной с эмоциями энергии. Это субъективное ощущение, подобное потоку, усиливается и ослабляется в зависимости от силы более определённых биоэлектрических токов в первичных и вторичных половых органах во многих, но не во всех случаях. Разница между этим психоэнергетическим «возбуждением» и более ограниченными генитальными ощущениями объясняет, почему женщина предпочитает мужчину своему среднему пальцу, несмотря на то, что мастурбация может генерировать больший локализованный заряд и разряд; почему подросток получает больше наслаждения, когда в процессе мастурбации фотография накапливает духовный заряд, чтобы поддержать телесный заряд, генерируемый его онанирующей рукой; почему мужчина в одном случае хочет совокупления, а в другом фелляции.

Локализованные ощущения полностью являются производным знаменитых «приёмов», описанных в руководствах по сексу; общий эффект эмоционального поля частично (но, определённо, не полностью) независим от них и вызывается по большей части психологическими факторами — сознательными и бессознательными ощущениями, потребностями, причудами, фантазиями и страстями отдельной личности.

Доктор философских наук Тимоти Лири, пророк и мученик

нарко-культуры, часто ссылается на этологические исследования Конрада Лоренца, которые удивительным образом оказываются apropos[15] и здесь. Доктор Лоренц обнаружил, что гуси после рождения должны быть сразу же «импринтированы», чтобы испытывать половое влечение к гусям другого пола (то есть они должны обзавестись образом гуся или гусыни в качестве источника чувственного удовольствия). В обычном для природы порядке вещей они получают этот «импринт», находясь в гнездах со своими матерями. Из-за тщательного внимания, которое доктор Лоренц уделял птицам, на которых ставил эксперименты, некоторые из них были «импринтированы» его образом в качестве опекающего их материнского объекта, и стали домогаться его, когда достигли зрелости. Что ещё удивительней, один из гусят был случайно «импринтирован» шариком для пинг-понга. И в результате он провёл взрослую жизнь в разочаровывающих попытках заняться любовью с этими пластиковыми шарами.

Как пишет доктор Лири, этот случай —

> одновременно забавный и пугающий. Он напоминает нам о том, что каждый из нас видит мир через структуры восприятия (биохимические/неврологические), которые были заложены по случайности в наши первые дни жизни. Это вызывает смутное подозрение, что… мы, возможно, просто преследуем определенные шарики для пинг-понга, которые в некие важные мгновения будто после щёлканья затвора фотоаппарата остались запечатлёнными на плёнке коры нашего мозга.

Мой собственный опыт тому примером. Моя жена — рыжая. Когда я вспоминаю свою жизнь, мне приходит на ум, что я вступал в сексуальные отношения с большим количеством рыжеволосых женщин, чем можно было бы объяснить простым совпадением или игрой случая. В попытках найти этому объяснение я спросил свою мать о раннем женском влиянии в моём младенчестве. Она припомнила, что в то время я был особенно привязан к одной няне — рыжеволосой *девушке*. Не нужно сильно напрягать воображение, чтобы предположить, что если бы роль моей доброй няни исполнял мужчина, я мог бы сейчас быть гомосексуалистом, или что если бы она была грубой ко мне, я мог бы стать мазохистом и так далее.

Это заключение не просто должно повлечь за собой избитые рассуждения насчёт того, что «ничто человеческое мне не чуждо» или «на всё воля Божья». Гораздо важнее понять, что ко всему, что «импринтировало» нас в детстве при любых обстоятельствах, ко всей этой скрытой истории, мы каждый раз обращаемся, когда

занимаемся сексом. Это один, всего лишь один из многих факторов, которые определяют, становится ли наше эмоциональное поле сильно заряженным, когда наши гениталии подвергаются механической стимуляции.

Иногда мне кажется, что самые глубокомысленные строки из всех когда-либо произнесённых бардами и поэтами — текст старой народной песни из Скалистых Гор:

> Начиная с этого места холмы не становятся выше,
> Начиная с этого места холмы не становятся выше,
> Начиная с этого места холмы не становятся выше,
> Но долины становятся всё глубже и глубже.

В конечном счёте, то, что мы находим в каком-либо опыте, сексуальном или любом другом, зависит от нашего собственного эмоционального энергетического поля. Мы видим невысокую гору над глубокой долиной, или неглубокую долину с возвышающейся над ней высокой горой.

Давным-давно, в блаженные дни до открытия ЛСД, в пятидесятых, Карл Роджерс, известный психолог, автор так называемой «клиенто-ориентированной терапии», написал статью об изменениях в восприятии, которые происходят в течении психотерапевтического курса. Он отметил, что пациенты в начале курса лечения обычно видят вокруг себя достаточно тусклые цвета и слышат достаточно много хаотичных шумов, и более того, их обычно окружают негативные и неприятные раздражители в области запахов и температуры. С другой стороны, пациенты, успешно прошедшие курс психотерапии, чаще видят более яркие цвета, слышат более интересные и ритмичные звуки и в целом мир в их восприятии более приятен. Очевидно, что изменения происходят в самих пациентах, а не в их окружении.

А ещё раньше поэт Карл Сэндберг (Carl Sandburg) рассказывал байку о фермере, сидевшем на изгороди, когда мимо него по дороге прошёл странник и спросил, что за люди живут в городке, куда вела дорога. «Что скажешь о людях, которые живут там, откуда ты пришёл?» — спросил фермер. Странник с горечью произнёс: «Злые, эгоистичные и недружелюбные люди, поэтому я оттуда и ушёл». Фермер грустно покачал головой. «Боюсь, тебя ждёт разочарование. Народ в том городке точно такой же».

Через некоторое время по дороге прошёл второй странник и спросил то же самое. «Что скажешь о людях, которые живут там, откуда ты пришёл?» — снова спросил фермер. «Прекрасные люди», — ответил этот парень. «Людей добрее и отзывчивее я никогда не встречал. Правда было жаль покидать этот город».

«Ну, — сказал фермер, — не грусти. Там ты встретишь таких же людей».

Нам всем трудно поверить, что, как подсказывают исследование профессора Роджерса и притча поэта Сэндберга, реальность создаём мы сами. Консерваторы, гордящиеся своими «трезвыми» и «реалистическими» взглядами на «грубую действительность» жизни, относятся подозрительно ко всему, что предполагает элемент субъективности или намекает на то, что «грубая действительность» существует исключительно в их воображении. Либералы, фанатично преданные тому, что они считают научным скептицизмом (в основном это, на самом деле, популярные изложения устаревших, доэйнштейновских физических теорий), остерегаются любых идей, которые могут довести до «мистицизма» или, Боже упаси, традиционной религии со всем её сверхъестественным. Ну а радикалы, конечно, реагируют как бык на цветную тряпку, когда сталкиваются с понятиями, предполагающими, перефразируя Шекспира, что «всё лишь размышление определяет», ведь это может легко привести к тому, что беднякам начнут говорить, что их несчастья может преодолеть правильный настрой, а не увеличение государственных дотаций.

Несмотря на все эти глубокие предрассудки, многие из нас признают, что *другие люди* воспринимают мир достаточно субъективно и зачастую подвержены тому, что Фрейд называл «проецированием», то есть видят то, что ожидают, надеются, а иногда — что боятся увидеть. Под перекрёстным допросом философов мы даже признаем, что тот же самообман иногда проявляется и у нас самих — хотя, конечно, очень редко. В секте под названием CSICOP верят, что этим «проецированием» или «самообманом» занимаются все, кроме членов секты.

Наркотическая революция девяностых поставила всех нас перед этим вопросом, прежде обретавшимся на задворках философии и изредка вторгавшимся в рабочие записи психологов и неврологов, специализировавшихся в теории восприятия. От десяти до семидесяти миллионов американцев экспериментировали с марихуаной или другими наркотиками, которые в общем классифицируют как п*сихотомиметики*, или *галлюциногены*, или *психоделики*. Противоречивые наименования этих химических веществ отражают отсутствие единого мнения в учёном сообществе относительно того, что действительно происходит, когда эти вещества попадают в человеческий биокомпьютер. *Психотомиметик* означает нечто, имитирующее психоз или на время ввергающее нас в мир безумцев; *галлюциноген* подразумевает нечто, искажающее или

деформирующее наше восприятие; *психоделик* означает всего лишь нечто преобразовывающее или расширяющее сознание. Очевидно, первые два термина предполагают, что трипующий видит исключительно иллюзии и галлюцинации, в то время как третий оставляет возможность того, что кое-что из новообретённых ощущений может настолько же соответствовать истине, насколько соответствует ей нормальное сознание, или даже быть более точным.

Само собой разумеется, что те, кто видит психоделическое движение в качестве политической или культурной силы, утверждают последнее; это — догмат таких основывающихся на этих веществах новых религий, как «Лига духовных открытий» доктора Лири, «Нео-американская церковь», «Церковь Пробуждения», «Церковь психоделической Венеры» и тому подобных. В большой степени поведение общества по отношению к этому движению в целом будет зависеть от того, насколько откровенны мы сможем быть в подходе к этому спорному вопросу о достоверности ощущений других. Считаем ли мы, что наше восприятие мира и есть реальный мир, как настаивает, к примеру, Айн Рэнд? Или мы признаём, что каждый живёт в своём собственном мире и что вселенная каждого человека частично включает в себя действительность, а частично — художественный вымысел?

Я был в первых рядах Наркотической Революции. В 1961 году я принимал пейот, священный психоделический кактус американских индейцев начиная примерно с тысячи лет до нашей эры, с другом-индейцем из племени сиу. Я испытал взрывное расширение (или схлопывание) своей прежней вселенной и создание новой вселенной. Я знаю, о чём говорят доктор Лири и другие идеологи «нового сознания». И в то же время я должен заботиться о жене и четырёх детях, а ещё я парнишкой прошёл бруклинскую школу выживания, и как следствие, мой организм сам избегает вступления в партии и участия в крестовых походах за веру. Я был знаком с пропагандистами психоделиков и многие из них мне были по душе, но по складу характера я всегда оставался скептиком. В моём организме нет желёз, делающих человека Истинно Верующим.

Один мой друг, писатель Уильям Берроуз, любил говорить, что всего, чего можно достичь с помощью химии, можно достичь и без неё. Лично я обнаружил, что так оно и есть. Нет такой области нового восприятия и расширенного осознания, достигаемой с помощью пейота (или ЛСД, или подобных веществ), которую нельзя было бы также достичь с помощью техник, хорошо известных йогам востока или западным

оккультистам. Способы сенсорной депривации, разработанные впервые доктором Лилли, и новые аппараты биологической обратной связи также воспроизводят большую часть этого эффекта расширения сознания. Другие ученые занимаются исследованием ещё более простых способов. Я убеждён, что по мере того, как эти новые знания становятся всё более доступными для широкой публики, это будет вызывать эффект, которого вашингтонские законотворцы *хотят, но не могут достичь с помощью законодательных запретов:* наркотическая революция замедлит ход и слегка свернётся. (Она происходит, как мы ещё увидим, по меньшей мере с пятнадцатого тысячелетия до нашей эры).

В то же время химическая революция может сказать о своём состоянии «весьма неплохо, благодарю». Скажем, в нашей стране было, возможно, не более чем несколько сотен тысяч курильщиков анаши, когда конгресс США законодательно запретил травку в 1937 году; сейчас эта цифра болтается где-то в районе пятидесяти-семидесяти миллионов — и их количество, похоже, растёт. Многие из них подверглись изменениям в восприятии, похожим на те, которые произошли у пациентов доктора Роджерса и живут в реальности, незнакомой, скажем, преподобному Билли Грэму[16] или главе совета директоров какого-нибудь банка в вашем городе. Те, кто принимают наркотики, смеются над другими вещами, по-другому любят, злятся от другого и вообще кажутся многим представителям старшего поколения пришельцами с другой планеты.

Первая «шутка про вещества», которую я услышал (в середине пятидесятых), показалась мне загадочной ввиду моей молодости и простодушия. Шутка была про двух курильщиков анаши, музыкантов, которые играют би-боп, идущих по улице, когда мимо на полной скорости пролетает пожарная машина. «Блин, — говорит один другому, — я думал, они *никогда* не проедут». Сегодня даже самый законопослушный гражданин в курсе, пусть даже и по рассказам других, в чём суть этой истории: марихуана растягивает время, как пластилин. Это также сталкивает нас с эйнштейновскими парадоксами: моё время реально или более реально твоё? Движется наш поезд или поезд на соседнем пути? Холмы становятся выше или долины глубже? Впервые в истории развития англо-саксонской правовой системы мы сталкиваемся с самым злополучным из всех вопросов метафизики — *«Что есть Реальность?»* — и то, терпимы или нетерпимы ли мы по отношению примерно к сорока процентам наших сограждан, зависит от нашего ответа.

Восприятие не существует независимо ни от чего: то, что мы

видим, определяет то, как мы чувствуем и выстраиваем отношения с миром. Наш ответ на вопрос «что есть реальность?» никогда не является отвлечённым от жизни или чисто теоретическим, каким бы мудрёным не казался вопрос. Те люди, которых объединяет то, что антрополог Карлос Кастанеда назвал «отдельной реальностью», также вырабатывают отдельный образ жизни и обычаи — то, что чаще всего называют «контркультурой». Как пишет Ричард Р. Лингеман в книге «Наркотики от А до Я» *(Drugs from A to Z):*

> *Пока завеса тайны окутывает наркотики, любопытные будут хотеть попробовать их, а их приверженцы будут выстраивать вокруг них свою жизнь. Скорее всего, сторонники легализации наркотика продолжат свою агитацию… Систематически употребляющие ЛСД люди обычно являются почти непроизвольными пропагандистами наркотика, но нам ещё предстоить узнать, окажут ли их усилия сколько-нибудь широкое влияние на наше общество, ибо медитативный, лишённый агрессии, обращённый внутрь настрой, который связывают с наркотиками, противоречит ценностям обращённого наружу, агрессивного, стяжательского общества.* [17]

Вряд ли моя книга сможет устранить настолько сложные эпистемологические и социологические противоречия, но надеюсь, что я, по меньшей мере, смогу некоторым образом пролить свет на некоторые вопросы. Объект моего исследования — то, как наркотики действуют на половую жизнь, но я не могу обойти вниманием их воздействие на жизнь и мироощущение в целом и их роль в философии, праве и политике. Я надеюсь, что обычный читатель как минимум лучше сможет понять настоящие противоречия, присущие этой теме, равно как и таким обманчиво простым словам, как «реальность», «галлюцинация», «сознание», «расширение сознания» и так далее.

К примеру, то, что рядовой курильщик анаши или любитель кислоты утрачивает способность отличить явную галлюцинацию от безусловной реальности — не вполне правда. Однако, для увлекающихся этим различие определённо становится более неопределённым и неясным, чем для большинства людей; они менее категоричны в заявлениях «это реально» или «это галлюцинация». Однако заметьте, пожалуйста, что, во-первых, это также справедливо в отношении величайших умов в науке, которые признают куда большую неясность в этом отношении, чем рядовые граждане, и, во-вторых, за исключением весьма

редких обстоятельств и весьма недолгих промежутков времени (например, под воздействием веществ из растений семейства паслёновых или очень сильной дозы ЛСД), среднестатистическому наркоману будет не труднее отличить настоящую набирающую скорость машину от видения одноглазого, однорогого, летающего фиолетового людоеда, чем Джесси Хелмсу.[18]

Это стоит подчеркнуть, так как существует распространённое заблуждение относительно того, что «наркосектанты» теряют способность критически мыслить и верят в любые наваждения и галлюцинации, которые испытывают под своей травкой или кислотой. Вряд ли это справедливо по отношению к настолько эрудированным людям, как Олдос Хаксли, Уильям Берроуз, Алан Уоттс и многим другим выдающимся личностям, которые заявляли, что наркотики позволили им более полно познать реальность, и это не верно даже по отношению к *люмпенской прослойке* употребляющих наркотики в наших ВУЗах или трущобах хиппи.

К примеру, под воздействием наркотика вроде гашиша человек может за несколько часов принять участие в программе или сценарии, при котором (а) все цвета становятся ярче и приятней для глаза, (б) он внезапно обнаруживает неестественно сочный привкус в пище вроде кукурузных хлопьев, (в) он видит в окне волка-оборотня, (г) он проводит полчаса, безостановочно хихикая над чем-то, что так и не становится ясным, (д) он внезапно осознаёт, что его недавняя перепалка с подружкой была следствием внезапно проснувшегося сознательного ресентимента, направленного против его матери, оставшегося с детства, (е) он думает, что понимает, что имеют в виду индусы, когда говорят, что всё сущее есть Бог, (ж) посмотрев в зеркало, он видит старика (или покойника), (з) в картине Ван Гога он замечает нечто, чего не замечал ранее, и (и) он спит со своей девушкой и испытывает сильнейший оргазм за много месяцев.

Впоследствии, размышляя над этим опытом, триповавший *не будет* полагать, что (в) волк-оборотень действительно стоял за окном. Скорее всего он также решит, что (б) кукурузные хлопья на самом деле весьма безвкусны и что гашиш всего лишь вызывал у него воспоминания о более вкусной пище, которую он ел в прошлом. Возможно, он будет даже настолько скептичен, что усомнится, было ли его великое фрейдистское прозрение (д) по поводу детских психологических травм основано на подлинных воспоминаниях, или же это всего лишь отражение того, что он слышал или читал об исследованиях Фрейда. Он может, однако, заключить, что цвета (а) и правда ярче, чем он обычно «видит» их,

и что его обычное ощущение блёклых и тусклых красок, как и у вышеупомянутых пациентов Карла Роджерса — последствия того, что наше подавляющее личность общество сделало его в чём-то увечным, что хихикать (г), возможно, полезней для человека, чем переживать, даже если не понимаешь, над чем смеёшься, что старик или покойник (ж) в зеркале, хоть и иллюзорный, является духовной реальностью — конечной участью любого — которую нужно признать, вместо того, чтобы бежать от неё, как это делают обычно, что все эти воззрения насчёт Бога (е) стоит, возможно, обдумать более пристально, и что супер-оргазм (и), как бы его не описывали, точно стоило испытать.

Давайте обратим побольше внимания на более интенсивный оргазм, раз главная тема данной книги — это секс. Когда вы спросите у нашего гипотетического любителя гашиша, что на самом деле произошло, он может ответить (далее будут приведены подлинные цитаты в подтверждение этого), что всё его сознание сосредоточилось в его пенисе, что он ощущал, будто бы он состоял целиком из пениса, притом пениса гигантских размеров. Он может добавить, что его подружка казалась ему ничем иным, как гигантским, очень тёплым, восхитительно влажным влагалищем. В то же время, «эмоциональное поле», которое упоминалось ранее, казалось ему необычайно ярко светящимся одним или несколькими цветами. (Удивительное — или не очень удивительное — дело, но это ощущение также описывали все великие западные и восточные мистики как минимум двух прошедших тысячелетий. Синонимы «свечения» появляются в разноязычных писаниях мистиков, которые я исследовал). В момент оргазма повседневное сознание было полностью отключено по крайней мере на несколько секунд: почти как описывают это Лоуренс и Эрнест Хемингуэй (и доктор Вильгельм Райх), пусть даже «реалистские» руководства в области секса говорят, что не нужно ожидать такой апокалиптической вселенской бури во время оргазма.

Происходит ли нечто уникальное в телесном плане, или это «всего лишь» психологический эффект? Пока ощущения были поистине ошеломительны для участников, какой смысл задавать подобный вопрос? (В конце концов, довольство, мужество, оживление и прочие положительные качества также могут быть объяснены как «всего лишь» психологические эффекты).

Но, возможно, мы слишком забегаем вперёд. Широкая публика, и более того, скептически настроенные психиатры, будут достаточно твёрдо убеждены, что редукция сознания к габаритам пениса точно *должна* была быть галлюцинацией, что испортит весь этот опыт. Здесь граница между мирами

«обывателей» и наркоманов кажется непреодолимой. Наш курильщик гашиша, если он хорошо ориентируется в психоделической философии, будет отрицать, что его ощущения являли собой галлюцинацию.

Он обратит наше внимание на то, что наше представление о том, что сознание находится в голове, для нас создало общество, оно не является врождённым. Китайцы, скажем, считают, что сознание находится в солнечном сплетении: иероглиф, который мы переводим как «разум», изображает сердце и почки. Индийские йоги верят в то, что сознание можно переместить куда угодно, и каждый день упражняются, перемещая его из пятки в голень и далее к колену, вниз и вверх в переделах торса, внутрь головы и наружу и так далее. И он добавит, что любое убеждение насчёт того, что эти два многочисленных народа, число людей в которых составляет практически треть человеческой расы, галлюцинируют — достаточно местечковое убеждение.

А ещё он может и прибавить, что весь наш скептицизм стоило бы проверить путём небольшого эксперимента на самих себе. А наш страх перед подобным опытом, предположит он, показывает, насколько сильно в нас остаточное влияние пуританства. Западное общество, по крайней мере со времён святого Павла, склонялось к тому, чтобы рассматривать секс как нечто более или менее заслуживающее сожаления, и именно эта традиция заставляет настолько многих из нас считать восточное внимание к подробностям упадничеством, честность в эротическом искусстве порнографической, а вещества, улучшающие сексуальную жизнь — влекущими за собой вырождение или внушающими иллюзии. Последнее утверждение, как ни крути, это способ избавиться от искушения — путём объявления его несуществующим.

Курильщик анаши стал более «открытым», но необязательно более наивным.

Впрочем, самые полезные наркотические опыты, возможно, те, что подходят под классическое описание из дзэн-буддийского высказывания о смене состояний ума во время йогического созерцания: «Сначала горы — это горы, а долины — это долины, затем горы уже больше не горы, а долины — больше не долины, а в конце концов горы — это снова горы, а долины — это снова долины». То есть процесс избавления от обыденного восприятия на одном уровне глубоко познавателен, даже если в конце этого процесса возвращается то же самое восприятие. Во время того, как человек деконструирует эти способы восприятия и собирает их заново, он узнаёт нечто очень ценное о собственном разуме. Доктор Джон Лилли называет это «метапрограммированием

человеческого биокомпьютера», и отмечает, что это даёт человеку гораздо большую свободу в выборе между дальнейшими каналами. Разница здесь примерно такая, как между человеком, который не знает, как переключать каналы своего телевизора и каждый вечер вынужден смотреть один и тот же канал, и человеком, который может переключить канал и попробовать посмотреть другой.

Нужно добавить, что некоторые из других каналов, как скромно выражается доктор Лилли, «несут возможность летального исхода». Конечно же, это то, что стоит за нашей обычной преданностью общепринятым каналам — обычным ощущениям, обычным чувствам, обычным уровням осознания. *Как только некто выходит за те пределы, что были избраны эволюцией и историей общественных отношений в качестве «относительно безопасных рамок», его жизни начинает угрожать опасность.* Некоторые из сидевших на кислоте убили себя, чтобы не встретиться лицом к лицу с каналами, на которые они неумышленно «настроились».

То, что Власти твердят об этом, ни на йоту не воспрепятствовало наркотической революции, потому что поиск приключений и риска для нашего вида является врождённым, в особенности у молодёжи. Кроме того, все экспериментирующие с веществами знают то, что Власти никогда не признают: многие из альтернативных каналов благотворны, невероятно чарующи и даже восхитительны.

Навряд ли эта книга сможет положить конец этому извечному спору между консервативными Властями и жаждущей приключений молодёжью. Всё, чего я могу попытаться достичь на разумных основаниях, рассматривая в основном сексуальный аспект наркотической революции, это пролить немного света на эти «благотворные, невероятно чарующие и даже восхитительные» стороны альтернативных каналов и альтернативных способов восприятия, которые создают некоторые вещества. Это должно по меньшей мере дать возможность широкой публике в какой-то степени понять мотивацию тех, кто становится частью наркотической революции, которую никак не назовёшь безумным маршем к саморазрушению, как это делают её самые ожесточённые критики.

И для всех читателей, которые, прочитав это введение, всё ещё считают, что они в точности исчислили объёмы всех мужских гор и женских долин и никакое вещество не сможет изменить их сексуальные ощущения, я могу лишь добавить, обратившись к Шекспиру:

«В небесах и на земле, Горацио,

Есть много такого, о чём твои философы и помыслить не могут».

Прелюдия.
Ледяная дева: история Джейн

Чтобы поклоняться мне, возьмите вино и необычные наркотики, о которых я расскажу пророку моему, и захмелейте от них! Они совсем не повредят вам.

— Книга Закона (пер. А. Чернова)

Можно ли вылечить фригидность с помощью ЛСД?» — такой вопрос мне задала Джейн.

Она задала мне этот вопрос после того, как прослушала прочитанную мной в нью-йоркском обществе общей семантики лекцию. Темой лекции была «Семантическая игра и психоделическая игра», и я утверждал (это были давние времена оптимистов, начало шестидесятых), что психоделики имеют тенденцию подтверждать неаристотелевскую/неэвклидовскую/неньютоновскую картину вселенной, в верности которой убеждал граф Альфред Коржибски, основатель общей семантики. Имеется в виду, что мир, в котором оказывается трипующий под ЛСД, именно что такой, в котором противоположные представления в одно и то же время истинны (неаристотелевский мир), пространство геодезично, а не линейно (неэвклидовский мир), а причинно-следственная связь нереальна (неньютоновский мир).

Джейн подошла ко мне после лекции и задала свой вопрос про фригидность напряжённым, серьёзным голосом.

Я не психолог, и уж ни в коем случае не психиатр, и не собирался лично заниматься таким противоречивым предметом. Я сказал ей, что читал статью английского психиатра, который использовал ЛСД и стимулятор под названием риталин для лечения фригидности и добился некоторых значительных случаев исцеления. Я добавил, что о «значительных случаях исцеления» всегда докладывают, когда новый метод лечения пробуют в первый раз и что количество случаев всегда на сколько-то снижается по прошествии некоторого времени: частью эти цифры — следствие надежд и энтузиазма проводящего эксперимент (и, конечно, и его пациентов тоже).

Она спросила меня, знаю ли я, где ей раздобыть немного ЛСД. Как я упомянул ранее, это было всего лишь в начале

шестидесятых и ЛСД ещё не было запрещено законом. Тем не менее вокруг него уже шли ожесточённые дебаты. Лири и Альперта попросили покинуть Гарвард и никогда больше не соваться на его порог, а несколько журналов опубликовали нагоняющие страх, апокалиптические разоблачительные статьи про «бэд-трипы» и самоубийства, которые повлекло неразумное и неруководимое экспериментирование. Мне были известны где-то пять хороших мест, где можно было достать чистую кислоту из «Лаборатории Сандоэ», но вместе с тем я был настороже. Джейн была слишком отчаявшейся, слишком хрупкой на вид.

Я назвал ей фамилию психоаналитика, который в качестве эксперимента использовал ЛСД (в психолитических[19] дозах) с некоторыми из его пациентов. Что бы ни случилось, это будет на его совести профессионала, а не свалится на мои любительские плечи, подумал я.

Примерно неделю спустя мы с моей женой Арлен (не Арлин) встретили Джейн на улице и узнали, что живём по соседству. Потом как-то вечерком мы пригласили её на коктейль-другой, и так вышло, что они с моей женой завели важный разговор не для чужих ушей, пока я (как и всегда) валял дурака перед другими гостями.

Жена потом частично рассказала мне, о чём они беседовали.

«Бедняжка Джейн», — сказала Арлен. «У неё совершенно жуткая проблема, и после семи лет психоанализа всё так же плохо, как и было. Четыре сеанса в неделю! И мозгоправ до сих пор ей не помог. За семь лет!»

«Четыре раза в неделю?» — сказал я. «Кем же она, блин, работает? Заседает в совете директоров какого-нибудь банка?» В те времена я не был знаком ни с кем, чей уровень дохода позволял выплачивать такие гонорары. Несколько моих знакомых, подсевших на психоанализ, ходили в те дни на приём раз в неделю и жаловались на то, что это стоило им по двадцать пять долларов за сеанс.

«Она очень большая шишка в агентстве Икс», — сказала моя жена, назвав преуспевающее рекламное агентство на Мэд-Авеню. Это меня впечатлило. Женщина, достигшая самого верха на этой гладиаторской арене, должна была бы отличаться дикарской похотливостью.

«И она фригидна», — задумчиво произнёс я.

«Откуда ты-то знаешь?» — спросила Арлен.

Я повторил то, о чём Джейн говорила мне в прошлый раз. «Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы сложить два и два», — заключил я.

Когда я снова встретил Джейн, она снова спросила меня, где

ей достать ЛСД. В ответ я спросил её, была ли она у врача, которого я порекомендовал. Она ответила, слегка раздражённо, что страшилки из газет его испугали и он больше не использовал ЛСД для лечения. «Он назвал мне другого мозгоправа в Лос-Анджелесе», — сказала она. «Но я не собираюсь бросать работу и переезжать туда. В Нью-Йорке продаётся много нелегальной кислоты. Я найду немного и закинусь в собственной квартире, без всяких врачей».

Джейн была эффектной, но вместе с тем очень хрупкой женщиной: казалось, первый же сильный порыв ветра мог подхватить и унести её. Мысль о том, что она будет экспериментировать с ЛСД в одиночку, меня тревожила. «Я знаю, где тебе продадут гашиша», — сказал я, нарушив антинаркотическое законодательство штата Нью-Йорк, которое в то время включало в качестве преступления не только продажу наркотиков на основе каннабиса, но и сговор с целью продажи. Я назвал ей имя одного человека из сигарной лавки на Сорок Второй улице.

В течении нескольких последующих дней я сильно беспокоился насчёт того, что наделал, потому что я знал, что при неверном обращении с гашишем он может перепугать человека до полусмерти. Тем не менее это было, наверное, мудрее, чем допустить, чтобы она экспериментировала с ЛСД не под присмотром профессионалов.

Я рано начал беспокоиться. В следующую встречу с Джейн она была ещё более невесёлой и отчаявшейся, чем прежде. Вообще-то мы с Арлен её слегка подпоили и убедили выговорить своё отчаяние.

У Джейн, как оказалось, был новый парень, лётчик, Ромео, о котором она мечтала и всё такое прочее. Хотя они уже несколько раз занимались любовью, он ещё не знал, что она фригидна — что заставило меня подумать, что Ромео был немного простоват. И что ещё хуже, её мозгоправ всё чаще и чаще начинал упоминать про «принятие» и «примирение». «Так говорят с педиками», — горько сказала она. «Ну ты знаешь — скажем, «по-взрослому принять вещи такими, какие они есть» — всё это значит, что Т. не может изменить тебя, так что лучше просто усмехайся и терпи. Для педиков, это, может быть, и неплохо, у них всё-таки есть своя половая жизнь, но не для этого я платила подонку сто шестьдесят долларов в неделю в течение семи лет! Если он не может помочь своим пациентам, пускай сдаёт лицензию и идёт драить сортиры». И всё в таком же духе. Я слышал в целом такие же отзывы от пациентов психоаналитиков-фрейдистов много раз и раньше.

Я предложил сходить к бихевиоральному терапевту. «Они делают акцент лишь на избавлении от симптомов, — отметил я, — а то, что тебе нужно, это избавиться от одного конкретного симптома». Джейн было всё равно, какой у врача подход. «Это посягательство на человеческое достоинство», — сказала она, немного невнятно проговаривая слова из-за того, что мы так напоили её бурбоном. «Они думают, что мы — просто машины».

«Какая разница, если они могут помочь?» — спросил я.

Это было бесполезно. Джейн считала Б. Ф. Скиннера реинкарнацией сумасшедшего учёного, которого играл Карлофф в тридцатых, и она не желала иметь ничего общего с «выработкой условных рефлексов, промыванием мозгов или чем-то вроде того». Она хотела кислоты. Её знакомая, актриса, хвасталась, что излечилась от фригидности после одного-единственного кислотного трипа, и Джейн была уверена, что такое же чудо произойдёт и с ней.

«Ты попробовала гашиш?» — спросил я.

Она попробовала. Она обратилась к моему приятелю из магазина сигар и даже сходила в «хэдшоп» (тогда они были модной новинкой), чтобы купить небольшую металлическую «трубку для гашиша». Поскольку она знала, что доза, которую я порекомендовал, была минимальной (столько порошка, чтобы покрыть тонким слоем ноготь на мизинце), она специально утроила её перед последним свиданием с лётчиком.

И ничего не произошло. Весь ужин она ждала, что «настроится» и почувствует эти «вибрации» и увидит цвета, но она чувствовала себя как обычно. Когда они вернулись в её квартиру, перед тем, как отправиться в постель, она украдкой выкурила ещё одну, более мощную дозу в ванной. «Я была уверена, что я почувствую что-нибудь», — в гневе произнесла она.

Ничего. Это было то же самое, что она ощущала в другие разы во время секса. Небольшое напряжение, несколько проблесков чего-то, что могло быть очень приглушенным удовольствием, а затем внезапное онемение, когда его возбуждение устремилось к пику. «И я продемонстрировала обычную оскароносную актёрскую игру, чтобы он не догадался», — добавила она. Я снова подумал, что летучий Адонис был летучим олухом.

Очень скоро Джейн и лётчик расстались. Я его ни разу не видел — что было странно, учитывая то, что у меня уже было составлено мнение (и нелестное) о его мужской силе.

А потом как-то раз меня пригласили на пейотную вечеринку. Это звучало заманчиво: пейот должен был не поглощаться (что всегда вызывает рвоту — неприятная вещь, которая, как

утверждают индейцы равнин, является для Бога способом устроить так, чтобы никто, кроме прошедших духовную подготовку, не попадал во владения этого священного галлюциногена), а добавляться в своего рода чай. Так делали индейцы в Висконсине, и считалось, что это вызывает более мягкий, более последовательный и абсолютно лишённый тошноты трип. Что самое лучшее, хозяин дома был антропологом, что, на мой взгляд, значило, что он так же сведущ, как большинство психотерапевтов или клинических психологов, которых я знал (если не более сведущ). Я подумал, что антрополог — лучший выбор, если не считать моего друга-индейца из племени сиу.

Я спросил, можно ли нам с женой пригласить ещё одну пару, и нам ответили, что чем больше народу, тем лучше.

Мы пригласили Джейн и она с радостью согласилась. Как оказалось, её новый парень был лет на десять младше неё: выпускник физического факультета Бруклинского Политехнического, очень серьёзный, но относящийся с интересом к некоторым аспектам психоделической революции. Когда я познакомился с ним перед тем, как идти на пейотный пир, я узнал, что его интерес был вызван прочитанной им историей о другом физике, который сказал, будучи под действием ЛСД: «Теперь я не только понимаю, что материя есть энергия — я могу почувствовать это!»

Я объяснил Джейн, побеседовав с глазу на глаз, что, согласно известной мне контркультурной премудрости, ей не стоит ожидать никакого связанного с сексом эффекта от пейота в первые четыре часа. «Подожди, пока не будешь уверена, что «достигла пика» — ты поймёшь, что это значит, когда дойдёт до этого — а затем тащи его домой и проводи свои сексуальные эксперименты».

Хозяин дома подходил ко всему весьма научно, будучи, однако, весьма доброжелательным и умиротворённым. Он предупредил нас, что он запишет на магнитофон всё, что будет происходить, и в дальнейшем включит этот материал в книгу, но заверил нас, что ни один из нас не будет назван по имени и фамилии. Наша реакция, не обусловленная ритуалами и традицией, затем была бы сопоставлена с реакцией индейцев, которые взаимодействовали со священным растением, следуя внушительным обрядам и преданиям давних эпох.

На проигрывателе крутилась лёгкая, мелодичная классическая музыка — Вивальди, Моцарт, ничего тяжёлого или «религиозного». Я поразмышлял над этим, но решил, что для начала главной целью того, кто нас пригласил, было создать

расслабленное, праздничное ощущение. Разлили чай, и он добавил чуточку церемониальности весьма трезво сказав: «Пусть мы все обретём в этом путешествии то, чего мы ищем». Как в те деньки было для меня характерно, я очень быстро вошёл в состояние Смеющегося Будды (+12 по шкале изменённых состояний сознания Гурджиева) и начал обдумывать различные дзэнские загадки и математические теоремы, которые не давали мне покоя. Всё это привело к забавнейшим откровениям. Люди вскоре начали игнорировать меня, потому что не могли ничего понять из моих немногих замечаний — к примеру: «А вы знаете что? Всё, что есть, на самом деле одного размера!» (Эта странная мысль также появляется в записках даосского философа Чжуан Чжоу и в некоторых современных теориях, связанных с бесконечностью, основывающихся на трансфинитных числах Кантора. Пейотное сознание ставит меня перед парадоксами, но не перед нелепицами).

У физика, как он и надеялся, случился энергетический трип, и он обнаруживал «ауры» вокруг предметов. На следующее утро ему пришлось крепко поразмышлять, определяя, были ли ауры чем-то по-настоящему существующим, или галлюцинаторным зрительным выражением того, что присутствовало в менее очевидной форме, или просто-напросто обманом зрения.

Женщина, которая поначалу казалась достаточно отстранённой и нервозной, провела последующие часы, улыбаясь каждому и повторяя слова «Боже мой» и «вы все такие красивые» снова и снова.

Джейн выглядела всё более и более недовольной и продолжала говорить: «Я пока ничего не чувствую».

Несколько часов спустя мы с Арлен ощутили сильное желание прогуляться. Мы немного погуляли, тащась от уличных фонарей и неоновых вывесок (даров Эдисона психоделической эре), и обсуждая вопросы, которые не относятся к данной главе. Когда нам встретился торговый автомат, мы оба испытали одинаковое эстетическое чувство, созерцая *стакан вишнёвого желе:* некоторые из читателей поймут нас сразу же, а некоторые посчитают это очень глупым.

Когда мы вернулись на вечеринку, Джейн и её физик уже ушли. Хозяин дома теперь крутил бетховенскую *Девятую Симфонию* и все гости сползли со своих кресел на пол, где лежали с закрытыми глазами, следуя за Людвигом в его погоне за одной из величайших выдумок, когда-либо помысленных человечеством. Я тоже закрыл глаза и следовал за музыкой, пока передо мной не предстало странное видение Бетховена собственной персоной, превращающегося в нечто, выглядящее как гигантский бык

женского пола. Если это звучит по-дурацки, придумайте собственную метафору для того чувства, которое вызывает финал *Девятом*.

На следующий день, в субботу, Джейн пришла к нам, с трудом сдерживая слёзы. Случилось то же, что и с её гашишной авантюрой. Ничего не произошло. Ничего. Я почувствовал лёгкое недоверие. Я читал о некоторых больных-кататониках, которым давали ЛСД, что не вызывало у них никакой реакции, но я никогда не слышал о подобных вещах, которые случались бы вне стен психиатрических больниц. Действие пейота почти настолько же сильное, что и действие кислоты, и все, о ком мне было известно, *так или иначе* реагировали на него.

Джейн, однако, была в бешенстве. Она не видела новых цветов, не испытала новых ощущений, не почувствовала ничего нового. И самое главное, она не испытала оргазма.

«Это было чудовищно», — выла она. «И чёртов пейот, должно быть, сделал его сверхчувствительным, потому что он знал, что я притворяюсь. Ему стало меня очень жаль, и он попытался мне отлизать. О Боже, а ведь я обычно при этом что-то чувствую, пусть и без кульминации, но на этот раз я так нервничала, что не почувствовала ничего. Он был очень встревожен и чувствовал себя виноватым, продолжая винить себя. Это было чудовищно».

Мы успокоили и утешили её, насколько могли. И в то же время я решил для себя, что никогда больше не буду помогать ей в поиске психоделических приключений. Очевидно, не тот она была человек.

В следующие несколько раз, когда мы с ней виделись, она была ещё больше заинтересована ЛСД, чем прежде. В её понятии было весьма очевидно, что её неудачи с гашишем и пейотом были вызваны сравнительной «слабостью» этих наркотиков и ей нужна была «матерь их всех, панацея доктора Лири», ничего кроме чистого диэтиламида лизергиновой кислоты из лаборатории «Sandoz» (который мы называем ЛСД, так как на немецком в «Sandoz» вещество называлось «lyserg saure diethylamid»). Для меня было так же ясно, что доставать это вещество ей придётся без моей помощи.

Кульминация — во всех смыслах этого слова — произошла несколько недель спустя. Однажды вечером я сидел дома и писал, а Арлен сидела за второй печатной машинкой и занималась тем же самым, и тут зазвонил телефон. Арлен взяла трубку. Мгновение спустя она подала мне знак взять трубку параллельного телефона.

Нам позвонила Джейн, и она была в экстазе. «Это происходит», — продолжала повторять она. «Цвета, музыка — всё

это. Я не чувствовала себя настолько в своей тарелке с тех пор, как я была маленьким ребёнком. Это чудесно, чудесно». Она настаивала на том, чтобы мы немедленно шли к ней домой и увидели чудо своими глазами.

Её возбуждение было так заразительно, что мы, несмотря на то, что были в процессе писательских занятий, позволили себя убедить. То, что мы увидели, когда добрались до неё, было зрелищем, которое преисполнило бы гордостью доктора Лири. Джейн, всегда бывшая привлекательной женщиной, лучилась красотой: все агрессивные и грубые мышцы её лица и тела стали расслабленными. Она постоянно смеялась, иногда всплакивала, и в целом была переполнена ощущениями удовольствия, которые она в буквальном смысле не испытывала с поры своего детства. Её приятель-физик был настолько же под кайфом, хотя и в более сдержанной и обращённой вовнутрь манере, восторгаясь хорошо знакомой мне математической и структурной мистикой, свойственной формам и действенности вещей. Они достали кислоты с чёрного рынка у художника из Гринвич-Виллидж.

«Вот такой я родилась», — хихикая, в какой-то момент произнесла Джейн. «Такими рождаемся все мы, такими рождаются щенята и котята — совершенно как дома в этом мире, довольные им. Я так себя не чувствовала с тех пор, как мне было примерно три года. Господи, как наше общество разрушает нас…» Она ещё поговорила об этом — обычная реакция на первый трип, но из уст человека, который был настолько несчастен, как Джейн, это звучало трогательно.

Вскоре я начал кое-что подозревать, и это меня не обрадовало. Джейн позвала нас не просто для того, чтобы поглядеть на то, как она заново знакомится с радостью: они с её физиком ещё не занимались любовью и она искала отвлекающий манёвр, чтобы избежать этого своеобразного кислотного теста. Мне не стоило беспокоиться. Примерно после часа забавного и бессвязного разговора, Джейн снова собралась с духом. Она сделала несколько намёков, и мы ушли.

На следующее утро я волновался и испытывал любопытство. Прошлым вечером это была такая прекрасная картина, что я не хотел думать, что пузырь мог лопнуть, как только дело у них дошло до спальни.

Повторюсь, мне не стоило беспокоиться. Она позвонила примерно в десять и вела частную беседу с Арлен. Я смотрел и видел порывы разделяемого счастья на лице моей жены: то были хорошие новости. Когда она наконец повесила трубку, она сказала: «Что ты думаешь? Полностью исцелилась за одну ночь. Она говорит, что кончила восемь раз, и голос у неё до сих пор

подрагивает». Она добавила: «Приятно слышать, что кто-то в этом городе счастлив».

До этого происшествия я не боялся психоделиков и был заинтригован в интеллектуальном плане теми путешествиями сознания, в которые они меня отправляли в те несколько раз, когда я с ними экспериментировал. А тут моё отношение стало более положительным, и я склонялся к тому, чтобы вступить в Священную Войну, которая начала проявляться в наших средствах массовой информации — на стороне Хаксли, Лири и других пророков, видевших новый путь к спасению в этих странных, непредсказуемых веществах.

Вскоре после этого мы переехали в Чикаго. Когда мы видели Джейн в последний раз, она выглядела на десять лет моложе. Ей не нужно было рассказывать нам, что её новообретённая способность к оргазму всё ещё была при ней. То, как она теперь сияла и лучилась, делало это очевидным.

Прошло несколько месяцев, как-то раз старый друг из Нью-Йорка заехал в Чикаго, и мы пообедали вместе. Мы начали болтать насчёт общих знакомых и речь зашла о Джейн.

«Бедняжка Джейн», — сказал он.

«Бедняжка Джейн?» — воскликнули. «Что случилось?»

«Она в частной психиатрической лечебнице. Сдала себя сама. У неё были приступы депрессии, и она несколько раз попыталась кое-как совершить самоубийство».

Шестидесятые продолжались, и настрой в обществе изменялся в сторону кафкианского: некоторые американцы сжигали свои повестки в армию, некоторые сжигали гетто, в которых жили сами, а некоторые, отрекаясь от всего, даже публично сжигали себя; и мне стал знаком ход вещей, ставший свойственным для кружков йоги и психологической поддержки (о чём писали не так много) так же, как и для тусовки наркоманов: зажатый человек приходит к освобождению, энергия свободно течёт сквозь него, невротическая броня спадает, рождается новая, открытая душа — а затем старые установки восстанавливаются и человек впадает в депрессию, или даже психоз, или даже кончает жизнь самоубийством. Такой ход вещей мне стал более чем известен, он даже стал широко распостранённым, как и поиск решения проблем с сексом при помощи наркотиков. Однако в самом начале для меня всё это ещё было в новинку. Когда начали поступать результаты этих экспериментов, я почуствовал прилив почти сверхъестественного ужаса: *Бог ты мой, а меня пронесло…*

«В психиатрической лечебнице?» — тупо переспросил я. Тогда это было настолько в новинку.

Много лет спустя, доктор Джон Лилли описал некоторые

типы изменений, вызванных ЛСД:

> На некоторое время «я» ощущается свободным и очистившимся. Полученная сила может быть невероятной, освобождённая энергия — быть в двойном объёме… Зрелая любовь и согласие с ожиданиями и реальностью (внешней) становятся сильнее… В избытке появляется благодушие, хорошее настроение… Красота расцветает, внешне человек начинает выглядеть молодо… Эти положительные эффекты могут держаться от двух до четырёх недель до того, как начнётся восстановление старой программы.

Если бы я закончил историю так, это было бы неплохой притчей для книжки о вреде наркотиков (напечатанной в государственной типографии). В реальности, однако, концовок нет: всё движется дальше. Я снова встретил Джейн где-то пять лет спустя. Она жила на пособие, более не желая или будучи неспособна написать рекламный текст. Её любовником был мальчишка-подросток, который, естественно, считал себя гением, а мне показался дурачком. Она каждый день занималась йогой и выглядела молодо и подтянуто. Хотя она не выдавала мне подробностей, со стороны всё выглядело так, что её сексуальная жизнь была куда более отвечающей её запросам, чем та, что была до ЛСД.

Она писала статьи (не за деньги), которые публиковались в газетках нового движения, которое называлось «Women's Liberation», Движение За Освобождение Женщин.

Полагаю, у большинства читателей сложится весьма определённое мнение по поводу того, лучше её новая жизнь старой или хуже. Я не могу с уверенностью сказать, стала ли она лучше или хуже. Всё, что мне *точно* известно, это то, что, как это описывает анти-наркотическая пропаганда, кислота привела её в психушку; и как это описывает пропаганда наркотиков, она в конечном счёте переродилась в новую личность.

1.
Обзор: зелья Афродиты

Язычничанье в потереблянном парайдоксе.

— Джеймс Джойс,
«Поминки по Финнегану»

Общеизвестной истиной в психоанализе является то, что многие люди начинают употреблять притупляющие чувства вещества вроде морфия или героина для того, чтобы скрыться от собственных проблем с сексом, то есть лишить себя полового влечения. Это, можно сказать, современная форма религиозного поклонения Аттису, чьи приверженцы в прямом смысле слова кастрировали себя.

Вещества, о которых я главным образом пишу в этой книге, скорее усиливают чувства, чем притупляют, это скорее *возбудители,* чем *выключатели*. Вероятнее всего (далее ещё увидим подтверждение этому), многие из тех, кто обратился к этим веществам, также ищут избавления от проблем с сексом, подобно Джейн из нашей прелюдии. Не стоит считать, однако, что их можно объединить с первой группой. Они не столько убегают от своих проблем с сексом, сколько пытаются — должным или недолжным образом — бороться с ними. Они осуществляют то, что еретик от современной психиатрии доктор Томас Сас (Thomas Szasz) называет «правом выписывать рецепт самому себе». Они думают (и может быть, правильно думают), что излюбленные ими вещества — марихуана, психоделики, кокаин, амфетамины — на самом деле благотворны в сексуальном плане.

И некоторых из них, я уверен, нельзя считать калеками в области половой жизни, какой образец ни возьми. Их половая жизнь была весьма благополучна, когда они начали экспериментировать с этими чудотворными препаратами — они лишь узнали, что *хорошее* может стать ещё *лучше.*

У наркотическо-сексуального подполья нет определённой даты рождения. Можно было бы рискнуть предположить, что всё это началось, когда Лири прямо сказал в 1966 году, что ЛСД — «самый лучший афродизиак в мире». Или, может, это началось в 1968 году, когда «Битлз» поместили секс-волшебника Алистера Кроули на обложку «Сержанта Пеппера» в числе «людей, которые нам по нраву». А можно начать отсчёт существования новой

религии экстаза и от более ранней даты: скандалы с сексом и кокаином потрясали Голливуд в двадцатых годах; джаз родился в окутанных дымом марихуаны борделях Нового Орлеана в самом конце девятнадцатого столетия.

Таллула Бэнкхед как-то сказала: «Американцы тяжело больны — у них в голове секс, и хуже местечка в этом случае не придумаешь». В действительности весь секс в голове, всегда — ибо, как известно современным учёным, всё, что мы видим, слышим, обоняем, вкушаем или осязаем, у нас в мозгах. Из этого следует, что вмешательство в химические процессы в коре и лобных долях мозга изменит всю природу человеческих ощущений. Нашим предкам этот важный факт стал известен несколько тысяч лет назад. Племена дикарей, где бы ни обнаруживали их антропологи, обладали внушительными познаниями о растущих в их краях травах, плодах, ягодах или лианах, которые можно есть или курить, чтобы растормошить мозг и ощутить «иную» реальность. (Исследуя одно затерянное горное плато в Средней Азии, как пишет биохимик доктор Роберт Де Ропп, путешественники обнаружили, что его обитатели нашли способ ферментирования лошадиного молока и опьяняли себя посредством *этого*).

Что уникально для современной Америки, так это не мнимая «проблема наркотиков», а позиция Властей, считающих это древнее общечеловеческое пристрастие преступным, греховным и в общем заслуживающим порицания. Эти безрадостные воззрения белых англо-саксонских протестантов, увы, не только подталкивают к принятию всё более абсурдных законов, но и отвлекают всеобщее внимание от вопросов, которыми действительно стоило бы задаться, к примеру: какие наркотики опаснее всего? Какие из них наименее опасны? Как можно обращаться с более опасными с наименьшим риском? При каких обстоятельствах приём обычно безобидных веществ вызывает неожиданно тяжёлые последствия?

Поведение Властей основывается на одном самооправдывающем доводе: «всё, что мы запретили ранее — очень, очень вредно, а всё, что мы не запретили — абсолютно безвредно». Контркультурщики зачастую переворачивают этот довод с ног на голову, утверждая, что не опасны только вещества вне закона, а все остальное, начиная от аспирина и заканчивая мясом из супермаркетов, как говорил Уильям Филдс, «исполнено угрозы». Непросто найти, где же между этими двумя крайностями правда.

Между тем, попробуем вспомнить изречение графа Бисмарка: «Тем, кто любит колбасу и уважает закон, лучше не видеть, как

делается то и другое».

Наркотики в истинном свете

Из наркотиков больше всего в Америке употребляют алкоголь и злоупотребляют им же. По оценке доктора Джоэла Форта, директора Центра Особых Проблем в Сан-Франциско, сто миллионов американцев время от времени употребляют спиртное. Каждый пятый из этих людей (это двадцать миллионов американцев) считается «проблемным пьющим», а ещё есть как минимум шесть миллионов закоренелых алкоголиков.

Без сомнения, во множестве случаев причина этого неконтролируемого пьянства лежит в области секса. Спиртное помогает людям расслабиться, снять психологические зажимы и почувствовать себя счастливыми и уверенными в себе. Это, в действительности, классический наркотик «для соблазна». (На рисунке Питера Арно мужчина сидит рядом с привлекательной девушкой в баре и, ухмыляясь, говорит бармену: «Накачай её!» Его мотивы очевидны). И в этом заключается трагическая ирония, так как Шекспир был прав насчёт алкоголя и секса: спиртное слишком часто «разжигает желание, но уменьшает способность».

Мастерс и Джонсон фактически считают спиртное одной из главных причин появления «вторичной импотенции» — то есть половой дисфункции у мужчин, которые в обычных условиях вирильны, что отличает её от «первичной импотенции» или пожизненной неспособности исполнять свои обязанности. Типичный шаблон таков: мужчина выпивает лишнего, пытается заняться любовью, обнаруживает свою неспособность и начинает беспокоиться. Беспокойство (иногда подогретое выпитым следом спиртным) влечёт за собой последующие неудачи. Со временем мужчина начинает считать себя импотентом и может остаться в таком состоянии, иногда на несколько лет, пока он не найдёт силы обратиться за лечением.

Большая осведомлённость о веществе, называемом алкоголем, может предотвратить эту психофизическую пытку. Толика спиртного является достаточно неплохим возбуждающим средством (отсюда традиционный бокал шампанского, разделяемый в первую ночь медового месяца), но много выпивки — это уже совсем другое дело. Алкоголь в больших количествах — анафродизиак, анти-афродизиак. Древние римляне много пили на своих оргиях, оттого к алкоголю пристала слава чего-то эротического, но сатиры Ювенала и Петрония не оставляют сомнений в том, что римляне ещё и были хронически поражены

импотенцией, так же, как сильно пьющие люди сегодня. Для тех, кто использует вещества для секса, следовательно, правило касательно алкоголя такое: выпейте только чуточку. Возьмите с собой на оргию виноград, если хотите следовать античному образцу, но оставьте сосуды с вином в подвале.

Второй по распространённости в Америке наркотик — табак, употребляемый семьюдесятью пятью миллионами человек; но он почти не влияет на половую жизнь, кроме того, что может со временем вызвать болезни, в числе которых может оказаться импотенция.

За алкоголиками и заядлыми курильщиками с большим отрывом следует третья по численности наркокультура: те, кто употребляет лекарства. Около тридцати пяти миллионов американцев принимают седативные, стимулирующие или успокоительные средства. Ни у одного из этих веществ нет никаких обогащающих половую жизнь свойств, а некоторые из них (такие, как «Тофранил», выписываемый врачами гораздо чаще, чем считают психофармакологи) на самом деле в некоторых случаях вызывают временную импотенцию.

Следующая по численности группа людей, употребляющих наркотики — это курильщики анаши. Хотя, возможно, то, что для каждого курильщика марихуаны этот наркотик служит афродизиаком (на чём когда-то настаивал главный борец с травкой, бывший глава Федерального бюро по наркотикам Гарри Анслингер), и не является правдой, большинство употребляющих травку в курсе, что она оказывает прелестное, упоительное действие на их постельные опыты. Возможно, большинство постоянно её употребляющих считают секс без травки (или травку без секса) чём-то определённо уступающим сексу с травкой.

За ними следуют любители кислоты, acidheads, что в нашем случае будет означать употребляющих любые сильные психоделики типа ЛСД. Тут невозможно выделить определённые вещества, поскольку большинство тех, кто любит кислоту, любит и мескалин или DMT (диметилтриптамин) и *vice versa*[20]. Кроме того, есть независимые исследования товаров с черного рынка, проведенные учеными, которым удалось получить различные образцы веществ от этих источников, а затем проанализировать их в лаборатории. Каждое из этих исследований показало, что большая часть того, что продаётся, неправильно обозначена, большая часть кислоты с улицы — на самом деле мескалин. Иногда мескалин на самом деле является кислотой, а почти весь ТГК (тетрагидроканнабинол или «синтетическая» анаша) с чёрного рынка на самом деле оказался транквилизатором для собак, которым пользуются ветеринары. Примерно около

миллиона американцев пробовали наркотики типа ЛСД, и примерно двести тысяч принимают их постоянно. Хотя ни одно из этих веществ и не является на самом деле афродизиаком, как то представляет доктор Лири, многие употребляющие их обнаруживают у них весьма стимулирующее сексуальное действие.

Героин, наркотик, вокруг которого раздуто больше всего шумихи, является проблемой только потому, что он нелегален. Нелегальность этого наркотика взвинтила цену дозы с нескольких центов (свободная рыночная цена) до ста-двухсот долларов или больше того (цена на чёрном рынке), подталкивая большинство его потребителей к воровству или занятию проституцией. Стереотип «насильника на джанке» абсолютно не соответствует действительности; героин — больший анафродизиак, чем даже алкоголь и барбитураты, и первый признак настоящей зависимости от него — это постоянное половое бессилие и полнейшее отсутствие интереса к сексу.

И наконец мы добираемся до категории, которая завершает любой список — до «разнообразных» веществ. Никому не известно, сколько американцев употребляют гашиш, дурман (который также называют «луноцветом»), семена ипомеи, авиамодельный клей и прочие малопопулярные варианты наркотиков. Тут не сделаешь обобщений, поскольку эти вещества сильно различаются между собой. Дурман (datura inoxia), как и белладонна, мандрагора и прочие растения из семейства паслёновых, очень опасен и может привести к смертельному исходу при случайной передозировке. Хотя иногда сообщают об его эротическом воздействии (которое иногда граничит с эротоманией), предугадать это невозможно, а трип всегда сопровождается бредом и в целом шизоиден. Семена ипомеи оказывают то же действие, что и ЛСД или мескалин, плюс вызывают тошноту и рвоту (потому что они покрыты инсектицидом). Авиамодельный клей определённо разрушает печень, а возможно, и мозг; приход недолгий и не имеет никакого отношения к сексу.

Ещё можно вдохнуть из тазика с нашатырём («забава прачки»), или съесть мускатный орех или выпить метилового спирта. К этому, напоминаю, приходят в последнюю очередь и очень часто дело заканчивается смертью. Настоящие наркотики для секса, таким образом, это марихуана, гашиш, психоделики в малых дозах и кокаин.

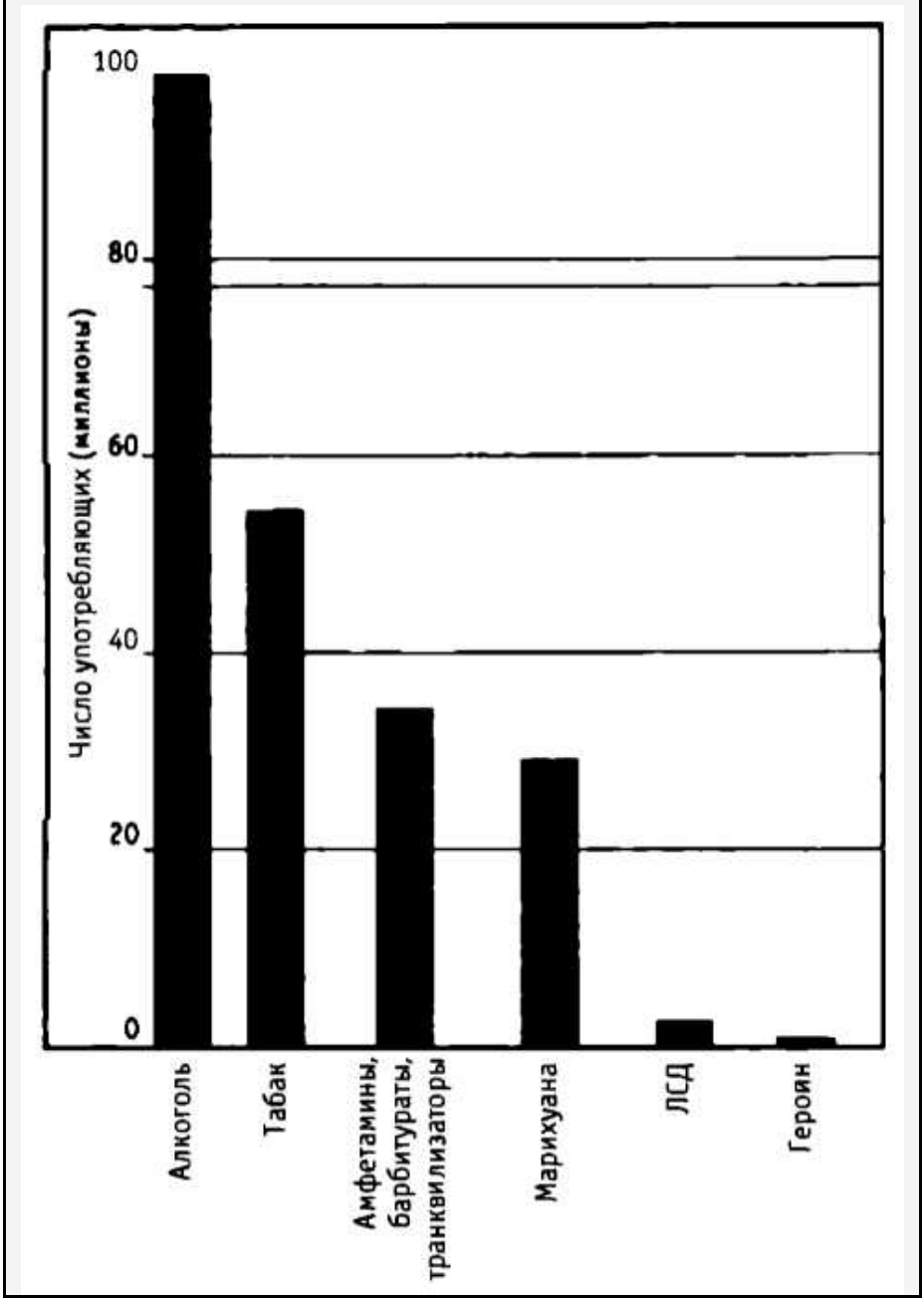

Рисунок 1. Наркотики в истинном свете: марихуана и мистики

Анаша пригождается для любого рода усиления чувств и тесно связана и с сексом, и с религией уже долгое время. В Индии

членов секты шиваитов часто видят вываливающимися из их храмов, обкуренными до беспамятства, бормочущими мантру марихуаны, *«Бом-Бом-Махадэв»*, что переводится как «Бум! Бум! Великий Боже!» — это чувство, которое приблизительно знакомо даже нерелигиозным курильщикам анаши. Также существуют несколько религий, основанных на травке, в Бразилии и на Карибских островах.

На Ближнем Востоке старший брат марихуаны (также родственный индийской конопле и называемый гашишем) сыграл основополагающую роль для, возможно, наиболее примечательного эрото-религиозного движения в истории — для исламской секты исмаилитов, также известных как ассасины. Этот орден был основан неким Хасаном-и Саббахом приблизительно в 1092 году и наводил страх на правоверных мусульман и крестоносцев-христиан ещё несколько столетий. Последователи Хасана совершенно не боялись смерти, потому что они *знали*, что попадут в рай, тогда как большинство людей могли лишь надеяться на посмертную славу: они знали, потому что уже бывали однажды в раю посредством чар благородного владыки Хасана, и он обещал вернуть их туда, если они будут абсолютно послушны ему на протяжении жизни.

Тайна власти Хасана, путешествие в рай, даруемое всем его последователям, обеспечивалось могучим совместным действием гашиша и нескольких одарённых девушек, как мы узнаем в главе четвёртой. Претендующего на посвящение человека, наевшегося еды, в которую был подмешан гашиш, вводили в некий Сад Наслаждений в храме-крепости Хасана, называемой Аламут, на вершине одной из афганских гор. Там девицы, прикидывающиеся неземными гуриями, описанными Магометом в его видениях рая, вели себя так, что мужчины выходили из своего гашишного транса с очень чёткими воспоминаниями о «небесных» сексуальных ощущениях и прочих сверхъестественных удовольствиях. Ни один не сомневался, что побывал в раю.

Последнее чётко обозначает, что Хасан был не просто ушлым торговцем наркотиками, а, в сущности, экспертом в программировании чужого прихода задолго до того, как Тимоти Лири придумал для себя это занятие. Несомненно, объяснения или наставления, которые давал Хасан перед тем, как кандидат отправлялся в свой астральный трип в Сад Наслаждений и речи и поведение гурий в нём были тщательно просчитаны с целью вызвать то, что психологи теперь называют «пиковым переживанием» — блаженство, намного превосходящее обычную судорогу секса, присущую цивилизованным людям.

Рисунок 2. Сексуальные ощущения с «пиковым переживанием»

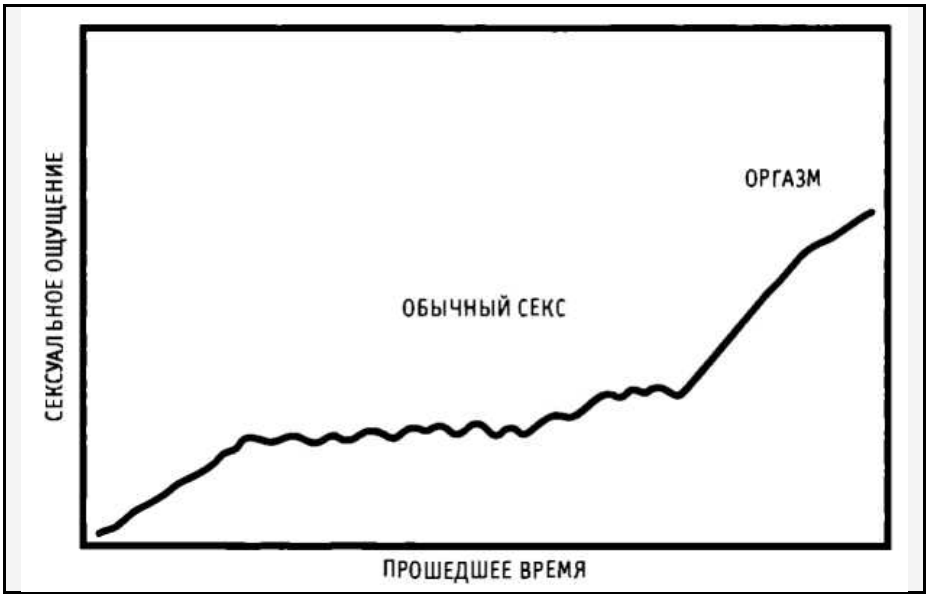

Рисунок 3. Сексуальное ощущение

На рисунке 2 объясняется «пиковое переживание» от секса под гашишем. Сначала человек ощущает себя достаточно обычным образом, но когда сексуальная активность продолжается, а наркотик начинает действовать сильнее, ощущения усиливаются. Кажется, что пенис стал больше, твёрже, и странным образом «зарезиновел». Ощущаемое удовольствие распространяется на большее, чем обычно, количество областей тела. Человек «парит» или «находится в вышине». Если самостоятельно программировать приход, посредством одного из руководств от доктора Лири или с помощью ритуалов какой-нибудь более древней оккультной традиции, вскоре наступает «астральная» или галлюцинаторная фаза: женщина может начать излучать неземное сияние, свет, будто бы космический и вековечный (вот что значит мантра Алистера Кроули «каждый мужчина и каждая женщина — звезда»), или, возможно, она покажется покрытой драгоценными камнями или цветами. При наличии недюжинной удачи и некоторого владения самогипнозом (или настоящих магических способностей, как сказали бы истинно верующие), «пиковое переживание» случится непосредственно перед оргазмом. Это термин, которым пользуется доктор Абрахам Маслоу, и как похожие термины из других источников («океаническое чувство» у Фрейда, *сатори* из дзэн-буддизма, индуистское «самадхи», Гурджиевское «пробуждение» и тому подобное), он с трудом поддаётся определению. Это просто ощущение всеобъемлющего блаженства, как правило, включающее парадоксальное ощущение того, что вся вселенная на самом деле — твоё собственное тело.

Такое представление — это общее описание этого состояния; чаще оно переживается, возможно, как неровные «взлёты и падения» по мере колебаний сосредоточенности.

Важное по значению меньшинство так называемых оккультистов и после Хасана-и Саббаха работало над тем, чтобы изобрести «ритуалы» (которые Лири и современники называют «программами»), которые позволят направить трип по восходящей и таким образом избежать ощущения «колебаний».

После того, как христианский орден, называемый орденом тамплиеров, установил связь с ассасинами, у него обнаружились весьма своеобразные учения. В 1307 году верховный магистр этого ордена и его 122 члена были сожжены на костре за ересь, богохульство, содомию и прочие прегрешения, которые, похоже, были им приписаны лишь для того, чтобы полностью их дискредитировать. Тамплиеры пытались ввести секс в христианские таинства, а в их уцелевших манускриптах содержатся туманные намёки на священное растение или траву.

В конце девятнадцатого столетия появился Орден Восточных Тамплиеров, заявлявший о том, что напрямую происходит от рыцарей-храмовников. Члены ордена использовали сексуальные техники тантрической йоги вместе с традиционной для европейской оккультной традиции астральной проекцией, и когда Алистер Кроули стал их «внешним главой» (какое подходящее название, «внешний глава»!), наркотики стали тайной частью их учения, по крайней мере у посвящённых высоких ступеней в некоторых из их лож.

Интерес Кроули в области наркотиков был сосредоточен на гашише, кокаине и пейоте. Он использовал первые два в сочетании с сексуальными действиями, как гомо-, так и гетеросексуальными; пейот же он использовал только ради видений и трансов, не связанных с сексом. Предположительно, он был первым белым человеком, который полностью оценил использование этого вещества в религиозных целях, каковое использование является главным (и законным) таинством Индейской Церкви, к которой принадлежат сто пятьдесят тысяч индейцев в Америке и Канаде.

Как и спиртное, марихуана может сослужить вам недобрую службу; если вы переборщите с дозой хоть чуточку, вы можете обнаружить, что обессилели. Однако многие мужчины, которые сообщали о таком опыте, отмечали, что у них была эякулятивная, а не эректильная импотенция, то есть у них не пропадала эрекция, которая была более крепкой и более продолжительной, чем обычно, они просто не могли достичь оргазма. Некоторые люди говорят, что не-оргазмические вибрации были так приятны, что они даже не жалели об отсутствии разрядки.

Кислота: дзэн быстрого приготовления?

В отличие от марихуаны с её романтической историей, наркотик ЛСД создавался в лабораториях и влачил полупризнанное существование, становясь частью малоизвестных экспериментов, пока доктор Тимоти Лири не узнал о его существовании и не окунулся в исследовательскую работу с энтузиазмом, известив затем мир о том, что Бог жив и находится в добром здравии; с тех пор невозможно было разлучить ЛСД с мистицизмом.

Лири к тому же не просто приводил рациональные доводы, чтобы оправдать своё пристрастие к этому роду трипов. Романист Олдос Хаксли, теолог Алан Уоттс и многие другие сообщали, что испытывали религиозные переживания, находясь под

воздействием ЛСД. Готово ли правительство признать это или нет, многие из белых любителей кислоты — такие же искренне верующие люди, как и поедающие пейот индейцы в резервациях, и испытывают совершенно такие же астральные или галлюцинаторные переживания.

Никто, однако, не увязывал ЛСД с сексом, пока Лири не заявил, что это афродизиак. Облечённые ответственностью люди немедленно объявили, что это неправда. Безответственные люди и представители подполья так же скоро начали заявлять противоположное. На самом деле всё зависит от того, что именно понимать под словом «афродизиак». Если имеется в виду наркотик, который *вызовет сексуальное желание в ком-то, кого желают соблазнить, или который сообщит половую силу бывшему импотентным человеку* — два чуда, которые обычно неверно приписывают сомнительным афродизиакам прошлого — тогда ЛСД никак не подойдёт. Ни один известный наркотик не способен на такое.

С другой стороны, многие закалённые в трипах люди теперь сходятся на том, что кислота может улучшить сексуальный опыт, так же, как трава или гашиш, если оба партнёра уже желают и способны обладать друг другом. Блаженство, в удачном случае, гораздо сильнее, чем в случае с производными конопли; но иногда всё проходит неудачно, потому что в уме происходит слишком много всего сразу, чтобы сосредоточиться исключительно на сексе. Этот опыт может напоминать попытку совокупляться, когда рядом играет на полной мощности рок-группа или когда на потолке будто бы показывают интересный фильм и сам Господь пытается проорать что-то важное вам в ухо.

Секты кислоты и секса начали появляться в начале шестидесятых, и одной из первых была харизматичная секта Кериста, основанная бывшим пилотом BBC по имени Джон Пресмонт после того, как «голос» заговорил с ним (когда он читал Коран и курил гашиш) и велел ему основать очередную великую мировую религию.

«Почему я?» — спросил потрясённый Пресмонт.

«Потому что ты очень доверчивый», — сказал голос.

Пресмонт последовал зову, и вскоре в большинстве крупных городов появились общины Кериста. Их учение было изложено Пресмонтом (который сменил имя на «Пророк Джуд») в манифесте, озаглавленном «69 Позиций». Каждая «позиция» начиналась со слова «легализуйте», и первые десять выглядели так: «Легализуйте проституцию. Легализуйте супружескую неверность. Легализуйте разврат. Легализуйте двоемужество и двоежёнство. Легализуйте содомию. Легализуйте кунилингус.

Легализуйте групповой секс. Легализуйте порнографию. Легализуйте гомосексуальность. Легализуйте лесбиянство». И так далее, в ещё 59 дополнительных «позициях».

К Кериста быстро пристала слава лжеучения, основанного на групповом сексе, что задевало Джуда, когда я брал у него интервью для журнала «Fact» в 1964 году. «Мы никогда не заставляем наших членов принимать вещества», — сказал он мне. «Если кто-то из них хочет быть моногамным, это их дело. Между прочим, среди нас есть один человек, который *девственен*!»

Все члены Кериста принимали духовные имена, как папа Иоанн Павел II или Мохаммед Али, только их имена были продиктованы мировоззрением Кериста. Я помню, как брал интервью у Дерева, Дудочника-Крысолова, Дао и Мордекая Гнусного. А ещё была молоденькая девица, имя которой было неизвестно, и она говорила только лишь слово «ебать». В буквальном смысле: это, похоже, было единственным словом, которое она могла (или желала) произносить. Некоторые люди считали её психически неуравновешенной, но члены Кериста относились к ней, как к одержимой мудрым духом.

Джуд заявлял, что лично он в те дни постоянно общался с духом покойного русского мистика, Г. И. Гурджиева посредством спиритического стола. (Однажды, по его рассказам, он вышел на Джона Фицджеральда Кеннеди, или какого-то мелкого духа, который притворялся Кеннеди. Послание, забавным образом, гласило: *Мы победим Джеки эгоистичная стерва Прощай*.)

Несмотря на либеральное отношение Джуда к моногамии и даже девственности, большинство Кериста много занимались групповым сексом. Это приводило к обычным в таких случаях проблемам. Как-то раз вся нью-йоркская коммуна перезаражалась сифилисом за несколько дней. Джуд был особенно возмущён, потому что виноват оказался мужчина, снявший девицу не из коммуны на площади Вашингтона. «Если б я верил в заповеди, — мрачно сказал мне Джуд, — я бы издал предписание, запрещающее трахать девок со стороны». Он оплачивал лечение членов Кериста из своего пособия, назначенного государством — которое он получал, будучи признан психически неуравновешенным, что весьма его забавляло. Доказательством его психической неуравновешенности была его иррациональная тяга к созданию новой религии, и пособие парадоксальным образом позволило ему посвятить этому созиданию всё время, без того чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Возможно, это важно: Джуд был самым первым из встреченных мной людей, от которого я услышал популярное теперь слово «вибрации» — имеются в виду астральные вибрации.

Со временем Джуд и самые преданные его последователи перебрались в Центральную Америку, чтобы укрыться от рейдов наркоконтроля и прочих тягот, которые причиняло им традиционалистское американское общество. После этого о Кериста было слышно немногое.

В отсутствии Кериста появились более зловещие варианты, к примеру, семья Мэнсона, в которой каждая новая девушка проходила посвящение, принимая ЛСД (или любой другой наркотик, включая некоторые необычные, если кислоты не было); во время посвящения Чарли орально ласкал её, несколько раз доводя до оргазма. После таких переживаний эти девушки — как последователи Хасана-и Саббаха до них — были готовы исполнить любые приказы, включая приказ убивать.

Есть несколько процветающих сект «секса под кислотой», но я не буду приводить названия, так как реклама не в их интересах. Большинство из них напрямую либо косвенно связано с влиянием Кроули и Ордена Восточных Тамплиеров и попсовыми разновидностями дзэна, и в большинстве из них любят цитировать классический научно-фантастический роман Роберта Хайнлайна «Чужак в стране чужой», да ещё как. Их влияние сделало язык Хайнлайна (выражения вроде «глубокого гроканья», «раздели воду со мной», «да не будете вы испытывать жажды» и «ты есть Бог») хорошо знакомым слэнгом в каждом месте, где тусуются хиппи или прочие чудаки по всей стране от побережья до побережья. Большинство из них безобидны и так же напуганы кровавыми преступлениями Мэнсона, как я и вы. Однако, когда одну из таких тусовок накрывают за хранение наркотиков, газеты обычно снабжают репортаж об этом заголовками «облава на ещё одну мэнсоновскую секту», и пожилые люди в пригородах дрожат, представляя себе сверкающие ножи.

Луис Терли Каллинг, слишком старый и слишком благовоспитанный, чтобы считать его жутким, возглавляет сексуально-оккультный коллектив под названием «G.B.G.» («Великое Тело Божье») с тридцатых годов двадцатого столетия. В «Руководстве по сексуальной магии» *(A Manual of Sex Magic)*, опубликованном в 1971 году, Каллинг прямо признаёт свои заимствования из учения Кроули. Только в приложении он сообщает, что некоторые считают, что эта магия работает ещё лучше с марихуаной, а затем он добавляет, что «G.B.G.» не советуют так делать, поскольку это является нарушением законодательства.

Современные ведьмы не распространяются насчёт своей исторической связи со странными зельями. Джеральд Гарднер, эксцентричный англичанин, во многом ответственный за

современное возрождение ведьмовства, никогда не упоминал секс или наркотики в своих книгах, хотя Фрэнсис Кинг, историк оккультизма с наиболее трезвым и научным подходом, выдвигал предположение, что все гарднеровские обряды заканчиваются совокуплением жреца и жрицы на глазах у их «паствы» в традиционной средневековой манере. Многие кланы ведьм из тех, что сегодня можно встретить в больших городах, считают, что ведьмовской шабаш с давних пор был оргией. Следовательно, они и проводят его подобным образом, при помощи анаши, кислоты или каких-нибудь других странных и стрёмных веществ, иногда прибегая к кокаину.

Кокаин: рай и ад

Уильям Берроуз описывал это последнее вещество, получаемое из листьев коки, как «самый бодрящий наркотик в мире». Перуанские индейцы пользовались им столетиями, чтобы сохранять силы во время долгих переходов в горах. Они жуют по несколько листков каждый раз, когда выбиваются из сил, и готовы продолжать поход. Происходит недолгий всплеск, подобный взрывающемуся внутри солнцу, а затем долгое приятное чувство, длящееся несколько часов. Кокаин был в моде у высшего света в семидесятых (факт, который был отправной точкой в «Беспечном ездоке»), не только из-за присущих ему свойств, но потому что его было сложнее достать, чем анашу, он был более экзотичным, слегка зловещим, потому что выглядел так же, как героин и самое главное, он был дорог.

Секс под кокаином очень напоминает секс под высококачественной анашой или гашишем — он очень насыщенный, но без галлюцинаторной путаницы в голове, часто характеризующей кислоту и сильные психоделики. Что особенно привлекательно для бывалых людей, так это то, что с кокаином у вас гораздо большая власть над ситуацией, чем обычно — вы снюхиваете ещё щепотку, когда вам кажется, что отпускает, ждёте какое-то время, если вы считаете, что слишком сильно колбасит.

Что не так привлекательно, так это последствия употребления, в особенности если это было хроническое употребление. Депрессия, похожа, неминуема, и обычно за ней приходит раздражительность. Если человек продолжает нюхать кокс день за днём (а почему бы нет, размышляет кокаинист, *это же так здорово*), депрессия и ворчливость незаметно усиливаются, и однажды вы становитесь законченным параноиком, копы прячутся под кроватью, ваш лучший друг

собирается вас отравить, домовладелица делает что-то зловещее, вооружившись пылесосом, когда вы проходите мимо неё по лестнице, люди крадутся по улицам самым воровским и заговорщическим образом.

Старинный миф о том, что кокаин вызывает зависимость у всех, кто его принимает (это не так), видимо, основывается на том факте, что большинство тех, кто употребляет кокаин и попадает в поле зрения властей, зависимо: от чего-то ещё, «Секонала», или «Демерола», или героина, обычно — седативного препарата, который снимает прогрессирующую тревожность, к которой приводит чрезмерная кокаиновая стимуляция. Алистеру Кроули в 1920 году стоило популярности его заявление по поводу того, что такой характер кокаинового *злоупотребления* не свойственен разумному употреблению кокаина.

Та же проблема встаёт до сих пор и перед нами. Затруднительные ситуации с анашой, гашишем и психоделиками (из которых ни одно вещество не вызывает физическую зависимость) постоянно становятся запутаннее из-за отказа Властей признать существование разницы между *употреблением* и *злоупотреблением*. С любым, кто употреблял эти вещества, сколько бы ни были умеренны и безопасны дозировки, обращаются как с угрозой для общества и самого себя; любая душещипательная история о жутком и необдуманном *злоупотреблении* многократно тиражируется как пример того, к чему приводят эти «опасные вещества». Те, кто употребляет наркотики, относятся всё более и более пренебрежительно к общепризнанному общественному мнению, и яма недоверия становится всё шире и шире.

Бэд-трипы

Конечный итог существования этой ямы недоверия наглядно демонстрирует история из «Плейбоя», октябрьского выпуска 1972 года: когда у учеников старших классов средней школы Сан-Матео в Калифорнии спросили, кому из знаменитостей они бы поверили в качестве рассказчика в фильме о вреде ЛСД, они прямо заявили: «Никому».

Когда я несколько лет назад работал в крупном журнале, я хотел опубликовать тот факт, что четыре грамма ниацинамида (витамина Б3) снимут большинство бэд-трипов от ЛСД, редакторы не пропустили это, потому что «это может дать молодёжи повод думать, что они могут принимать кислоту, ничем не рискуя». Что ж, может быть, этот довод и верен, но он

напоминает мне о старом утверждении, что в автомобилях не должно быть ремней безопасности, потому что такие меры защиты только подтолкнут водителей к тому, чтобы быть более неосторожными. Людей, собирающихся делать охерительно тупые вещи, возможно, никак не остановить, какие бы ограничения на них не налагались, но те, кто хочет свести к минимуму риски, должны иметь доступ к информации, касающейся их безопасности.

Точно так же страшилки о бэд-трипах от марихуаны время от времени попадают в газеты, а затем бесконечно тиражируются в «образовательных брошюрах о наркотиках», распространямых правительством или образовательными учреждениями. (Классическая история о подростке, который убил человека топором, накурившись анаши — это реальный случай, происшедший в 1928 году, но о нём до сих пор пишут так, будто это было вчера и будто это типично для курильщиков анаши. Это не так.)

Важно знать, что эти панические реакции обычно случаются у неопытных курильщиков, редко длятся дольше, чем несколько минут, если друзья новичка с сочувствием и пониманием дела окажут ему помощь, и всегда сходят на нет в течении нескольких часов.

Это происходит даже без должного участия и ухода, если жертва не попадает в лапы властей (которые будут обращаться с ним как с психом и убедят его в том, что у него действительно поехала крыша). Это было уже давно задокументировано доктором Альфредом Линдсмитом из Индианского Университета, но пока не вошло ни в одну из так называемых «информационных брошюр». Новичкам оставляют лишь возможность думать, что если они испытают пугающие или неожиданные ощущения, то отправятся в шестую палату и останутся там на месяцы или годы.

Ну вот и о бэд-трипах от кислоты тоже бесконечно пишут, хотя почти все имеющиеся данные свидетельствуют, что они всё более редки. Джордж Питерс, основавший «Naturism, Inc.» чтобы лечить тревожные приступы от ЛСД в Чикаго и окрестностях несколько лет назад, недавно сказал мне, что теперь редко встречается со случаями бэд-трипа, а большую часть его времени занимает оказание помощи «спидовым» (людям, одуревшим от чрезмерного употребления метамфетамина). Доктор Дэвид Смит, организовавший бесплатную клинику в Хейт-Эшбери, также заявил о немногочисленности припадков тревоги от кислоты и о том, что в данное время он уделяет внимание главным образом проблеме героина.

Наркокультура, как и предсказывал в 1967 году доктор

Линдсмит, научилась справляться с собственными кислотными страхами, так же, как ранее научилась справляться с неблагоприятными реакциями на анашу. Спокойные, благожелательные друзья, их утешающая и ободряющая речь, возможно, сопровождаемая приёмом успокоительного или витамина В3, почти всегда предотвращают эти приступы паники.

Эти бэд-трипы, что забавно, могли многое значить в процессе возникновения наших сексуально-наркотических и сексуально-наркотическо-магических движений. А именно, многие люди, совсем не будучи связанными с бродячими проповедниками, узнавшими нечто от Кериста или Ордена Восточных Тамплиеров и отправившимися обучать других, могли неожиданно обнаружить эти приятные взаимосвязи, всего лишь пытаясь справиться с паникой, вызванной наркотиками. В андеграундных кругах общеизвестно, что повторение утешающей мантры (вроде знаменитой *«Ом Мани Падме Хум»* или даже молитвы, выученной в детстве в воскресной школе) зачастую останавливает подобный приступ тревожности. Также известно, что объятия, поглаживания и ласки с любимым человеком тоже обладают этим успокаивающим действием. Многие трипующие, таким образом, могут обнаружить, что молятся или трахаются, не зная, что это древняя традиция — просто чтобы избежать ощущений страха и паранойи.

Трудно определить, сколько именно человек постоянно совмещают секс и наркотики. По результатам поездок по стране и разговоров с людьми можно предположить, что более половины употребляющих наркотики граждан считают, что хороший приход пропадает зазря, если его пик встречают не в постели. Если мы предположим, что половина из тех людей, которые пробовали анашу, курят её постоянно, и что половина из этих постоянных курильщиков также употребляют психоделики, у нас выйдет примерно пять миллионов помешанных на сексе и наркотиках. Так как всё большее их количество склоняется к оккультизму из-за проповедей пылких миссионеров, которыми полон любой «чокнутый» район, старый довод Лири насчёт того, что наркотики, являющиеся частью религиозных церемоний, защищены Первой Поправкой, может вызвать самую ожесточённую борьбу в области гражданских свобод в наше время.

Нынешнее отношение к этому Верховного Суда (который разрешает индейцам использовать пейот для их церемоний, но запрещает похожие наркотики настолько же прямодушным белым и чёрным) очевидно является расистским и дискриминационным, но это не причина полагать, что оно изменится в ближайшем

будущем. Эта борьба уже продолжилась в третьем тысячелетии, и может затянуться навечно. «Ворожеи не оставляй в живых», так написано в Библии, и ведьмам — тем, что предпочитают свою религию экстаза христианской религии самоограничения — всегда будет приходиться несладко в странах, чтущих Библию. Всё-таки в книге Бытия говорится, что у парадного входа в Эдем был поставлен ангел, чтобы не пускать нас туда, и те, кто находят химические приспособления, чтобы прокрасться внутрь с чёрного хода, всегда будут казаться еретиками.

Священная война

Возможно, стоит рассмотреть эту религиозную традицию более подробно. В конце концов, практически у каждого племени существует некая версия истории об эдемском саде. Наши древнейшие прародители, наши первопредки, говорят, жили почти как в раю. Частной собственности не существовало, как и зависти, ревности, краж, убийств, войны или правительств. «То был Золотой Век», — говорит Дон Кихот у Сервантеса, подытоживая всё общее, что есть у греческой, еврейской и христианских версий мифа. «В те дни любовные мысли обретали простое, естественное выражение в той же форме и манере, в какой зарождались. Ни мошенничество, ни обман, ни злоба ещё не препятствовали истине и прямоте». А затем случился первый грех, первая ошибка, первое правонарушение. Мы блуждали по пустошам с того самого момента и, как было сказано выше, у главных врат Эдема был поставлен ангел с «пылающими мечами, устремлёнными во всех направлениях», чтобы удостовериться, что мы никогда не сможем попасть обратно в этот рай земной.

Психиатры и другие специалисты в области общественных наук выдвигают некоторые интересные теории о происхождении этого шаблона, общего для мифов мира. Фрейдисты считают, что в основе лежат наши воспоминания о раннем детстве, когда нам давали всё, что мы захотим (как только мы заплачем, требуя это) и никаких конфликтов ещё не проявилось, чтобы напугать или фрустрировать нас. Отто Ранк, ещё один психоаналитик, с большим воображением предположил, что Эдем — это наши искажённые воспоминания о пребывании в чреве, и «грехопадение» — это наше травматическое переживание заново шока, испытанного в момент родов. Некоторые марксисты и участники движения за освобождение женщин считают, что существовал Золотой Век братства, сестринства и социализма в период между аграрной революцией двенадцатого тысячелетия до

нашей эры и урбанизацией четвёртого тысячелетия до нашей эры.

Некоторые этологи считают, что этот миф — память об охотничьем этапе гораздо более раннего доисторического периода (примерно 4 миллиона лет до н. э. — 1 миллион лет до н. э.), когда мы жили в ладу с нашими «инстинктами», ещё не став полностью социализированными и ещё не изобретя неестественные табу, делающие нас несчастными. Есть даже заманчивая теория, предложенная Теодором Ласаром из Нью-Йорка, о том, что предполагаемая Великая Комета восьмого тысячелетия до нашей эры, гипотезу о существовании которой выдвинул доктор Иммануил Великовский, заставила человечество помешаться от испуга, и что легенда о золотом веке — это наше, безумцев, воспоминание о временах, когда мы были разумны.

Но каков бы ни был источник этого общемирового предания, психологический факт, о котором он свидетельствует, очевиден: люди могут представить себе идеальные условия счастья, но обычно не могут представить себе, что они сами, лично, могут достичь этого идеала. Повсюду присутствует осознание неких врат, или двери, или преграды между желанием и реальностью. Мужчины и женщины повсюду склонны чувствовать себя в какой-то степени бессильными и неспособными достичь того, чего они хотят достичь.

Эта психически-душевная преграда достаточно хорошо соотносится с представлением св. Августина о «первородном грехе», который «затуманивает разум» и порождает в душе «неизбывное стремление ко Злу». Это также соотносится с представлением Фрейда о том, что все люди невротики, и даже более того с ошарашивающим диагнозом Вильгельма Райха, что человечество поражено «тревожностью, связанной с удовольствием», внутренним страхом, который заставляет нас подавлять наши «первичные потребности» и всегда подставляющие «вторичные» и «замещающие» цели, подобно стрелку из лука, который не осмеливается прицелиться в центр мишени, но должен всё время вынуждать себя промахиваться мимо него как минимум на несколько миллиметров, или, гораздо чаще, на километры.

Есть точка зрения меньшинства. Она была красноречиво выражена в фильме под названием «Возможно, они великаны» *(They Might Be Ciants)* с Джорджем Скоттом, который играет знаменитого законника, который некогда посвящал свою жизнь защите слабых и неимущих, но затем сошёл с ума и стал считать себя Шерлоком Холмсом. Пока его психоаналитик (названная доктором Ватсон, конечно), кружит с ним по Нью-Йорку, этот одержимый гений повсюду находит улики, ведущие его всё

дальше по следу «Профессора Мориарти», в его мифологии являющегося Сатаной. «Видите ли, — объясняет зрителям Скотт в конце фильма, — нас никогда не изгоняли из эдемского сада. Он по-прежнему вокруг нас. Надо только научиться смотреть…» И, пока психотерапевт, ставшая ученицей своего бывшего пациента, смотрит вдаль, экран заливает белым и фильм заканчивается.

Первыми, кто предположил, что человек может жить в раю «во плоти», во время первых столетий существования христианства, были гностики. Объявленные ересью каждым церковным собором с тех времён до наших дней, воззрения гностиков так и не канули в Лету. Даже в журнале «Time» писали несколько лет назад, что это самая важная идея в современном мире, лежащая в основе таких идеологических течений, как социализм, коммунизм, анархизм и даже либерализм. Даже более того, она проникла во все утопические ереси, отделившиеся от ортодоксальной современной психиатрии — Райха с его «органом», Брауна и Маркузе с их пророчеством о грядущих обществах, которые будут существовать без подавления Эроса, в теорию Рональда Лэйнга о состоянии ума, настолько же превосходящем нормальное состояние, как нормальное состояние — паранойю, в исполненные радости надежды гештальтистов и тренеров чувствительности и во всё Движение за развитие человеческого потенциала.

Высшее проявление или сердцевина всех этих мессианских видений в наше время — это Психоделическая Революция, которую всучивают нам озорные и бесшабашные шаманы Тимоти Лири, доктор философии, Алан Уоттс, доктор богословия и Олдос Хаксли, секретарь природы. Конечно, им помогали и их поощряли другие — поэт Аллен Гинзберг, романист Уильям Берроуз, доктор Джон Лилли, доктор Хамфри Осмонд, доктор Хьюстон Смит, романист Кен Кизи — на самом деле список длится бесконечно. Кто бы ни заслуживал большей части благодарности (или порицания), что произошло, то произошло. Миллионы наших сограждан, особенно в среде молодёжи — химические гностики, и они усердно ищут молекулярный чёрный вход в эдемский сад.

Эти «травяные революционеры» не верят, что мы должны вечно промахиваться мимо цели в бессилии. Они отказываются признавать первородный грех, или врождённые неврозы, или даже «Обитателя Порога» теософов (который предположительно откусывает головы людям, достаточно неосторожным, чтобы вторгаться в высшие слои бытия без приглашения). Они не примирятся с извечной преградой между желанием и реальностью, существование которой оплакивает Т. С. Элиот в своём стихотворении «Полые люди». Согласно весьма

ортодоксальным христианским взглядам Элиота, существует «Тень», что всегда встаёт между «замыслом и воплощением», «желанием и содроганием», «порывом и поступком». Тень — это, конечно, Первородный Грех, и ни один мужчина и ни одна женщина по определению не могут избавиться от неё.

Наркотическая Революция говорит, как и Будда: «но это *всего лишь Тень* — всего лишь видимость, иллюзия». В лучшем случае идеологи этого движения согласятся лишь признать за Тенью свойства старой кассеты, играющей в проигрывателе разума, на которой запечатлены стадные страхи и предрассудки наших прародителей; и любая подобная программа может быть стёрта и заменена лучшей программой, если человек владеет соответствующими неврологическими или йогическими методами. И, добавят они с миссионерским блеском в глазах, эти методы известны многим, им можно обучить других и их обучение может быть исключительным образом ускорено при использовании подходящих веществ.

«Принимай свои желания за реальность», лозунг французской студенческой революции 1968 года — это основополагающая мантра всего наркотического мистицизма, и она даже появляется в перефразированном виде у такого трезво мыслящего учёного-исследователя психоделиков, как доктор Джон Лилли, пишущего следующее в отрывке, который стоит процитировать дважды:

> В сфере ума то, во что веришь, как в истинное, либо истинно, либо становится истинным в пределах, которые можно установить на основе внутреннего и внешнего опыта. Эти пределы проявляются как дальнейшие убеждения, за которые тоже можно выйти. В сфере ума нет пределов…

Это то, что учёные называют прагматичным утверждением. То есть это не истина, открывшаяся теоретику или человеку, занимающемуся «чистой» наукой в своей башне из слоновой кости; это обобщение, могущее служить для устранения неполадок, когда в лаборатории происходят фактические события. (В данном случае, конечно, лаборатория находится у человека в голове). Доктор Лилли имеет в виду, что различие между мечтой и реальностью может быть смело (и даже с пользой) проигнорировано психоделическим экспериментатором. Если вы по-настоящему верите, что можете совершить что-либо, вы действительно можете это совершить. Все допустимые пределы в этом утверждении сами являются аксиомами бессилия, которые преодолеваются путём перепрограммирования вашей системы убеждений. Новые пределы, обнаруженные после того,

как произошло перепрограммирование, это последующие ошибки, которые удалит последующее перепрограммирование. Если этот процесс не продолжается до бесконечности, он продолжается гораздо дольше, чем готов допустить человек перед тем, как попробовать расширить сознание таким образом.

Но для отцов церкви это было ересью и остаётся ересью и теперь. Наше общество сильно привязалось к догмам, говорящим, что мы «зачаты в беззаконии и рождены в грехе», что «в нас нет здравия», и что этот мир, безусловно, навсегда останется для нас «юдолью скорби». Эти выражения взяты из трёх наиболее известных и наиболее часто читаемых христианских молитв; они олицетворяют непременный пессимизм, являющийся краеугольным камнем христианской теологии. Несогласный с этой точкой зрения не является христианином.

Это самая существенная трудность в процессе общения между психоделическим шаманом и человеком, воспитанным в христианской традиции. Антрополог Карлос Кастанеда весьма убедительно доказывает это, описывая (в книге «Отдельная реальность», *A Separate Reality)* одно из затруднений, возникшее у него с магом доном Хуаном, индейцем из племени яки:

> Что поразило меня в доне Хуане — это то, что он не считал себя слабым и беспомощным, и даже то, что я просто находился в его обществе, неминуемо вызывало нелестное для меня сравнение того, как вёл себя он и как вёл себя я…
>
> «Ты измучен проблемами», — сказал он. «Почему?»
>
> «Я всего лишь человек, дон Хуан», — сказал я.
>
> Я придал этой фразе интонацию, с которой ее произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен, поэтому в его словах, как и в моих сейчас, звучали отчаяние и безысходность.
>
> Дон Хуан посмотрел на меня так же, как и в день нашей первой встречи. «Ты слишком много думаешь о себе», — сказал он и улыбнулся… «И поэтому кроме проблем у тебя ничего нет. Я тоже всего лишь человек, но когда я это говорю, то имею в виду совсем не то, что ты… Я разделался со своими проблемами. Очень жаль, что жизнь коротка, и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но это не проблема; это просто сожаление».
>
> Мне понравилось, каким тоном он произнёс это заявление.

В нём не было отчаяния или жалости к себе.

Но дона Хуана, чья отдельная реальность создавалась тем же волшебным грибом, который изначально «настроил» доктора Тимоти Лири, обвинили бы в «грехе гордыни» правоверные христианские теологи. Как отмечает доктор медицины Томас Сас в книге «Миф о психическом заболевании» *(The Myth of Mental Illness)*, у многих людей в нашем обществе развиваются невротические симптомы или психосоматические заболевания, потому что единственный способ придать себе важности в христианской культуре — это напоказ быть более жалким, чем другие.

Конечно же, Соединённые Штаты изначально не должны были быть христианской страной. Джефферсон, Вашингтон, Франклин и большинство отцов-основателей были скептиками или деистами: они как раз представляли себе отделённое от церкви правительство, с «нерушимой стеной» между церковью и государством; они даже записали в договоре с исламским государством Триполи чёткое положение о том, что, в отличии от европейских стран, «Соединённые Штаты ни в каком смысле не являются христианским государством». (В те дни принцип отделения церкви от государства понимали так хорошо, что этот договор был принят Конгрессом без каких-либо прений по данному поводу, и президент Джон Адамс немедленно его подписал без малейших опасений насчёт того, что это может дурно сказаться на его политической будущности).

Но незамысловатые мысли людей, написавших Конституцию, более неприемлемы в современной Америке, как всем известно. Наши властители — и, возможно, большое количество наших сограждан — решили, что свободное правительство отцов-основателей это слишком радикально, и в наши законодательные нормы оказался вписан официальный христианский свод убеждений и правил поведения. В некоторых штатах вы не можете занимать государственные должности, не исповедуя веру в антропоморфное божество; во *многих* штатах вы не можете заниматься любовью с собственной женой способами, которые не были одобрены мелкими законодателями-баптистами. И, конечно же, вы не можете исповедовать психоделическую религию — или, на данный момент, заниматься научными исследованиями, связанными с психоделиками — ни в одном штате.

Так что эта книга — не об обычных преступниках, а о еретиках. Она не о «конфликте поколений», как это было бы представлено в популярном сверхупрощённом виде; она о религиозной гражданской войне — самой страшной из в

христианском мире с тех времён, когда протестантизм отделился от римской церкви в эпоху позднего Средневековья. Она о двух противоположных взглядах, свойственных человечеству, и о том *odium theologicum*[21], что породило столкновение этих взглядов. Это, говоря короче, комментарий к знаменитому тысячестраничному тому авторства Эндрю Диксона Уайта «Борьба религии с наукой» *(The History of the Warfare Between Science and Theology)*, вот только в данном случае ортодоксальная наука и ортодоксальная теология сражаются на одной стороне. Эти давние враги объединились против горстки радикалов, которые проникли в оба лагеря.

Никто — даже Ньют Гингрич[22] — не может быть настолько наивен, чтобы верить, что этот конфликт легко разрешится, как только всех еретиков пересажают в тюрьмы и заставят замолчать. Наши предки узнали — после того, как, по разным оценкам, сожгли от миллиона до девяти миллионов «ведьм» и, возможно, такое же количество собратьев-христиан с того момента, как в восьмом веке была учреждена инквизиция — что идеи не сжечь на костре. И точно так же не построишь достаточно быстро столько тюрем, чтобы заточить туда всех тех, кто каждый день присоединяется к исповедующим психоделическую веру в «лучшую жизнь посредством химических веществ». Это в особенности верно, потому что истинным сердцем Наркотической Революции — что почти никогда не упоминают на людях, но о чём подозревают очень многие — является и всегда являлся секс.

Параллели с «охотой на ведьм»

Первое открытое признание главенствующей роли секса в Психоделической Революции появилось в сентябрьском выпуске «Плейбоя» 1966 года, когда Тимоти Лири прямо заявил в интервью:

> Воздействие на сексуальную жизнь — это, конечно, открытая, но только для своих, тайна ЛСД, о которой никто из нас не распространялся в последние несколько лет. Для общества уже достаточно опасно высказывание о том, что ЛСД помогает людям обрести божество и помогает им найти себя. У вас уже неприятности, когда вы произносите это. А уж если вы объявите, что психоделический опыт в общем является сексуальным опытом, вы подставите свою голову под удар монолита, в котором объединены все пожилые люди среднего

класса…

Сексуальный экстаз — основная причина нынешнего всплеска популярности ЛСД. Когда доктор Годдард, глава Управления по надзору в сфере пищевых продуктов и лекарственных средств, объявил на заседании Сената, что десять процентов студентов в наших высших учебных заведениях принимают ЛСД, вы задумались, почему они это делают? Конечно, они обретают Бога и смысл жизни, конечно, они находят себя; но неужели вы думаете, что секс — это не основная причина этого нарастающего социального бума в среде молодёжи? Уже нельзя исследовать ЛСД, оставив без внимания сексуальный экстаз, так же как нельзя исследовать ткани под микроскопом, оставив без внимания клетки…

Приём ЛСД, видите ли, это переживание ошеломляющего пробуждения; он высвобождает могучие, первобытные энергии, и одна из них — энергия полового влечения, которое является сильнейшим из влечений в органической жизни любого уровня.

Как только это признано, мы, очевидно, возвращаемся к дням Святой Инквизиции, ибо в точности такая двойная дьявольщина — наркотики и секс — была «преступлением» большинства из обвинённых в «ведьмовстве», сожжённых этим досточтимым институтом. Если почитать книгу Маргарет Мюррей «Ведьминские культы в Западной Европе» *(The Witch-Cult in Western Europe)* или книгу Г. Рэтгрей-Тэйлора «Секс в истории» (Sex in History), обнаруживается, что в судебных процессах над ведьмами снова и снова появлялись одни и те же общие обвинения. Те же обвинения, практически без единого различия, встречаются в современных газетных статьях каждый раз, когда «коммуну» молодёжи накрывает полиция. Можно даже составить таблицу (см. таблицу 1, стр.72)

Как считает популярная школа историков-рационалистов этого века, не существовало никаких «ведьм», а Святая Инквизиция была лишь вспышкой паранойи среди блюдущих обет безбрачия римско-католических священников. Согласно ревизионистской теории доктора Маргарет Мюррей, «ведьмы» существовали — это были люди, поклонявшиеся дохристианскому рогатому божеству плодородия, более известному как Пан или Дионис — и «паранойя» церковников состояла лишь в укоренившемся религиозном ханжестве, заставившем их считать, что любая положительно относящаяся к

сексу религия должна быть непременно вдохновлена дьяволом. Согласно преподобному Монтегю Саммерсу и прочим встающим на сторону католиков исследователям, пересматривающим ревизионистские взгляды доктора Мюррей, ведьмы были в итоге *те ещё* сатанистки, и получали удовольствие от всяческих убийств и злодеяний. Какова бы ни была правда относительно этих трагических судилищ четырёхсот- и пятисотлетней давности, очевидно, что такой же психологический шаблон проявляется и в нашей сегодняшней психоделической борьбе.[23]

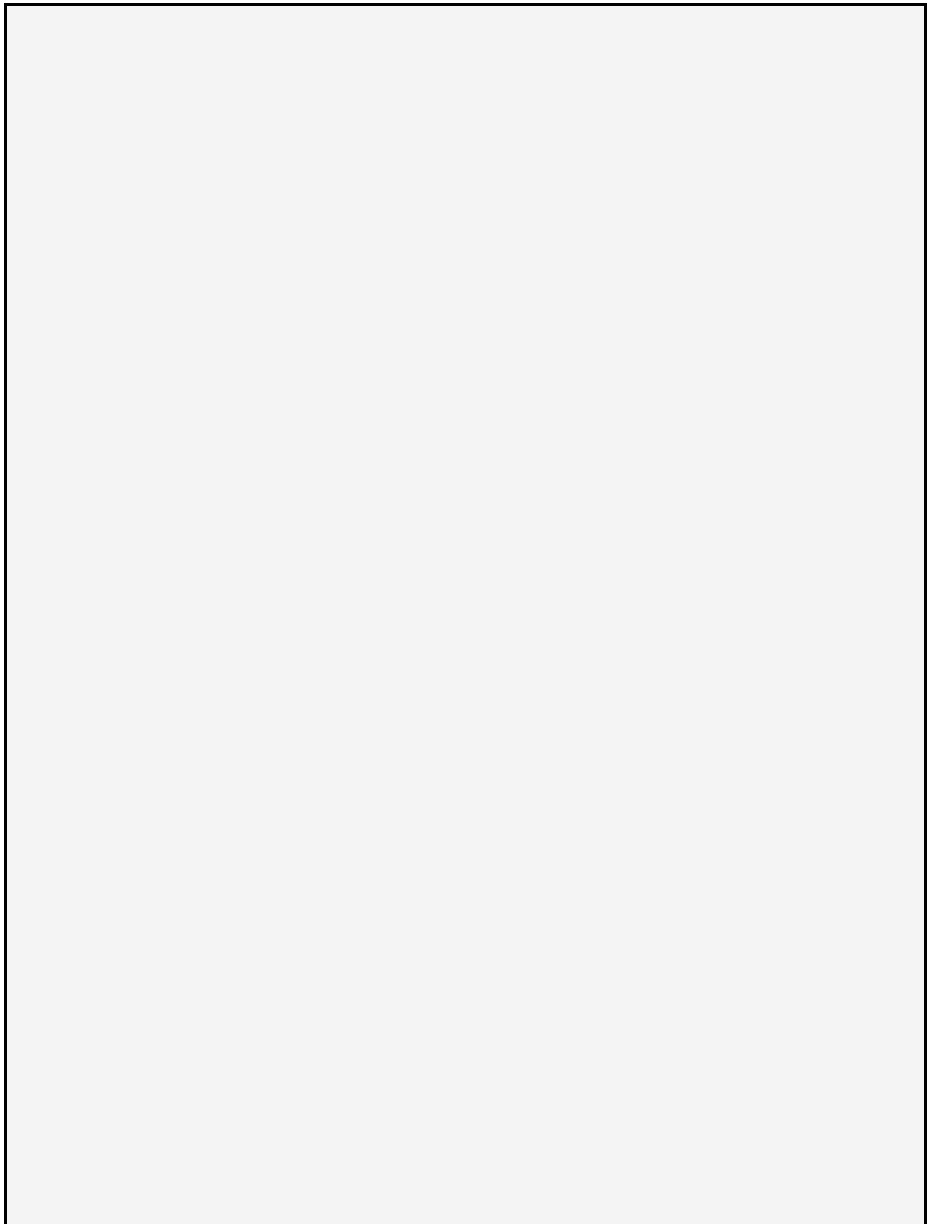

Таблица 1

ТИПИЧНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ВЕДЬМАМИ В ЕВРОПЕ, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 1490 ГОД	ТИПИЧНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АНТИ НАРКОТИЧЕСКИЙ РЕЙД, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 1990 ГОД
Обвиняемые арестованы на месте собраний в лесу.	Обвиняемые арестованы в «коммуне» в сельской местности
Сообщают, что обвиняемые поклонялись Рогатому Божеству, возможно, самому Сатане	Сообщают, что обвиняемые поклонялись индусскому, индейскому или другому нехристианскому божеству
Предположительно, обвиняемые участвовали в «непристойных» или «скотских» оргиях	Предположительно, обвиняемые участвовали в «непристойных» или «скотских» оргиях, или по меньшей мере не были чужды случайному сексу
Сообщают, что обвиняемые вызывали религиозные видения с помощью наркотиков, чаще всего белладонны, паслёна или мандрагоры	Сообщают, что обвиняемые вызывали религиозные видения с помощью наркотиков, чаще всего ЛСД, гашиша, пейота или марихуаны
Обвиняемые, как правило, непреклонны, как еретики, а не признают свою вину подобно обычным преступникам	Обвиняемые, как правило, непреклонны, как еретики, а не признают свою вину подобно обычным преступникам
Обвиняемые обычно из людей низкого происхождения (крестьяне, крепостные) или из молодых студентов	Обвиняемые обычно принадлежат к низшему классу (негры, американцы мексиканского происхождения) или к молодой интеллигенции (студенты)
Их обвиняют в «преступлении без пострадавших», или в преступлении лишь согласно букве закона, в отличие от настоящего преступления, направленного против людей или их собственности Но общество парадоксальным образом требует более тяжёлого наказания, чем то, которое грозит за преступления, направленные против людей или собственности	Их обвиняют в «преступлении без пострадавших», или в преступлении лишь согласно букве закона, в отличие от настоящего преступления, направленного против людей или их собственности Но общество парадоксальным образом требует более тяжёлого наказания, чем то, которое грозит за преступления, направленные против людей или собственности
Общие обвинения в сатанизме, анархизме, чёрной магии, убийствах и так далее часто выдвигаются против целого класса правонарушителей («ведьм»)	Общие обвинения в измене, коммунизме, чёрной магии, «неамериканизме» и так далее часто выдвигаются против целого класса правонарушителей («торчков»)

Таблица 1

Этому шаблону можно дать множество определений, но в самой своей основе это конфликт между теми силами, которые Фрейд называл суперэго и идом. Суперэго — «строгий хозяин» эго, как называл его Фрейд — это ангел, стоящий на страже Эдема с огненным мечом; его архетипическое религиозное

выражение находим в христианстве, наиболее общественно-ориентированной из всех религий, которая требует от каждого человека думать о других, прежде чем подумать о себе. Так называемый «ид» — первобытная нерафинированная сила самих инстинктов — это сила, которая отправляет нас к чёрному входу в Эдем в поисках другого способа туда проникнуть; его архетипическое религиозное выражение — это дионисийство, поклонение одурманивающим веществам, проникшее в Афины откуда-то с востока до начала истории Греции, приблизительно между 1000 и 900 годом до нашей эры. Германский философ Ницше сказал, что в наше время история приближается к тому, чтобы принять форму финального противоборства между Христом и Дионисом, и для сегодняшней Америки это звучит весьма справедливо. Преподобный Билли Грэм, классический «бледный христианин» — советник президентов, и в то же время доктор Тимоти Лири, дионисийский дух опьянения и блаженства, приговаривается к 40 годам тюрьмы, бежит из страны и снова оказывается схвачен.

Известный литературный критик Лесли Филдер не преувеличивал, когда писал:

> Фактически я бы сказал, что именно этот конфликт поколений может быть назван практически химической войной — войной травокуров с алкашами. На самом деле, впрочем, куда точнее было бы назвать это религиозной войной — но только травокуры осознают, что корень вражды в религиозных воззрениях…
>
> Наркотики всегда считались либо священными, либо дьявольскими. Наркотики на протяжении истории всплывали в связи с амулетами, волшебными зельями, таинствами церкви и дьявольскими оргиями. В более развитых обществах подобные совокупности представлений преобразуются в наше современное разграничение легальных опьяняющих веществ — хороших, и нелегальной наркоты — плохой. Но это лишь вопрос определений, даваемых обществом.

В материале «Плейбоя» о наркотиках, для которого высказывался профессор Филдер, Баба Рам Дасс (ранее бывший доктором Ричардом Альпертом) на это замечал следующее:

> Совершенно верно. Каждая религия — это способ достичь определённого состояния сознания, и каждое общество основывается на какой-либо религии. Естественно, поскольку любое состояние сознания может

быть вызвано с помощью конкретного вещества или группы веществ, вы обнаружите, что каждое общество допускает употребление одних веществ и яростно осуждает другие.

Пока идёт эта священная война, я пишу, как военный корреспондент, утопая в потоках пропаганды с обеих сторон. Я попытался собрать самые точные сведения из доступных относительно истинного воздействия различных веществ на сексуальное желание и сексуальные возможности. Поскольку здесь мы наряду с полем для научных исследований сталкиваемся с борьбой принципов законодательного и теологического характера, мало по какому вопросу мнения сходятся. Пытаться выяснить, как в действительности наркотик влияет на тело и разум в сегодняшней Америке — всё равно что пытаться выяснить, кто выстрелил первым в Уэйко или Руби-Ридж.[24] «Только Господу подлинно известно, и он не говорит нам». Всё, что может сделать объективный докладчик, следовательно, это донести до публики утверждения обеих сторон и дать читателям самим выбрать, кому можно верить.

Я попытался показать, что нынешний «психоделический геноцид» (как это назвал доктор Майкл Олдрич) — не единичное событие в истории. Мы проходили это много раз в прошлом (охота на ведьм — это всего лишь последний из значительных примеров) и из-за того, сколько эмоций с этим связано, подлинные факты (даже когда они смогут быть установлены) вряд ли изменят чьё-либо мнение.

Вы не признаёте это? Просто представьте себе, что случится, если будет доказано, что ЛСД так же опасно, как автомобили — то есть каждый год от ЛСД погибают 50 000 тысяч из нас. Любители кислоты тогда откажутся от этого наркотика? Таких будет не более, чем автовладельцев, которые отказались бы от своих машин несмотря на математически обоснованный риск; любители кислоты решат, как и владельцы машин, что ради преимуществ стоит пойти на статистический риск. Точно так же, если бы доказали, что марихуана исцеляет от рака, легализовал бы её Вашингтон? Если вы думаете, что ответ — «да», вы ошибаетесь. Уже существуют доказательства — мы приведём их ниже — того, что марихуана может быть действенна в борьбе со СПИДом, раком, головными болями, невралгией, депрессией и депрессивным психозом, бессонницей, потерей аппетита и что, более того, она может быть более эффективной, чем любое успокоительное из продающегося сегодня. Ничто из этого не преуменьшило *odium theologicum*, направленный против травы, в

правительственных кругах.

В 1996 году, жители Калифорнии проголосовали за легализацию марихуаны для медицинского использования (в основном в случае СПИДа и рака) в случае предоставления рецепта от практикующего врача. Президент Билл Клинтон — второе имя которого, по иронии, Джефферсон — тут же объявил, что жители Калифорнии не имели права принимать решения касательно собственной жизни. Последующие громы из Вашингтона, в основном из Министерства юстиции, грозили врачам, которые выписывали рецепты на запретное растение. Два года спустя немногие храбрые и человеколюбивые врачи продолжают выписывать «дьявольский плевел» пациентам, которые, по-видимому, действительно нуждаются в этом, но большинство докторов боятся пойти на риск, скольким бы пациентам не грозила мучительная смерть. Это напоминает об одном суждении Г. Л. Менкена — что трусость является самым мощным фактором в человеческом поведении. У докторов её, похоже, больше чем у представителей большинства других профессий.

Итак: идёт религиозная война, и теологические предрассудки, а не научная объективность, определяют, что большинство публицистов напишут об этом предмете. *Всё написанное уже само по себе является пропагандой военного времени.* Тем не менее объективный исследователь может надеяться, что выцарапает немного правды из клубка самой оголтелой лжи, и это я и пытаюсь сделать. Я попытаюсь сообщить, что каждый из рассматриваемых в данной книге наркотиков, возможно, сделает с вашим половым влечением, и какие побочные эффекты (если таковые есть), возможно, будут это сопровождать. Что вы сделаете с этой информацией — это ваше дело, и вы будете делать это на свой страх и риск.

Конечно, весь религиозный аспект этой проблемы в целом в наши дни часто отрицается. У доктора Хьюстона Смита (Huston Smith), профессора религиоведения в Массачусетском технологическом институте, есть свой краткий способ ответить тем, кто утверждал, что наркотические переживания и религиозные переживания абсолютно различны и не связаны между собой. Он всего лишь просит таких скептиков прочитать два следующих автобиографических отрывка и решить, что из них — описание «трансцендентального» опыта *с участием веществ,* а что — описание «трансцендентального» опыта *без участия веществ.* Оба отрывка абсолютно типичны для «мистических» писаний прошлого и для сегодняшних психоделических рассказов. Что есть что?

Отрывок А

Внезапно я прорываюсь в обширную, новую, неописуемо прекрасную вселенную. Хотя я и пишу это более чем через год после случившегося, трепет удивления и изумления, благоговение перед откровением, погружение с головой во всепоглощающую волну чувств благодарности и блаженного ощущения чуда так свежи, а память о пережитом так ярка, как будто это происходило пять минут назад. И всё же передать что-либо посредством описания, которое даже и намекало бы на значительность, на чувство наивысшей реальности… кажется непосильной задачей. Знание, пропитавшее мою жизнь и повлиявшее на каждую её сторону, пришло мгновенно, и оно было исполнено такой мощью достоверности, что было невозможно, тогда или потом, сомневаться в его истинности.

Отрывок Б

Внезапно, без какого-либо предвестия, я обнаружил себя окутанным облаком цвета пламени. На мгновение я задумался о пламени… и в следующее мгновение я знал, что пламя было внутри меня. Сразу же после этого меня охватило чувство ликования, чувство невероятной радости, пришедшее вместе или почти вместе с умственным просветлением, которое невозможно описать. Помимо прочего, я не только лишь уверовал, но увидел, что вселенная состоит не из мёртвой материи, но напротив, является живой Личностью; я осознал для себя жизнь вечную… Я увидел, что все люди бессмертны; что вселенский порядок таков, что всё сущее, без всякого сомнения, трудится вместе на благо всех и каждого; что краеугольным принципом мироздания… является то, что мы называем любовью, и что счастье для всех и каждого в конечном итоге совершенно точно будет достигнуто.

Доктор Смит отмечает, что когда он первый раз предложил эту задачу своим студентам, неправильных ответов было в два раза больше, чем правильных. Чтобы предоставить читателю-скептику достаточную возможность здраво поразмышлять над этой задачей, не жульничая, я поместил ответ в одной из нижеследующих глав.

А тем, кто не видит никакой связи между сексом и религией, я предложу слова французского поэта одиннадцатого столетия Пьера Видаля: «Я думаю, я вижу Божество, когда смотрю на обнажённое тело моей дамы». Видаль, согласно его

жизнеописаниям, прочитанным мной, даже не был под веществами, когда описывал это благочестивое чувство.

Интерлюдия. Скатываясь к Вифлеему: история Леонарда

Подсевшие на марихуану держатся группами и предпочитают курить в компании других людей, нежели в одиночестве… Ощущается потеря чувства времени и утрата глубинного зрения… Происходит исчезновение большинства внутренних запретов и употребляющий (марихуану) ведёт себя так, как для него или неё вести себя в обычном состоянии даже не было бы и мысли… Жестокие преступления, такие как грабёж, насильственное вторжение, физическое насилие, изнасилование и убийство — обычное дело для людей под её воздействием, и обычно в таком состоянии человек пробует свой первый укол героина…

— «Злоупотребление наркотиками — путь в никуда» Департамент шерифа Грин-Каунти (штат Огайо), исправленное издание 1972 года

«Не против, если я подрочу?» — спросил Леонард. Его жена, сидевшая в кресле рядом с ним, улыбнулась — она привыкла к его эксцентричному поведению.

Но вот я только начинал узнавать о привычках Леонарда. «Прямо тут, в моей гостиной?» — задал глупый вопрос я.

«А почему нет?» — с подозрением спросил он. «У тебя ещё есть какие-то застарелые пуританские заскоки?»

Я не знал, что и ответить. Рядовой американец сказал бы Леонарду, что тот тронулся умом и выставил бы его за дверь, но я уже давно выступал на публике в защиту крайне правого либертарианства, гордящегося тем, что оно более радикально,

чем левый анархизм. Я не хотел бы, чтобы стало известно, что мои субъективные предрассудки заставили ограничить чужую сексуальную свободу. «Ну, — начал я наугад, зная, что у меня была причина, но не в состоянии точно её вспомнить, — знаешь, дело в моих детях. Им всем ещё нет шести, и они рассказывают обо всём, что увидят. Когда они станут рассказывать соседским детишкам про то, как ты гонял лысого, а мы сидели и смотрели на это, история обрастёт престранными подробностями. Я готов к тому, что меня выгонят из города за мои причуды, но я не хочу неприятностей из-за твоих».

С моей точки зрения это звучало неубедительно, но Леонард тоже был ультралибертарианцем. Он понимающе кивнул. «Ага, — сказал он, — не стоит мне заставлять *тебя* расплачиваться за *мой* приход». Он поднялся с места. «Я зайду в толчок на несколько минут», — сказал он.

Для Леонарда — такого, каким он был в те дни — это был достаточно типичный опыт. В отличие от Джейн, чью историю я рассказывал в прелюдии, Леонард не был взрослым человеком с полностью сформированной и в целом устоявшейся структурой личности, когда началась Наркотическая Революция шестидесятых. Ему было, на самом деле, двенадцать лет от роду, когда доктор Тимоти Лири в 1959 году съел четыре волшебных гриба в городе Куэрнавака в Мексике, пережив то, как «закончилась игра пространства, закончилась игра времени и закончилась игра Тимоти Лири». Леонарду было всего 16 лет, когда Гарвардский университет попросил доктора Лири покинуть его стены, и ему было 18 лет, когда в 1965 приняли большинство законов против ЛСД — как раз тогда я познакомился с ним и его женой, двадцатидвухлетней выпускницей кафедры психологии Сандрой.

Леонард был парнишкой, чью юность многими способами формировали и направляли Наркотическая Революция, Сексуальная Революция и Политическая Революция, все они в те годы были в самом разгаре.

Леонард был анархистом, коммунистом, мистиком, немного фашистом, сторонником «социального кредита», технократом, сторонником аграрных реформ типа «назад к природе» и, что самое важное, сексуальным революционером, и всем этим он был в той или иной степени одновременно — или же так казалось, поскольку эти увлечения приходили и уходили так стремительно, что было похоже, что они обживают сферу его страстей одновременно. Он заявлял, также одновременно, что всем нужно жить на фермах и перекладывать работу на плечи машин, что мы должны жить в гармонии с природой и создавать более

совершенные и мощные компьютеры, и что правительство должно обеспечивать покупательскую способность всем гражданам («социальный кредит»), нуждаются они в этом или нет (чтобы *отвадить* их от излишнего труда), и что правительства не должно существовать, потому что родоплеменное строение общества наилучшим образом отвечало нашей биологической приматской сути.

Естественно, у него был очень высокий IQ. Болваны не приходят к таким диковинным взглядам.

Самым главным, однако, Леонард полагал то, что наше «завравшееся общество» отлучило нас от наших истинных побуждений. В отличие от Фрейда, Райха, Маркузе и других, занявших схожую позицию, Леонард не считал, что ему известно, что на самом деле нами движет. Совсем напротив, он догматично противостоял любому догматизму по отношению к этому щекотливому вопросу; он настаивал на том, что наши истинные побуждения должны быть *обнаружены*. Он пытался обнаружить эти первичные инстинкты, делая всё, что запрещено обществом; если эксперимент ему нравился, значит, это был один из наших первичных инстинктов, если не нравился — это было извращением.

Хемингуэй, похоже, пользовался тем же эмпирическим подходом, когда написал, что «Благо» есть то, что делает тебя счастливым.

Я нравился Леонарду, потому что я был почти таким же запутавшимся человеком, как и он, ведь я бросил хорошую работу в большом городе, став трудиться за гроши в поте лица в газете маленького городка, лишь чтобы дать моим детям возможность расти ближе к природе. Ещё я верил в технократию, при этом в жизни убегая от неё, и благодаря своим правым взглядам я считал, что многие из его «фантастических» заявлений могли бы быть основой для более действенными социальных программам, чем те пилюли, что обычно прописывают обществу либералы.

И тем не менее я относился к его меняющимся сексуальным и наркотическим пристрастиям с некоторым сцептицизмом.

Однажды они со своей женой Сандрой заехали к нам по пути из колледжа, в котором учились, и он немедленно рассказал мне о своём последнем открытии в области первичных инстинктов. Он примерил кое-что из нижнего белья Сандры и ему понравилось. «Прямо сейчас на мне её трусики и пояс», — ликующе заявил он.

Никто бы не подумал. С виду он казался совершеннейшим студентом университета образца 1965 года — то есть он выглядел как очень небогатый ковбой. Его потрёпанные джинсы и рубашка

уж точно не наводили на мысли о трансвестизме.

«И как оно?» Я задал вопрос настолько лишённым осуждения тоном, насколько был способен — таким, к какому я прибегал, когда брал интервью у членов Общества Джона Бёрча[25] для моей газеты.

«Заводит», — сказал он. «Каждый раз, когда я вспоминаю, что на мне надето, у меня начинает стоять».

В этой фазе он пробыл несколько месяцев. Каждый раз, когда я виделся с Леонардом и Сандрой, у него находились новые предметы женского нижнего белья, которыми он мог похвалиться. К тому времени они разработали систему: они вместе заходили в магазин женского белья, как идеальные молодые супруги — и никто не догадывался, что шёлковое белье с оборками, которое они покупали, на самом деле предназначалось для него.

Потом у Леонарда была анальная фаза. Ещё до «Майры Брекин-ридж» он решил, что существовал первобытный инстинкт, который требовал того, чтобы мужчин пидорасили женщины. (Ты читаешь это, Андреа Дворкин?)[26]

«Э, как вы это проделываете?» — спросил я, когда он хвастался этим свежайшим открытием.

«Бутылкой из-под кока-колы», — сказал он.

«Ага», — сказал я с задумчивым видом. «Точно не скажу, но тебе стоит почитать про *ректальный пролапс* в какой-нибудь медицинской книжке. По-моему, ты можешь вывернуть свой анус наружу и на самом деле повредить себе, используя таким образом бутылку. Вроде как там создаётся вакуум».

«Ой-ёй!» — вскричал он. «Может, поэтому у меня шла кровь в последний раз, когда мы это пробовали».

Сандра была всегда тихой и сдержанной, как и большинство выпускников кафедры психологии. Кроме того, что она помогала Леонарду с его различными сексуальными маниями, непохоже было, что у неё были какие-либо отличительные черты, выделяющие её среди миллиона других белых девушек-протестанток со Среднего Запада её возраста. Может быть, *поэтому* она ему и помогала.

«Ты был прав насчёт этого ректального пролапса», — сказал мне Леонард, когда я увиделся с ним в следующий раз. «Мы бросили бутылку из-под колы и купили один из этих модных вибраторов. Ух, блин — ух!»

Естественно, в конце концов Леонард и Сандра дошли и до оргии.

«Это было балдёжно», — сказал он мне потом. «У них был кокаин и я занюхивал и кончал, занюхивал и кончал всю ночь напролёт. Просто нахуй *улёт!*»

Перед тем, как читающий это побежит валяться в куче кокаина, которой хватит на год, позвольте мне напомнить, что Леонарду на тот момент было 18 лет.

Многие молодые мужчины примерно в этом возрасте (в течении нескольких лет) настолько же мультиоргазменны, насколько могут быть взрослые женщины, без кокаина.

Наркотические увлечения Леонарда были так же напоказ экспериментальны, как и его сексуальные похождения.

Какое-то время, когда я впервые встретил его, это была трава. Трава была вторым пришествием Христа. Она не только расширяла сознание, улучшала секс и была доказательством существования Бога, но и превращала всех без исключения куривших её в пацифистов. «Нам нужно только накурить всех и не будет никакой сраной Третьей Мировой Войны», — как-то раз заявил Леонард.

«Но "Ангелы Ада" выкуривают уйму травы, и они не такие уж и пацифисты», — осторожно заметил я. «А ещё был такой Хасан-и Саббах…»

«Ну, в этом что-то есть», — признал Леонард. «Некоторым людям надо выкурить куда больше травы, чем другим, прежде чем их начнёт расслаблять. И потом, "Ангелы" портят всё, мешая траву с бухлом, а это всегда *обламывает* кайф».

Вот это мне и нравилось в Леонарде. Он всегда выслушивал ваши доводы и даже обдумывал их, пусть и недолго. Он никогда не был по-настоящему безумен.

Потом, конечно, панацеей Леонарда стало ЛСД.

«Я ебал Сандру, — рассказывал он любому, кто готов был его выслушать, — и кислота перенесла моё сознание целиком в крайние полсантиметра головки моего пениса. Я был только этим — всего лишь этим кусочком плоти, целиком окружённым пиздой и пульсирующим от радости. А потом бах, и даже этого не стало. Я был нигде, и в то же время везде. Вот это в точности то, что индусы называют «самадхи» — единство с Всем Сущим».

Конечно, его мечтой было запустить кислоту в водопроводы города Вашингтона. «Даже Линдон Джонсон полюбит мир и прекратит убивать людей», — восторгался он.

Леонард пережил жуткую депрессию, когда в андеграундной прессе многократно написали, что ЛСД распадается на неактивные компоненты, будучи добавлен в проточную воду, на которую воздействует солнечный свет, и таким образом не будет эффективен в водопроводе. «Господи, — сказал он, — всё всегда сложнее, чем кажется. Нам придётся найти другой способ добраться до Джонсона».

Кровь бунтарей становится жиже, как однажды заметил

Бернард Вулф; по прошествии нескольких лет мне приелась жизнь в маленьком городке и я снова начал искать работу в большом городе. Я переехал в Нью-Йорк и потерял связь с Леонардом и Сандрой.

Мы снова встретились — в кофейне в Ист-Виллидж. Его тогдашними страстями были кокаин и гомосексуальность.

«Я думаю, кокс разъёбывает мозги, — обеспокоенным тоном сообщил мне он, — но я остановлюсь до того, как он нанесёт мне серьёзный урон. Ты не представляешь, как он влияет на оргазм, малыш. Ой, боже, боже!»

Я спросил, женат ли он до сих пор на Сандре или нет.

«А, да, мужик, она по-прежнему моя матушка-ангел», — восторженно сказал он. «Мы трахаемся с одним и тем же парнем. Все троё, нюхаем и кончаем, нюхаем и кончаем всю ночь напролёт».

«И сие есть Царство Небесное», — посетила меня причудливая мысль. Шли годы, я стал старше; на дворе был 1972 год и оптимизм революционеров шестидесятых был всего лишь смешным воспоминанием. Однажды я был на почте в Чикаго и голос за моим правым плечом произнёс: «Боб Уилсон?»

Я повернулся и взглянул в лицо, которое не совсем узнал. При нём была новая борода, скромная одежда и немного лоска совершеннолетия — но оставалась одна черта. У него в глазах была искра, которую ни с чем не перепутаешь — блеск, который выдаёт человека, который до сих пор гонится за «истиной» и наконец ухватил «её» за полы «её» одежды и готовится овладеть ею всецело. «Леонард?» — спросил я.

«Да, — сказал он, — и я часто переживаю из-за дурного влияния, которое оказывал на тебя когда-то. Из-за тех ужасных вещей, которые я делал, и того, как упорно я пытался склонить других к тому, чтобы и они делали их!» (Ой-ёй, подумал я). «Но теперь я обрёл мир, я был вновь рождён посредством нашего Спасителя Иисуса Христа, и я…»

«Всегда приятно встретить старого приятеля, — быстро произнёс я, — но мне надо торопиться, чтобы успеть на поезд». Я уже бежал.

«Погоди, погоди, — сказал он, — возьми эту брошюру…» Я ещё видел, как шевелятся его губы, когда выскакивал в дверь.

2.
Рогатые божества и распаляющие зелья

Должно продавать его кому-то, святое имя любви… весь думая всё об этом, Этом зудящем, Всем целиком, удовольствии, за которое каждый её похвалит, деле, каким был порождён каждый, чтобы порождать… Закон джюнгерлей.

— Джеймс Джойс, «Поминки по Финнегану»

Человеческий мозг состоит из килограмма с лишним жижи, похожей на овсянку. (Более жёсткие, крахмальные мозги, которые можно увидеть в лабораториях или кино — мёртвые; остальные части тела выглядят такими же пластмассовыми после смерти). Внутри этой жижи — этого «заколдованного ткацкого станка», как называл её невролог сэр Чарльз Шеррингтон, этого «улья анархии», как более поэтично выразился романист Бернард Вулф — находятся несколько миллиардов отдельных клеток, каждая из которых может передавать электрический заряд любой другой, любой дюжине или тысяче других в любое время. Каждая такая электрическая цепь отмечает или отвечает на что-то, воздействующее на нервную систему либо изнутри, как это делают мышцы, железы или клетки, либо снаружи — вплоть до света звёзд в ночи.

Архитектор-поэт Бакминстер Фуллер подытоживает это в одном изящном, незабываемом парадоксальном высказывании: *«Всё, что мы видим,* — говорит он, — *внутри наших собственных голов».*

Таким образом, если человек был слеп от рождения, а его зрение было восстановлено в результате операции, он увидит совсем не то, что видим мы. Он увидит вихрящийся хаос, который, возможно, устрашит его; только постепенно, в течении месяцев, он научится с помощью врачей и медсестёр, ухаживающих за ним, видеть то же, что и мы. Мы не будем потчевать читателя неврологическими теориями, пытающимися объяснить, почему ЛСД ввергает экспериментирующего с ним в такой же вихрящийся хаос.

Само собой разумеется, мы также слышим мозгом плюс ушами, ощущаем вкус мозгом плюс языком, и, в общем, осознаем всё, только делая внутри наших голов записи на том, что Уильям Берроуз называет «the soft machinery», мягкой машинерией тканей нашего мозга.

Так, под гипнозом человек, которому дали соль и сказали, что это сахар, будет ощущать сладкий вкус, что служит примером феномена «мозг плюс язык». Точно так же загипнотизированный человек, которому показывают зелёный круг и говорят, что он красный, будет видеть его как красный. Это потому что за нас смотрят «мозг плюс глаза».[27]

Итак, очевидно, всё, что воздействует на мозг, будет воздействовать на наше восприятие вселенной в целом. Лобно-долевая эпилепсия — болезнь мозга, от которой страдали такие знаменитые личности, как Юлий Цезарь и русский писатель Фёдор Достоевский — ясно показывает эту связь. Попытки Достоевского описать это состояние выглядят в точности как записи современного любителя кислоты, когда он говорит, несмотря на боль, сопровождающую припадки: «Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь». Это состояние невербальное, как и в случае с кислотными и другими трипами, о которых у нас пойдёт речь, потому что наша речь была изобретена для того, чтобы описывать другие, более статистически обыденные ситуации. Достоевский (и другие люди с лобно-долевой эпилепсией) даже описывает яркий «белый свет», который также видели принимавшие ЛСД и восточные йоги. (Рок-группа The Clear Light, несомненно, была названа в честь такого опыта, который, как полагает философ Алан Уоттс — сам экспериментировавший с ЛСД, пока вещество ещё не было под запретом — может быть восприятием мозгом самого себя, когда включены все электрические цепи одновременно. Что возможно).

Но (и читатель, должно быть, догадывается, что мы ведём к этому), более распространённый способ преобразить мозг — это наркотики, которые можно принять по собственной воле, в отличие от эпилепсии, которая передаётся по наследству. Также истинно то (несмотря на всю истерику в Вашингтоне), что некоторые наркотики, принимаемые в небольших дозах, гораздо менее неприятны, чем эпилепсия. (Они также гораздо менее неприятны, чем рак. Если настолько умеренные заявления звучат как пропаганда наркотиков, мне искренне жаль; как сказал доктор Хамфри Осмонд, примерно с 1965 года стало трудно сказать что-нибудь соответствующее истине о наркотиках, чтобы

тебя не записали в жуткую «наркотическую секту»).

Открытие расширяющих сознание, поражающих воображение, вызывающих галлюцинации и выводящих за пределы сознания свойств этих веществ, по-видимому, восходит к эпохе неолита («нового каменного века»), если не к более ранней эпохе. Наши неолитические предки на Ближнем Востоке хоронили мёртвых головой на восток (что предполагает некую форму поклонения солнцу) и клали в могилы марихуану (что предполагает некое психоделическое или религиозное использование этого растения). Статуэтки в Мексике, датируемые тысячей лет до нашей эры и более ранним периодом, изображают «волшебный гриб» *psilocybae mexicana* с фигурами божеств, появляющимися из него, что убедительно свидетельствует о том, что использование этого галлюциногена в религиозных целях (что было засвидетельствовано испанскими захватчиками в первой половине 16 века и продолжается по сей день), восходит по меньшей мере к этим временам. Первая пивоварня была построена в Египте в третьем тысячелетии до нашей эры.

Не стоит думать, что у наших предков были какие-либо теоретические научные познания о том, каким образом эти зелья и травы воздействовали на их мозг. Скорее их познания должны были быть строго эмпирическими — как у американских подростков сегодня: «Эй, чел, ты просто пожуй этих ягод и посмотри, что будет!» (Да, существует галлюциногенная ягода — это незрелые ягоды шелковицы — и она известна по всему Среднему Востоку, и, согласно Уильяму Берроузу, очень напоминает действием южноамериканскую галлюциногенную лиану *яге*).[28]

Само собой разумеется, если вещества могут изменять способ, которым мозг видит, слышит, обоняет и составляет значащие формы из хаоса ощущений, они могут также в корне изменить природу сексуальных переживаний.

Это, несомненно, аспект, которым наши предки (которые были настолько же озабочены, как и мы) в высшей степени заинтересовались по отношению к наркотикам. Вскоре начался поиск зелий Афродиты — веществ, вызывающих неповторимые чувственные удовольствия. И поскольку это было до изобретения христианства, эти эротические причастия чаще отождествлялись с поклонением богам, чем с грехом.

Паслёновые

В университете многие из нас сталкивались со

стихотворением Джона Донна «Песня», которое начинается так:

> Go and catch a falling star,
> Get with child by mandrake root,
> Tell me where all past years are,
> Or who cleft the Devil's foot.

> (Поймай падающую звезду, понеси от корня мандрагоры, скажи мне, куда ушли годы или кто раздвоил копыто Дьяволу).

Некоторые читатели могут даже вспомнить примечание ко второй строке, которое поясняет, что в елизаветинские времена существовало поверье насчёт того, что женщина может забеременеть от мандрагоры. На самом деле это был один из более поздних предрассудков, связанных с этим растением. Ранее считалось, что мандрагора — мощный афродизиак, а этим воззрениям предшествовало представление о том, что растение было связано с религиозными видениями и необычными исступлёнными буйствами культов «смерти и воскресения», которые были принесены в Грецию с Ближнего Востока незадолго до платоновских времён (в четвёртом столетии до нашей эры).

В этих культах, подробно описанных в классическом труде по антропологии сэра Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь», люди поклонялись ряду богов, которые, по преданиям, умирали, а затем воскресали. В их число входят Дионис, Атгис и Таммуз восточных стран и египетский Осирис. Как и христианство, которое появилось несколько веков спустя, эти культы обещали каждому последователю возможность повторить чудесное деяние божества. Однако, в отличие от христианства, они предлагали своего рода «доказательство» этого утверждения — а именно переживание, которое, по-видимому, убеждало верующего, что он был мёртв и вернулся к жизни, или побывал в месте, где жизнь и смерть были не противоположностями друг друга, но частями одного непрерывного процесса. Это переживание вызывалось с помощью мандрагоры и, иногда, белены и дурмана.

У этих трёх веществ есть два общих свойства: все они из семейства паслёновых, и обо всех них пишут как об афродизиаках.

Вещества, полученные из паслёновых, как и психоделики (но не как истинные вещества, вызывающие наркоз), вызывают возбуждение, а не оцепенение и летаргию; также они вызывают галлюцинации, которые на некоторое время совершенно подавляют реальность — что часто *приписывается* настоящим

психоделикам, но практически никогда не *происходит* в случае с ними. К примеру, при приёме ЛСД сбивающие с толку ошибки восприятия быстро сменяются и, следовательно, их никогда не воспринимают серьёзно. Ситуация сильно напоминает стихотворение Льюиса Кэрролла:

> He thought he saw a banker's clerk descending from a bus
> He looked again and saw it was a hippopotamus
>
> (Он думал, что увидел выходящего из автобуса банковского служащего, посмотрел снова и увидел, что это был гиппопотам).

В случае с мандрагорой то, что привиделось, обычно кажется неизменным и убедительным, даже если это нечто настолько неправдоподобное, как белый медведь в чёрном свитере с высоким воротником, вальяжно рассевшийся в углу комнаты. (Это на самом деле видел Рональд Уэстон, сотрудник рекламного отдела, экспериментировавший с белладонной, ещё одним веществом из семейства паслёновых, написавший о своём опыте для журнала «Fact» — первый номер журнала, 1963 год). Эти вещества также, в отличие от психоделиков, весьма токсичны, и можно легко принять слишком большую дозу и умереть. Таким образом, наши сведения о них гораздо менее обширны, чем сведения о психоделиках; с ними экспериментировало меньше людей, или, как минимум, меньшее количество людей выжило, чтобы рассказать нам о своём опыте.

Это и объясняет наш осторожный комментарий о том, что эти вещества «считаются афродизиаками». Ответственные заключения медиков сегодня гласят, что настоящих афродизиаков не существует. (Вы уж извините). Впрочем, похоже, что на протяжении *части времени своего действия* эти вещества будто бы *обладают* практически свойствами настоящего афродизиака.

Ведьмы и оргии

Дионисийские празднества в Греции, во время которых использовали эти одурманивающие вещества, обладали репутацией весьма непристойных и фривольных. Во время шабашей ведьм в Средние Века, где поклонялись схожему Рогатому Божеству и в больших количествах употреблялись те же вещества (плюс белладонна), обычно происходили оргии — как минимум согласно показаниям, полученным под пыткой

инквизиторами. Р. Мастерс в книге «Эрос и зло» *(Eros and Evil)* пишет о профессоре из Геттингенского университета, который в качестве эксперимента испробовал на себе одно из ведьминых зелий, составленных по рецепту, обнаруженному в средневековом манускрипте, и испытал видение полёта на оргию ведьм. Мастерс также сообщает о женщине, которая использовала эти вещества для лечения астмы. Вследствие случайной передозировки она недвусмысленно приставала к домовладелице, а также пыталась соблазнить гостя.

Общепринятым объяснением такого якобы усиления полового влечения является самовнушение. То есть упомянутые люди знали, какое действие на них должно оказать вещество и, следовательно, бессознательно сами для себя запрограммировали это действие. Что не подтверждает эту теорию, к сожалению, это то, что Р. Мастерс заявляет, что женщина во втором случае не знала о подобных свойствах этого вещества. Скептики от психофармакологии не примут настолько несистематичное «свидетельство» и запросят исследования на нескольких испытуемых с ведением статистики в подконтрольных лабораторных условиях. В ходе подобного эксперимента они должны быть способны проверить, не было ли так, что женщина, как это часто бывает, знала больше, чем показалось врачу.

Как и психоделики, эти наркотики, похоже, очень хорошо усиливают эффект внушения или самовнушения. К примеру, Акрон Дараул в своей книге «История тайных обществ» *(History of Secret Societies)* рассказывает о беседе с тибетским ламой, который по сути заставил «дух» Дараула спроецироваться за пределы его тела. Дараул, сохранивший образец еды, поданной ему перед беседой, позднее проанализировал её в химической лаборатории и обнаружил в ней некоторое количество мандрагоры, а также скополамин, получаемый из белены, о котором часто пишут как о «сыворотке правды». (На самом деле «откровения» того, кому ввели сыворотку — не истинная правда, а то, что хочет услышать тот, кто задаёт вопросы. Скополамин первоначально использовали некоторые полицейские службы Европы, чтобы выбить показания из подозреваемых в совершении преступления. Если подозреваемый был действительно виновен, его признание было подробным и соответствующим истине. Если он был невиновен, признание было настолько же подробным, но истине не соответствовало).

В благоприятных обстоятельствах, следовательно, некто *убеждённый* в том, что эти вещества вызовут необузданные сексуальные переживания, с большой вероятностью испытает необузданные сексуальные переживания. В книге «Наркотики и

разум» доктор Роберт Де Ропп приводит классический пример из давних деньков ведьмовства:

> На данном судебном процессе разбирательствам большой пикантности придало то, что Лизе, на чьих показаниях строился процесс, была шестнадцатилетней дочкой местного пастора.
>
> Лизе сбил с пути истинного её возлюбленный, убедивший её принять участие в тайных ритуалах, проходивших в полночь глубоко в горах Гарц. Участники, собравшись в тайном месте, произнося соответствующие заклинания, приготовили питьё, к которому свободно прикладывались.

Доктор Де Ропп из других подробностей выводит, что питьё и упоминающаяся далее мазь, возможно, включали в себя мандрагору, паслён и/или белладонну).

> Вскоре после того, как они выпили его, бешенство обуяло их всех, включая юную Лизе, которая, отбросив все внутренние запреты женской скромности, сорвала с себя одежду, как и прочие присутствовавшие, и была намазана «ведьминской мазью». Затем она участвовала в бешеной сексуальной оргии, сопровождаемой исключительно яркими галлюцинациями, в ходе которой, по её убеждению, каждый чёрт из ада наслаждался её телом, она села верхом на метлу и парила над горами, она видела адские печи и даже чувствовала запах поджаривающихся грешников. Эти галлюцинации были настолько яркими, что она твёрдо была убеждена в их реальности и в последовавшем припадке раскаяния рассказала о них своему отцу. Он, достойная опора церкви, не замедлил передать свою дочь в руки властей, которые тотчас организовали охоту на других участников полуночного празднества и, упиваясь пытками, выбили из них всех признания в их злодеяниях. Затем всех их в торжественной обстановке сожгли на площади, посмотреть на это пришли все горожане.

Очевидно, если бы Лизе ожидала, что встретит Иисуса и его двенадцать апостолов и будет совокупляться с ними, впоследствии она вспоминала бы об этом.

Инквизиторы (пользовавшиеся, о чём никогда не стоит забывать, инструментами убеждания, которые могли бы

превратить Карла Сагана в духовидца) получили множество признаний об участии в оргиях, по сравнению с которыми опыт Лизе кажется пешей гёрлскаутской экскурсией. Многие подозреваемые в «ведьмовстве» сознавались, что на этих празднествах был в обычае инцест, не только между братьями и сёстрами или отцами и дочерьми, но и между сыновьями и матерями. (Кинси обнаружил, что первые две из упомянутых разновидностей инцеста куда более часто встречаются, чем это обычно считается, но последняя — несмотря на распостранённость данной темы в фольклоре, греческой трагедии и психоанализе — так же редка, как позволяет предположить отвращение к ней. Он никогда не сталкивался ни с одним настоящим случаем, хотя занимался исследованиями в этой области на протяжении нескольких лет). Другие сознавались в том, что совершали различные сопряжённые с сексом убийства (убивали людей, с которыми совокуплялись) или в некрофилии, а также в различных видах садизма и мазохизма. Значительное место в этих признаниях также занимал каннибализм.

Большая часть этих показаний может быть объяснена действием тисков для пальцев и других приспособлений, к которым прибегали в ходе допросов. Некоторые, скорее всего — настоящие воспоминания о галлюцинациях, вызванных действием мандрагоры, белладонны или дурмана. И, конечно — чему свидетельством «семья» Мэнсона — некоторые признания, возможно, истинны.

Взгляд изнутри на сексуальность в ведьмовстве приводится в «Книге теней» *(The Book of Shadows)*, которая, как утверждают, является манускриптом, передававшимся на протяжении нескольких столетий различными ковенами на Британских островах. Вот, к примеру, Обряд Второй Ступени, который включает немалое количество поцелуев, кое-что оральное и лёгкий садомазохизм, но в общем ничего настолько же возмутительного, как в признаниях Лизе.

> Верховная жрица:
>
> Выслушайте меня, о Всемогущие. (Ведьминское имя посвящаемого), Жрица/Жрец и Ведьма/Ведьмак, прошедший посвящение должным образом, ныне должным образом приготавливается к тому, чтобы быть возвышенным до Второй Ступени.
>
> Чтобы достигнуть этой ступени, необходимо очиститься. Готов ли ты пострадать ради познания?
>
> Посвящаемый
>
> Я готов

Верховная Жрица/Жрец произносит:

Я очищаю тебя, дабы ты присягнул должным образом

Верховная Жрица три раза ударяет в колокол. 3, 7, 9, 21 удара бича[29], затем она произносит:

Повторяй за мной. Я, (Ведьминское имя посвящаемого), клянусь чревом моей Матери, и моим добрым именем, и моими Братьями и Сёстрами по Искусству, что я никогда на раскрою никакие секреты Искусства никому, кроме как должным образом подготовленному достойному того человеку, стоящему посреди Магического Круга, как стою в нём сейчас я.

Настоящим клянусь моими прошлыми жизнями и моими надеждами на будущие воплощения и предаю себя на полное уничтожение, если нарушу эту данную мной торжественную клятву…

Верховная Жрица/Жрец чертит Пентаграмму, проводя по гениталиям, правой ступне, левому колену, левой ступне, гениталиям, и произносит:

Освящаю Тебя Маслом, (поцелуй)

Освящаю Тебя Вином, (поцелуй)

Освящаю Тебя Водой, (поцелуй)

Освящаю Тебя Огнём, (поцелуй)

Освящаю Тебя касанием уст моих, (поцелуй)

Верховная жрица:

Седьмое, Шнуры — привяжи Верховную Жрицу/ Жреца. Посвящаемый делает это, и Верхвная Жрица/ Жрец целует его.

Верховная Жрица произносит:

Знай же, что в Чародействе ты должен всегда возвращать всё втройне. Как я стегала тебя, и ты должен стегать меня, но трижды. За три моих удара верни девять, за семь — двадцать один, за девять — двадцать семь, за двадцать один — шестьдесять три. Это — 120 ударов. Возьми же Бич.

Посвящаемый делает это и очищает Верховную Жрицу 120 ударами бича, затем развязывает Верховную Жрицу/Жреца, которая/ который целует его. Затем Верховная Жрица /Жрец произносит:

Ты покорился Закону, но помни, когда тебе сделают добро, ты должен так же вернуть его втройне.

Применение настоящего соития в ведьмовстве, согласно «Книге Теней», определённо основано на благопристойных

воззрениях:

> В древние времена Великий Ритуал практиковали, но мне неизвестны никакие Ведьмы в Америке или Англии, которые до сих пор бы практиковали Великий Ритуал. Вы можете отказаться от него, или, если вы чувствуете себя становящимся ближе к Богам, возвращая как можно больше в процесс поклонения Древним — тогда, конечно же, практикуйте его.
>
> ВЕЛИКИИ РИТУАЛ — в конце каждого Ритуала Шабаша древним приходилось «заземлять» энергию, вызванную в Круг, чтобы эта высвобожденная энергия затем не оставалась в атмосфере. Они заземляли эту энергию, совершая «Половой Акт», который опускал их с уровня таинства до телесного уровня. Каждый Ритуал Шабаша заканчивался этим, и это называлось «Великий Ритуал».
>
> Великий Ритуал проводится в виде акта поклонения Богу и Богине. Очевидно, если бы все в конце обряда занимались любовью внутри Магического Круга, это выглядело бы со стороны как оргия.
>
> В основном члены шабаша занимались этим наедине, после того, как выходили из Магического Круга. Сексуальная Магия — одно из наиболее сильных действий в Магии, и к ней нельзя относиться несерьёзно, и я считаю, что ей, несомненно, надо заниматься наедине, перед лицом Божеств.

Будет честным добавить, дабы читатель не принял это на веру уж слишком легко, что нет ни одного экземпляра «Книги теней», который появился бы на свет раньше, чем несколько десятилетий назад. Джеральд Гарднер (английский государственный служащий, который после ухода со службы стал лицом современного ведьмовства для прессы), по-видимому, выпустил первый известный экземпляр этого текста, и весьма добросовестный историк оккультизма Фрэнсис Кинг прямо пишет в своей книге «Обряды в современном оккультизме» (*Riles of Modern Occult Magic)*, что Гарднер подделал — или нашёл человека, который подделал — так называемую «Книгу Теней». Как бы то ни было, современные ведьмы считают эту книгу подлинной, и поэтому описанные в ней ритуалы в наши дни часто практикуются, и обвинения в чём-то очень напоминающем их несомненно встречаются в исторических документах, посвящённых судебными процессами прошлого по делам ведьм.

Если всё это звучит как достаточно извращённые действия,

читателю стоить припомнить, что бичевание и по сей день также практикуют многие христиане (например, *penitentes* в Мексике) и оно давно уже является традицией у иезуитов. Сексуальный обряд (и выделенные из паслёновых растений вещества, ассоциирующиеся с ним) — это часть куда более древней традиции.

Иерогамия, она же сексуальная магика

Вся эта мистика происходит из «симпатической магии», дикарского представления о том, что имитация желаемого действия заставит его произойти. Так, чтобы вызвать дождь, шаманы различных племён в разных частях света наливают воду в сосуд с дырявым дном. Или же, чтобы убить врага, волшебник делает похожую на него куклу и втыкает в неё иголки. Больше всего племя желает, естественно, плодородия в самом широком смысле этого слова — больше пищи, больше урожая, больше животных и больше детей, чтобы у племени было больше боеспособных мужчин, если на него нападут. Чтобы добиться плодородия с помощью симпатической магии, необходимо имитировать акт воспроизводства. Следовательно, как исключительно подробно показывает Фрэзер в «Золотой ветви», сексуальная магия или иерогамия в какой-либо форме появляется почти в каждой культуре. В некоторых культурах это принимает форму оргии, в ходе которой все мужчины и женщины совокупляются на полях в те ночи, которые важны с астрологической точки зрения — в Вальпургиеву ночь, ночь на Иванов день, канун дня Всех святых и так далее; в некоторых это становится чистой иерогамией, при которой ритуальное совокупление высокопоставленных персон, обычно царя и его сестры, как предполагалось, служило для того, чтобы природа сохраняла свою силу и изобилие.

Томас Райт в своей знаменитой книге «История поклонения половым органам» *(History of the Worship of the Generative Organs)* попытался на самом деле доказать, что подобное почитание секса стало отправной точкой, из которой развились все более поздние религиозные воззрения. Антрополог Эшли Монтегю (Ashley Montague), выступающий за более консервативный и осторожный подход, отмечает, что по его мнению, теория Райта, возможно, недалека от истины. Он пишет:

> [Райт] не столь убедителен, когда затем утверждает, что подобные верования и практики преобладали

> повсеместно. На самом деле подобные обряды и верования были весьма мало распространены среди индейцев Америки… Но Райт был достаточно близок к истине: подобные практики и связанный с ними сексуальный символизм если не повсеместны, то в той или иной форме очень близки к тому.

Другими словами, если не принимать во внимание американских индейцев, Райт был прав.

Я привожу здесь несколько знаменитых иллюстраций Райта (рисунки с четвёртого по седьмой). Пожалуйста, не забывайте, рассматривая их, что это *религиозные* изображения — это точка зрения, которую может быть сложно принять христианину или иудею. И заметьте, что эти идолы не из Индии, как эротические скульптуры на знаменитых храмах тантриков. Они из Европы, и они свидетельствуют о связи (или единстве) между сексом и религией в древние времена.

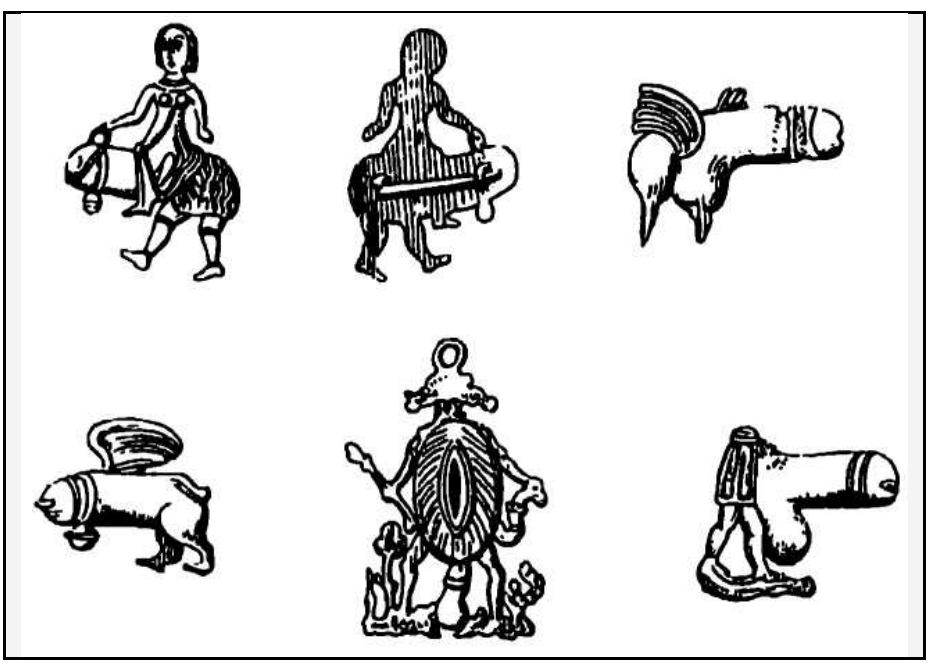

Рисунок 4. Свинцовые фаллические фигурки с берегов Сены

Согласно спорной книге филолога Джона Аллегро «Священный гриб и крест» *(The Sacred Mushroom and the Cross)*, эти связи между эросом и религией также увязаны с воздействующими на разум наркотиками — а именно с грибом

фаллического вида *amanita muscaria*, действие которого подобно действию белладонны и который до сих пор используется в магических целях сибирскими шаманами. Более того, согласно гипотезе Аллегро, ему поклонялись как божеству в Европе и Азии в позднем каменном веке.

Двадцатый век немногое прибавил к этой традиции. Чарли Мэнсон, которого газеты называли «ЛСД-безумец», смог убедить своих последователей в том, что он был одновременно Иисусом и Сатаной *лишь после того, как добавил к их кислотной диете крупные дозы этих вызывающих делирий наркотиков*, в особенности белладонны и дурмана (американского растения-родственника мандрагоры). Согласно отчёту Эда Сандерса о секте Мэнсона под названием «Семья», *(The Family)*, IQ одного из последователей упал на 40 пунктов после нескольких белладонновых трипов с Чарли, и сейчас он находится в психбольнице в Калифорнии.

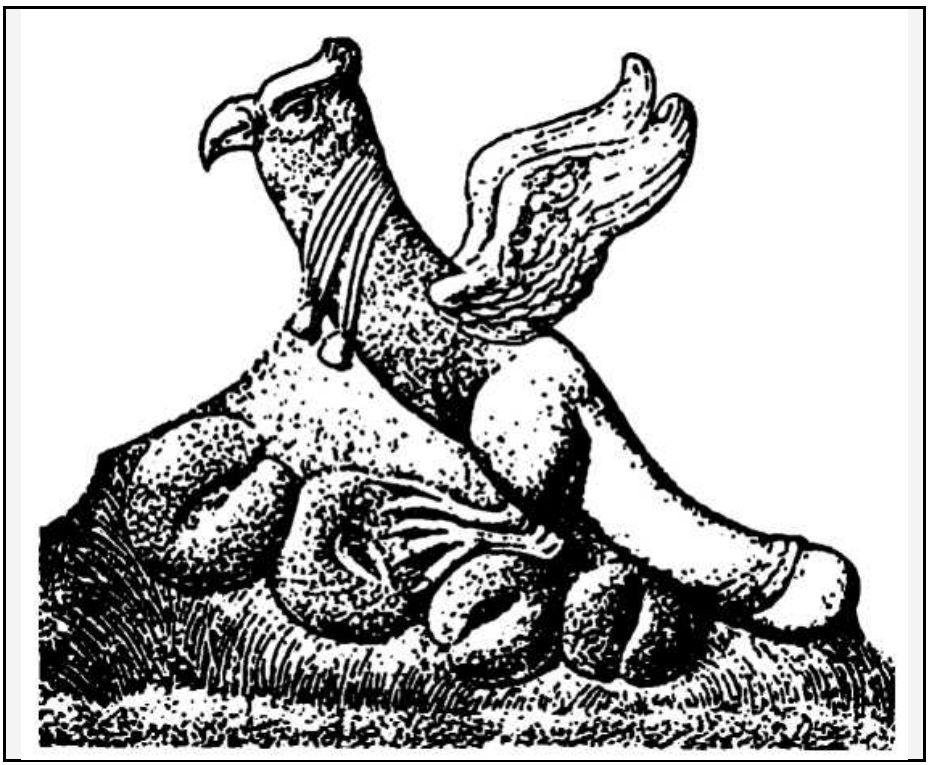

Рисунок 5. Изваяние, найденное в Ниме в 1825 году

Дурман, или *jimson weed*, обязан своему названию первому

поселению Джеймстаун в Вирджинии, искажённое название которого стало словом jimson. Отряд расквартированных там солдат обнаружил его случайно, и последствия были типичным образом настораживающими.

Цитируя книгу Роберта Беверли «История и нынешнее положение Вирджинии» *(History and Present State of Virginia)* 1705 года:

> «… действие сего… было весьма славной Комедией, ибо они обратились в совершенных Шутов на несколько Дней. Один из них дул на Перо, летящее в Воздухе, другой метал соломинки в это Перо с большим Гневом, а другой, нагой, сидел в Углу, ухмыляясь подобно Обезьяне и обращаясь к ним Мявканьем; четвёртый же нежно целовал и щупал своих Спутников, и ухмылялся им в Лицо, с Гримасами более нелепыми, чем у иного Голландского Фигляра. В сем неистовом Состоянии были они заперты, дабы не погубили себя в своём Безрассудстве: однако ж было замечено, что все их Поступки были исполнены Простодушия и Доброго Нрава. Поистине, они не были особо чистоплотны, ибо валялись бы в собственных Испражнениях, если бы от того их не удерживали. Тысячу таковых безыскусных Фортелей устраивали они, а по прошествии Одиннадцати Дней снова вернулись в чувство, без памяти о том, что с ними случилось».

Обнажёнка, сочетающаяся с поцелуями и щупанием, снова предполагает эффект снятия сексуальных запретов, присущий этой группе веществ — в *некоторых* случаях, для *некоторых* из принимавших их. (Самый свежий рассказ о приёме дурмана, который я читал, однако, предполагает определённо несексуальное действие. Это была история в газете о неких подростках из Калифорнии, у которых оказалось некоторое количество дурмана и они попробовали его из интереса. Они были задержаны полицейскими, когда бежали по улице, крича, что за ними гонятся красные, белые и синие аллигаторы).

Некоторые сообщения об этих веществах родом из Древней Греции наводят ещё большую жуть, чем средневековые рассказы о девушках, перелетающих горы на мётлах. Греческие вакханки, или почитательницы Диониса, не только, по слухам, участвовали в безумных и беспорядочных сексуальных оргиях, но также, согласно их трезвомыслящим современникам-авторам, часто впадали в ярость и разрывали на куски овец и прочих некрупных мелкопитающих — иногда некоторые источники сообщают, что

даже и человеческих детей. В трагедии Эврипида «Вакханки» царь Пенфей пытается искоренить эти ритуалы, но Дионис заманивает в ряды своих поклонниц мать Пенфея Агаву и, упоротая до отвала башки этими мощными зельями, она расчленяет Пенфея, не сознавая, что творит. Это, признает любой из читателей, куда хуже, чем что-либо из приписываемого наркотикам, популярным в наши дни.

Рисунок 6. Римские изваяния из Нима

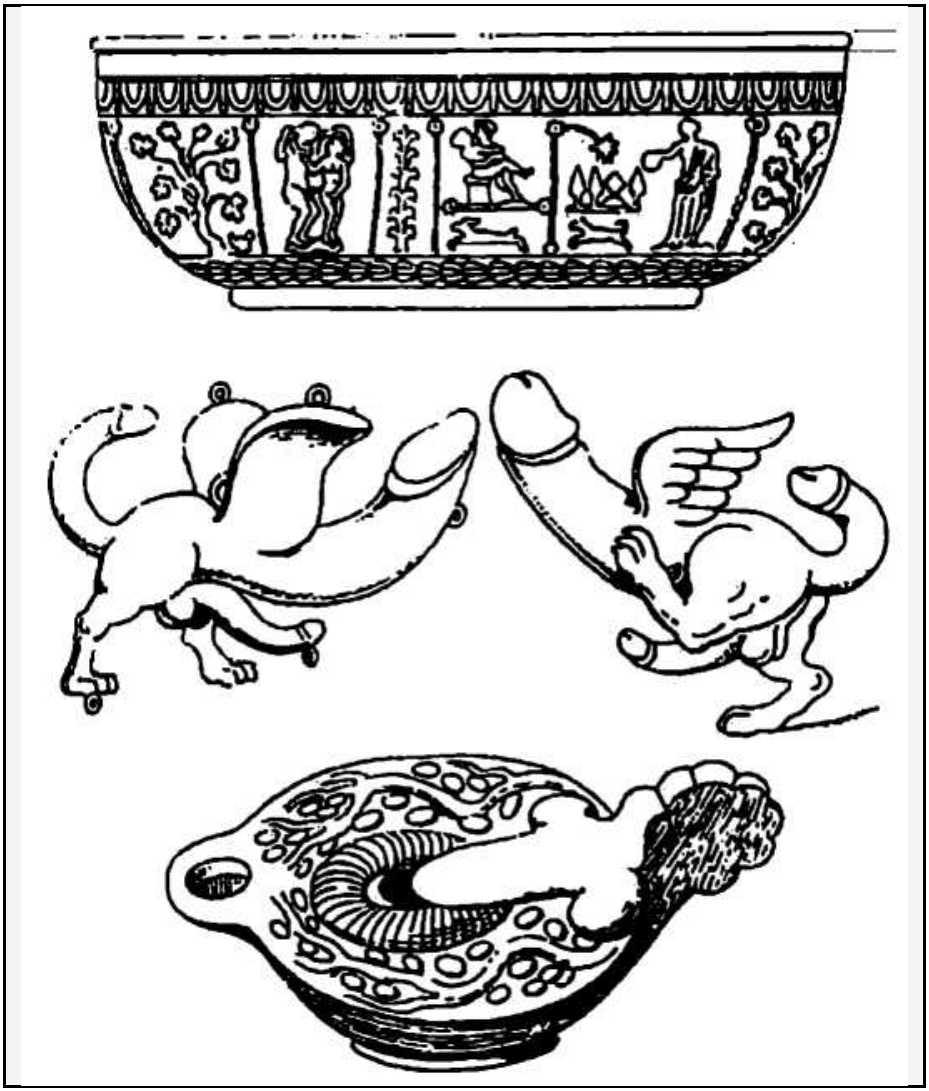

Рисунок 7. Восковые вотивные предметы из Изернии

На репутацию мандрагоры как афродизиака, между прочим, недвусмысленно намекается в одной из более запутанных историй Ветхого Завета, которая гласит следующее:

> Рувим пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии: дай мне мандрагоров сына

твоего.

Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего? Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры сына твоего.[30]

Если язык переводчиков здесь немного туманен, рассказ идёт о том, что Рахиль позволяет Иакову возобновить половые сношения с Лией на одну ночь в обмен на превосходные мандрагоры. История заканчивается так:

Иаков пришел с поля вечером, и Лия вышла ему навстречу и сказала: войди ко мне; ибо я купила тебя за мандрагоры сына моего. И лёг он с нею в ту ночь.

И услышал Бог Лию, и она зачала и родила Иакову пятого сына.[31]

Любой обладающий познаниями в сексуальной магии согласится, что плоды мандрагоры (которые, так уж вышло, выглядят как эрегированные пенисы) в этой истории используются методом симпатической магии, чтобы вызвать беременность. С другой стороны, это также похабная история в классических традициях шуток о сексе, и вы можете пересказать её и сегодня (одна молодая тёлочка уводит у другой старика, а потом одалживает его на ночь взамен на модную сейчас марихуану) и кто-то всё равно повеселится. Кроме читателей Библии, которые не опознают первоисточник и будут шокированы вашим легкомыслием и неуважением к узам брака.

Джерард, в его книге «Herbal», приводит множество преданий о мандрагоре. Одно следует особенно отметить: «Они добавили, что она никогда… не встречается в природе, кроме как под виселицей, где вещество, упавшее с тела мертвеца, придаёт ей черты человека». То есть, согласно старому поверью, каждый повешенный эякулирует в момент смерти, и из его семени, как считали наши предки, вырастала напоминающая фаллос мандрагора.

Моисей Маймонид, наиболее сведущий из средневековых еврейских теологов, признавал мандрагору полезной практически во всех видах волшебства, и даже к восемнадцатому столетию у неё ещё оставалась слава афродизиака, её упоминал де Сад.

Её самое недавнее появление влитературе — возможно, последний, увядающий вой — это сценарий «Доктора Стрейнджлава» Терри Саузерна, где одного из персонажей зовут попросту капитан Мандрейк (*mandrake* — по-английски мандрагора; у других действующих лиц настолько же говорящие

имена, например, президент США Мёркин Маффли, генерал Бак Тёрджидсон, сам доктор Стрейнджлав, «Бэт» Гуано, генерал Джек Д. Риппер и капитан «Кинг» Конг).

Паслён

В Америке сегодня самым легкодоступным из этих паслёновых наркотиков является белладонна, также называемая «deadly nightshade». (В Нью-Йорке в шестидесятых она стала настолько популярна, что болеющие астмой больше не могли купить популярное лекарство «Астмадор» без рецепта. Оно содержит белладонну, и подростки-наркоманы дико триповали на нём какое-то время).

Мой знакомый студент из колледжа рассказывал мне, как попробовал белладонну, когда жил в общежитии в Бостоне. Он сразу же попал в кому и очнулся в госпитале, куда его срочно отвезли друзья и где ему сделали промывание желудка. Белладонна, однако, покидает желудок и проникает в кровь достаточно быстро, и он всё ещё триповал, хотя и не знал об этом. Он наблюдал — отчасти смущённый, отчасти зачарованный — как медсестра сняла свой костюм, эротично высвободилась из нижнего белья и забралась на соседнюю койку, где долго, громко и страстно занималась любовью с блаженствующим пациентом, который там лежал. Только на следующий день мой друг осознал, что весь этот эпизод в стиле братьев Митчелл[32] был галлюцинацией.

И это всё, что он запомнил из своего белладоннового прихода. Возможно, у него было множество других интересных галлюцинаций, но для наркотического действия паслёновых характерно то, что они вызывают микро-амнезию, которая, по-видимому, удаляет все воспоминания в масштабе часа или нескольких часов. Также интересно, если принять во внимание эротическую репутацию этого вещества, что оставшаяся в памяти моего друга галлюцинация носила вуайеристический характер. Предположительно, если бы он был в другом умонастроении, он мог бы вообразить (смотри приключения Лизе несколько страниц назад), что медсестра или дюжина медсестёр трахали его самого, пока он бредил.

Я брал интервью ещё у двух других людей, которые впали в кому, попробовав белладонну. Они ничего не помнят, не помнят даже, как им промывали желудок.

Уильям Берроуз, написавший «Голый завтрак», рассказал мне, что в дни своей героиновой зависимости однажды неумышленно

купил немного предполагаемого морфия, который на самом деле был сильно разбавлен белладонной. Вскоре после того, как он принял дозу, он заметил, что у него закончились сигареты, и двинулся к окну, высунув туда одну ногу, после чего бывший у него в гостях друг спросил, что, чёрт возьми, он делает. «Иду на улицу за сигаретами», — ответил он, и друг ухватил его до того, как он вышел из окна третьего этажа. На следующий день, что типично для белладонны, Берроуз не помнил об этом опыте и пришлось ему рассказывать об этом.

Другой мой друг, который также попробовал белладонну во время учёбы в колледже (эти истории кое-что говорят о том, какова в Америке просветительская деятельность по вопросам, касающимся наркотиков, не правда ли?) имел более красочный опыт. После того, как он выпил чай с белладонной, к нему в комнату зашёл друг, и они долго беседовали. Затем друг снова зашёл в комнату, и наш летун осознал, что весь первый визит и разговор с другом были галлюцинацией. Как только он начал думать, был ли этот второй визит ещё одной галлюцинацией, посетитель испарился. Затем наш герой вышел на улицу, сел в машину и долго куда-то ехал (в то время машины у него не было). На следующее утро он очнулся в канаве, за несколько километров от колледжа. Его правый ботинок и правый носок отсутствовали, но остальная одежда была на нём. Он так и не нашёл свой мотоцикл — скорее всего, на нём он ехал, когда ему казалось, что он вёл машину.

Я однажды спросил доктора Тимоти Лири, встречал ли он когда-нибудь кого-то, у кого был *приятный* приход от белладонны. Он дал категорический ответ: «Нет, никогда».

Отдельная реальность

Дурман, единственный из прочих наркотиков из рода паслёновых, который легко достать в Америке, ранее упоминался в связи с безумием в Джеймстауне и подростками, за которыми гнались красные, белые и синие аллигаторы. Более подробные сведения о нём можно найти в «Учении дона Хуана» и книгах-продолжениях, написанных антропологом Карлосом Кастанедой. Дон Хуан Матус, индеец-яки, обучал Кастанеду традиционными методами, чтобы тот стал индейским *brujo* (заклинателем), и Кастанеда, возможно, первый белый человек в истории, который прошёл такое обучение. Главными инструментами в обучении были пейот, или *lophophora williamsii*, психоделический кактус, о котором в этой книге речь идёт в другом месте, неопознанный

«волшебный гриб» (возможно, *psilocybae* Mexicana), и, конечно же, дурман (d*atura inoxia*, если быть точным).

В процессе обучения Кастанеда был превращён в ворону, летал по воздуху, и воспринимал цвета (по словам дона Хуана) так, как их на самом деле видят вороны. Или, по крайней мере, казалось, что произошло именно это. Когда Кастанеда настаивал на том, что это только *казалось*, дон Хуан удивился, возмутился, и предположил, что для белого человека достаточно типично доверять идеям философии науки, а не собственным переживаниям. В итоге Кастанеда внезапно прервал обучение, потому что он начал верить в версию дона Хуана насчёт того, что происходило, вместо формально материалистической версии традиционной западной науки.

Позже он вернулся, однако, и прошёл дальнейшее обучение у дона Хуана, о чём рассказано в первой книге-продолжении, «Отдельной реальности». Пояснение к этому заглавию достаточно очаровательное:

> Я прибегаю к слову «реальность», потому что в системе воззрений дона Хуана важным условием было то, что состояния сознания, вызванные приёмом любого из этих трёх растений, были не галлюцинациями, а подлинными, хоть и необычными, разновидностями реальности повседневной жизни. Дон Хуан относился к этим состояниям необычной реальности не как к «будто бы» реальным, а прямо как к реальным.

Можно заметить некоторое противоречие между сдержанностью Кастанеды-учёного и яркостью его переживаний этой «отдельной реальности» — что называется, его собственной лазейки в Эдем. То же противоречие в преувеличенном виде очевидно в случае доктора Тимоти Лири, который однажды разрешил его, просто бросив науку и сделавшись верховным жрецом новой церкви, а потом решил, что религия всегда была вздором и вернулся в науку. Следы этого, как мы увидим, проявляются в любом человеке, принимавшем большую дозу расширяющего сознание вещества.

Отдельная красота

Тот же самый вопрос возник ещё в четвёртом веке до нашей эры, в ранее упомянутых «Вакханках» Эврипида. Как рационалист, Эврипид, кажется, на стороне царя Пенфея, когда этот трагический герой клеймит суеверность и легковерие тех, кто

думают, что видят бога Диониса, выпив этих зелий. Как поэт, однако, Эврипид наделяет всеми лучшими и наилиричнейшими строками хор вакханок, которые поют хвалы в честь этого бога, чья «прелесть будет вечно желанна».

И это прелесть — по крайней мере в большинстве трипов — стирает границу между «реальностью» и «галлюцинацией». Чарльз Дарвин сказал, достаточно верно, что чувство прекрасного — это усовершенствование полового инстинкта, то есть нечто выработавшееся как часть ритуала спаривания. Очевидно, мы не воспринимали бы красоту, если бы были бесполыми существами. (Заметьте, что раннехристианские аскеты, которые становились настолько лишёнными пола, насколько это возможно для млекопитающего существа, утратили всё чувство прекрасного по отношению к природе и злобствовали, называя землю «тёмной», «дьявольской», «гнусной» и «омерзительной»).

Для любого человека, обладающего нормальным скептицизмом или научным образованием, просто увидеть Диониса — или Мескалито, божество дона Хуана, или любое божество — будет недостаточно. Он будет знать, что галлюцинирует и не более того. Но увидеть Диониса во всей славе, увидеть красоту, которая превосходит всё, что человек считал до этого возможным, это не так просто отрицать. Откуда это чудесное ощущение — эта потайная дверь в Эдем, эта «прелесть, что будет вечно желанна» — является? Не из сознательного рассудка, который никогда не порождал подобные чудеса. (То, что делает их убедительными — это именно ошеломляющее ощущение чужеродности). Значит, из бессознательного? Не из фрейдовского бессознательного, это точно, эти небесные создания не живут в такой адской помойке. Тогда откуда? Возможно, из «коллективного бессознательного», существование которого предположил Юнг, из этой почвы, на которой вырастает неподвластная времени мудрость и искусство — или, как предполагает доктор Лири, из молекулы ДНК, закодированной в наших генах вместе с химическими механизмами запуска, делающими нас белыми или чёрными, высокими или низкими, мужчинами или женщинами и так далее.

Но, даже если принять это объяснение, чудесность и красота некоторых из этих видений не отпускает экспериментирующего с веществами. Как сказал сам Юнг: «Бессмысленно отрицать существование богов, будучи поставленным перед фактом существования сил, которые действуют так, как полагается богам».

Сказать, что эти сущности не боги, а непреходящие генетические архетипы — всего лишь семантический фокус,

замена одного высказывания на другое. В конечном счёте, то, *что* они есть — это не так поразительно, как сила, которой они обладают.

И, раз они прекрасны, авторитет Дарвина позволяет нам предположить, что они как-то связаны с нашим половым инстинктом.[33]

Интерлюдия. Развод в психоделическом стиле: история Тома и Джерри

Лживо было бы делать что-то в ущерб себе…
Нет у тебя иного права, кроме как выполнять волю свою…

— Книга Закона (пер. А. Чернова)

Том и Джерри были единственными испольщиками из среднего класса, которых я когда-либо встречал.

У Тома была докторская диссертация в области авиационного машиностроения и перспективная работа на одном из наших крупнейших оборонных предприятий, когда до него в 1959 году добрались марксизм и религия. Он подхватил обе эти штуки сразу и они странным образом смешались. Он на самом деле бросил работу, взял с собой жену, Джерри, и двоих их детей, и стал испольщиком в Алабаме. Это было своего рода искуплением за то, что он провёл несколько лет за чертежами межконтинентальных баллистических ракет для капиталистов.

Любопытно, что вдохновила Тома на разрыв отношений с добропорядочным обществом Дороти Дэй, «великая старица движения в защиту мира», как язвительно называет её Эд Сандерс (она — одна из основателей Движения католических рабочих и одна из самых строгих пуритан среди левых политиков). Я говорю, что это любопытно, потому что отрыв Тома в шестидесятых постоянно усиливался, и он оказался гораздо дальше от правил и норм американского общества, чем когда-либо оказывалась Дороти Дэй.

Джерри завербовали тем же образом, хотя, получив гуманитарное образование, она уже была куда ближе к норме, чем любой доктор наук. Том, не забывайте, начал свой бунт, находясь в парадигме, включающей следующие теории: длина объекта *не присуща* самому объекту, а зависит от движения наблюдателя (Эйнштейн), свет — это по существу волны, но кроме того, это по существу и частицы (Бор), самое короткое расстояние между двумя точками — это не прямая (Фуллер), а некоторые частицы попадают из одного места в другое, минуя места, находящиеся между этими двумя (Планк). Для

современного физика или математика нетрудно поверить в мир ЛСД.

Но ЛСД появится в этой истории позднее: в 1959 году Том и Джерри только открыли для себя христианский социализм и собирались воплотить в жизнь знаменитое заявление Дебса — «Пока есть низший класс, я к нему отношусь» — став испольщиками.

Легко переоценить «простачество» подобных людей. Любой, кто увидел бы Тома и Джерри в начале шестидесятых, в поте лица занимающихся чёрным трудом испольщиков юга Америки, делающих жалкие попытки распространять левацкие газеты среди враждебных или равнодушных к ним соседей, открыто отстранившихся от возможных экономических преимуществ своего высшего образования, посчитал бы их безнадёжными простаками в этом волчьем мире. Стоить припомнить, что Лев Толстой, который какое-то время жил жизнью крестьянина, был не так наивен и инфантилен, как полагают «трезво мыслящие реалисты»: его «Война и мир» — одно из наиболее глубоких психологических исследований человеческой мотивации из когда-либо предпринятых.

Это были годы «Ездоков свободы», но в эти годы левая молодёжь также начала увлекаться фиделизмом. Каким-то образом, медленно продвигаясь от одного этапа к другому, Том и Джерри отошли от христианского социализма Дороти Дэй и увлеклись революционным социализмом Кастро и харизматичного Че Гевары. Их «мученичество» в качестве добровольных испольщиков теперь казалось им настолько же романтическим и бесполезным, насколько оно, возможно, кажется среднестатистическому обычному американцу, пусть и по другим причинам. Они вернулись в большой город, чтобы, взаимодействуя с другими *фиделистами*, устроить революцию в Америке.

Я познакомился с ними, когда писал статью о возрождении Ку-клукс-клана, и тогда я помог им найти жильё в таком районе, где их соседями были бы такие же радикалы.

В середине шестидесятых это означало такой район, где их соседями стали бы и хиппи.

Естественно, поначалу это их раздражало. Заправский *фиделист* той эпохи уважал культ наркоты не больше, чем Эдгар Гувер, и причина была та же: это отвлекало людей от реальных мировых проблем, которые были связаны исключительно с захватом и удержанием власти. Том читал наставления об этом своим соседям:

«Вы, ребята, на самом деле играете в игру Уолл-стрит», —

говорил он с проницательным выражением лица и мягко растягивая слова, эту манеру он освоил или подхватил во время своего испольщичества.

«Они хотят, чтобы вы всё время были упороты. Меньше всего они хотят, чтобы вы протрезвели и начали заниматься настоящей тяжёлой работой — делать революцию».

«Революция — херня», — отвечал один из них, а остальные начинали безостановочно хихикать.

Том качал головой, печалясь об инфантильности этих ребят, которые были по большей части достаточно неглупы и могли бы стать усердными активистами-социалистами, если бы их не сломало проклятое зелье. Конечно, как я иногда ему напоминал, они также могли бы стать юристами с Уолл-стрит, «если бы их не сломало проклятое зелье».

Однако мысль о *йиппи* уже посетила Эбби Хоффмана; некоторые убеждённые теоретики из «студентов за демократическое общество» уже задували косяк-другой с укурками, надеясь войти к ним в доверие и постепенно наставить их на истинный путь марксизма, а курильщики анаши, которых ловили и сажали за решётку, выходили на свободу с большей готовностью прислушаться к левацкой пропаганде, особенно если та сильно крыла копов. Спорная кличка «свинья», придуманная «Чёрными пантерами», даже начала появляться в некоторых белых словарях. А потом Элдридж Кливер, который в те дни был божеством, объявил, что, хотя «Пантеры» отвергали героин, они ничего не имели против марихуаны.

Укурки и политические активисты начали свой медовый месяц, который закончился лишь тогда, когда Кливер произвёл «революционный арест» доктора Лири в Алжире в 1970 году.

А в конце шестидесятых, когда наркоманы радикализировались, многие марксисты начали пробовать разные вещества. Мои друзья Том и Джерри, ранее христианские радикалы, ныне приверженцы диалектического материализма, были частью этой чудной главы в истории социализма в Америке.

Всё действительно изменилось с тех времён, когда президентом был Джон Кеннеди. В те романтические годы Камелота студенты-леваки думали, что ещё несколько демонстраций заставят правительство исправиться и сойти с пути нечестивых, а моя знакомая Джейн неделями пыталась найти ЛСД в Манхэттене. Теперь Линдон Джонсон сердито взирал на нас словно Молох, леваки постоянно говорили о «вооружении», а кислоту было достать не сложней, чем пойти подстричься, и она была куда более распространена в среде молодёжи или организациях красного толка.

Первый кислотный трип Тома оказался пшиком. Он принял всего лишь психолитическую дозу (100 микрограммов — «Майков», как их тогда все называли) и, когда он поведал мне о своём опыте, было очевидно, что его сознание расширилось не больше, чем если бы он выкурил косяк с марихуаной.

Такие вещи меня уже не удивляли. Я был свидетелем многих подобных случаев с тех пор, как Джейн в мучениях прокладывала себе путь, минуя гашиш и пейот в отчаянном поиске *переживаний.* У меня даже было общее правило: фригидным женщинам и мужчинам-марксистам нужны были самые большие дозы, чтобы поймать кайф. Я предположил, что это было как-то связано с постоянным мышечным напряжением, подавляющим эмоции, о чём идёт речь у гештальт-психологов и психологов-райхианцев.

«Для некоторых людей кислота вредна», — предупредил я его. «В особенности для людей с твёрдыми моральными принципами вроде тебя.» «Но, — добавил я, задаваясь вопросом, почему я ему потворствую, — если хочешь *получить опыт, прими более жёсткую дозу*». (Прилагательные «психоделический» или «пиковый» к тому времени исчезли и люди просто говорили опыт, и всё).

Мысль о психоделизированном Томе меня, возможно, интриговала. Я однажды находился в его обществе, когда он пытался сводить Джерри и их пятилетнего сына в кинотеатр, куда пускали только детей от шести лет. Джои легко мог сойти за ребёнка семи лет или старше, но когда билетёр спросил, сколько мальчику лет, Том ответил: «Пять». Джои плакал всю дорогу домой: он хотел посмотреть фильм.

«У нас, революционеров, должна быть высочайшая в мире нравственность, коль скоро мы собираемся подавать пример массам», — объяснил мне Том в совершенно серьёзной манере. «Исключений быть не может».

Жаль, ведь даже его собственный сын не мог поколебать жёсткости его убеждений.

Не хотел бы я оказаться его врагом.

Второй трип Тома удался. Я зашёл в гости, когда это происходило, и, как это всегда бывает в случае с хорошей кислотной обстановкой, я увидел, что трипующие выглядели скорее красивыми, чем несуразными. Том, Джерри, временно зависавший у них в берлоге юный революционер по имени Саймон и живущая на том же этаже девица — все они смеялись, плакали и снова смеялись каждые несколько минут.

Том потряс меня, а может, и самого себя, когда внезапно закричал: «Знаешь, Рокфеллер пускай оставит себе всю ёбаную *нефть* и все *деньги!* От этого мне кажется, что даже марксизм —

пустячная вещь». Сразу же после этого на его лице появилось виноватое ощущение, а затем он снова рассмеялся.

Я никогда не забывал это мгновение. Том вернулся в лоно марксизма и революции к следующему утру (хотя тот момент ереси был предвестником последовавших изменений, как мы увидим), но этот опыт был шокирующим примером силы ЛСД в области изменения сознания. Однажды при мне два преуспевающих «среднестатистических американца» под кислотой объявляли, что деньги-то не так важны, но то был единственный раз, когда я услышал подобное заявление от марксиста.

В следующий раз, когда я встретил Тома (это было в кафе-автомате), он был полон энтузиазма, новых идей, диких планов и душевного подъёма в целом. Они с Джерри триповали достаточно часто и вдобавок к этому много курили траву.

«Я так сильно *умничал*», — сказал он, неодобрительно постукивая себя по голове. «Теперь я начинаю жить».

Я слышал это и от других любителей кислоты. Я обратил его внимание на то, что индейцы и прочие регулярно принимающие психоделики в ходе религиозных обрядов люди стараются ограничивать количество таких путешествий во внутренние пространства, делая это четыре (во время солнцестояний и равноденствий), или, самое большее, тринадцать раз в год (во время полнолуний). «Возможно, тут дело не только в астрологии», — сказал я. «Люди, которые принимают кислоту каждую неделю, частенько становятся немного чудными. Не стоит злоупотреблять этим».

«Херня», — весело сказал Том. «Лири ест кислый раз в неделю и он в полном порядке».[34]

Я слышал об этом и раньше. Некоторые из людей, от которых я об этом слышал, уже не были в полном порядке, хотя, по правде говоря, я ещё не видел людей, полностью разрушенных ЛСД, как это преподносит правительственная пропаганда. Тем не менее некоторые из них все-таки стали диковатыми после нескольких месяцев в режиме трипа каждую неделю.

Один копирайтер, работавший в области рекламы, после шести месяцев непрерывных трипов доверил мне тайну — то, что он теперь каждый день общается с космическими существами с летающих тарелок. Затем он осторожно добавил: «Но не говори это больше никому. Они могут подумать, что я свихнулся».

(Бред ли это психически больного человека? Когда я спросил его, насколько он был уверен в том, что его послания приходили из внешнего, а не внутреннего космоса, он ответил: «Блин, я уже ни в чём в уверен!» Было ли это проявление всеобъемлющего

агностицизма доказательством того, что он сохранил некоторый скепсис, и, следовательно, разум? Или это просто показывает, что у него «защитный психоз», как сказали бы некоторые психиатры? По мне, такие вопросы куда менее интересны, чем собственно воздействие подобных процессов в уме. Он, как и большинство энтузиастов кислоты, в конце концов забросил работу — и как многие из них, теперь стал успешен в новой сфере. Он снимает фильмы).

Итога кислотных путешествий Тома и Джерри оставалось ждать недолго. Что было типично для любителей кислоты и в целом для контркультурного духа «открытости» в те годы, они прямо рассказывали об этом всем своим друзьям.

«Мы никогда не пёрлись друг от друга в плане секса», — говорил Том. «Это были взаимоотношения в интеллектуальной сфере, потому что у нас были одинаковые *идеи*, сечёшь? Одинаковые *идеи* — Господи, какой дурацкий вид взаимоотношений!»

«Я была девственницей, когда мы поженились», — добавляла Джерри с лёгким гневом. «О боже! Как старомодно!»

«Но теперь мы знаем, *кто мы такие*, — вклинивался в разговор Том, — и мы знаем, *чего мы хотим*. И мы плевать хотели на *право собственности*, всю эту херню. Я не принадлежу ей, и она не принадлежит мне».

На их полках начали всплывать анархистские книги посреди классиков марксизма; в их речи в обрамлении образчиков марксистского жаргона начали появляться анархистские фразочки.

«Важно то, — далее поясняла Джерри, — что ты *не можешь сделать ничего хорошего, пока не почувствуешь себя хорошо*».

«Сталин пустил по пизде социализм в России, потому что он не понимал этого», — мог тут добавить Том. «И всё зажавшее анус старое левачьё пускает по пизде движение в этой стране из-за того же. Не может быть революции в политике без сексуальной революции». Естественно, они шарили в том, что писали Райх и Эбби Хоффман и в том, что писали анархисты. Кислота обладает странным свойством (как иногда кажется) обращать людей к тем идеологиям, которые сочетаются с самим кислотным опытом.

Это свелось к тому, если не обращать внимания на риторику, что их *ответственность* по отношению друг к другу и их детям удерживала их вместе. В плане секса они жили как два холостяка (или холостяк и холостячка). Мне казалось, что они, как женатая пара людей, которым только перевалило за тридцать, делали то, что менее самоотверженные люди делают, дорываясь до женитьбы лет в двадцать. Короче говоря, теперь они отчаянно

навёрстывали то, от наслаждения чем в юности их удерживала альтруистическая христианская этика и социализм.

Мой хороший друг, доктор Джоэл Форт — одновременно и психиатр, и социолог, что встречается редко — постоянно говорит мне, когда я рассказываю ему подобные истории, что нет научных доказательств влияния ЛСД как причины, вызывающей следствия в ходе таких превращений. «Нет никаких доказательств, — повторяет он, — что только лишь наркотик вызывает такие перемены. Все имеющиеся сведения позволяют предположить, что скорее *воззрения*, распространённые в среде употребляющих наркотики людей, служат в таких превращениях причинным фактором».

Я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с этим. Другая точка зрения, однако, у доктора Эндрю Малкольма, канадского психиатра, который утверждает, что ЛСД — вещество, которое именно что подталкивает людей к «отчуждению». Согласно доктору Малкольму, если предоставить кому-либо достаточно кислоты, он будет склоняться к тому, чтобы войти в «изменённое состояние сознания» и считать контркультуру более привлекательной, чем культуру большинства. Доктор Тимоти Лири, что широко известно, согласен с доктором Малкольмом, вот только он неколебим в уверенности, что это — перемена к лучшему, а доктор Малкольм склоняется к тому, что это — перемена к худшему. (Он называет ЛСД «иллюзионогеном», видимо, полагая, что «галлюциноген» звучит недостаточно уничижительно).

Рабочая гипотеза чехословацких психиатров, которые использовали в лечении ЛСД несколько лет, заключается в том, что это вещество стирает (по крайней мере временно) приобретённые рефлексы. То есть если вы были натасканы на то, чтобы ненавидеть мексиканцев, или подавлять половое влечение, или чувствовать себя неполноценным перед более высоким мужчиной, эти рефлексы, по меньшей мере временно, исчезнут во время сеанса с принятием большой дозы ЛСД. Таким образом, если вы хотите изменить один из таких рефлексов, вещество — согласно этой теории — как минимум даст вам сделать первый рывок в этом направлении.

Читатель может сам решить, какая из этих теорий лучше всего объясняет последовавшие за кислотой события в жизни Тома и Джерри (если они вообще способны это объяснить).

Встав на путь Сексуальной Революции, эти серьёзно настроенные сластолюбцы продвигались по нему с неколебимой самоотверженностью самого де Сада, хоть и без его извращённых вкусов.

Однажды, примерно год спустя с того момента, как это всё началось, Том рассказывал мне, как сильно улучшилась его жизнь с той поры, как он открыл для себя кислоту и свободную любовь.

«Сколько женщин ты трахнул за прошедший год?» — с любопытством спросил я.

«Семьдесят три», — немедленно сказал он. Меня не удивило, что он держал точное количество на переднем плане своего сознания. Я был уверен, что он устроит специальный праздник, когда цифра дойдёт до ста.

«А сколько их было в твоей жизни до кислоты?»

«Две», — сказал он, несколько смутившись. «Джерри и ещё одна до неё».

«Ну», — задумчиво сказал я, — «несомненно, в твоём случае ЛСД было своего рода афродизиаком».

«И для моей сестры тоже», — сказал он. «Она была девственницей, когда я трахнул её. Девственница в двадцать четыре года! Она могла стать фригидной, если бы не ЛСД».

«О, ты трахнул сестру?»

«Да, — гордо сказал он, — и она была лучшей из всех, с кем я когда-либо спал». Он уставился прямо мне в глаза, проверяя, не выдам ли я свойственные среднему классу заскоки, показав, что я шокирован. «Это ей здорово помогло», — добавил он. «Она могла стать республиканкой, как все остальные мои родственники».

Я был совсем не уверен в том, что ЛСД и инцест всегда уберегут людей от того, чтобы стать республиканцами, но не стал выражать своё сомнение вслух. Как и большинство радикалов в шестидесятых, Том твёрдо придерживался догмата о том, что все, представляющие Правительство или традиционную культуру, от Эдгара Гувера до всех тех, кто осмеливался жить в городских предместьях, были безнадёжно увязшими в трясине мещанских табу. Он никогда бы не поверил, что многие из них были такими только на словах, а в спальне вели себя точно так же, как и он, только ЛСД им заменял бурбон.

Примерно через два года таких процедур (в которых Джерри принимала участие так же охотно, как и он) Том задумчиво сообщил мне, что сексуальная свобода действительно поддержала его брак.

«Мы ближе, чем были когда-либо», — попросту заявил он.

Я уже слышал такие заявления — и обычно, по моим наблюдениям, брак распадался вскоре после них.

«Ближе в каком смысле?» — спросил я.

«О, ты собираешься вывести меня в одной из своих книг», — сказал он своим испольщическим говорком. Друзья писателей всегда это подозревают — и, как правило, оказываются правы.

«Возможно», — сказал я. «Но мне *действительно* интересно. Почему ты чувствуешь, что вы с Джерри стали ближе?»

«Мы больше не ссоримся, вообще», — гордо сказал он. «Никогда. Мы полностью понимаем нужды друг друга, и спорить нам не о чем».

«Вы более совместимы в плане секса?» — предположил я.

«Ну, не совсем. На самом деле к данному моменту мы с ней не спали вместе пять или шесть месяцев. «Но, — подчеркнул он, — мы хорошо относимся друг к другу, не ссоримся, и детям хорошо живётся дома».

Развод в психоделическом стиле, подумал я. Но со стороны они выглядели довольными этим, так что мог ли я их осудить? Это было правда не моё дело. Возможно, это было лучше, чем обычный развод с присущими ему злобой, враждой и непрекращающейся борьбой.

Прошли годы, на некоторое время я уезжал с семьёй в Мексику, а потом как-то раз оказался в редакции известного мужского журнала и на столе у приятеля, который там работал, увидел набросок статьи, которую предложил Том (вряд ли я когда-либо мог это представить). Он был последним человеком, от которого я ожидал превращения в автора текстов. Я спросил, можно ли мне взглянуть, и издатель придвинул статью ко мне.

Статья призывала к сексуальной революции, но не совсем обычной.

Давнишнее научное образование Тома, так долго подавляемое его политической деятельностью, вернулось в любопытной форме, и он доказывал, что при нормальной половой функции за жизнь каждый мужчина может вступить в связь с (насколько я помню) пятью тысячами женщин, а каждая женщина — с пятьюдесятью тысячами мужчин, а количество «любовных связей» между любыми двумя людьми, входящими в три с половиной миллиарда населения нашей Земли, к 2000 году может быть доведено примерно до четырёх. Другими словами, совершенно точно, что если бы все последовали его плану, в 2000 году любой мужчина или любая женщина, что живут, скажем, в Пеории в штате Иллинойс, стали бы звеном основанной на сексе цепочки, которая также включала бы в себя кого-то, скажем, из Кантона в Китае или французского Парижа. «Расширенная семья», сегодня встречающаяся в некоторых коммунах, к тому времени практически распространилась бы на всю планету. Чтобы доказать это с точки зрения математики, приводились демографические и сексологические таблицы, но за всем этим стояло грандиозное и непроверенное предположение, что люди не будут убивать других людей, которые потрахались с кем-то, кто потрахался с кем-то,

кто потрахался с кем-то, с кем они потрахались.

Этот выдающийся образец религиозно-статистической сексологии пришёл от «Церкви Единой Плоти», согласно адресу, находившейся на берегу Кони-Айленда. Очевидно, церковь была переделана из лавки зеленщика или магазина скобяных изделий. Мне стало интересно, сколько последователей у преподобного Тома, и как много времени пройдёт, прежде чем на него насядут копы.

Во всей статье не было ни слова про капитализм, или социализм, или анархизм, или даже «йиппизм». *Много хорошего секса решит все проблемы человечества* — предположение, которое в современной радикальной социологии достаточно часто наполовину высказывается и наполовину принимается на веру — это принималось тут с присущей математику буквальностью и доводилось до логического завершения. Все прочие панацеи или реформы старательно игнорировались. То была Сексуальная Революция в своей высшей форме.

ЛСД было, я думаю, интеллектуальным афродизиаком в данном случае.[35]

3.
Дым ассасинов

Верховный Как Падубающе Убюр-
король Лири его пылкая трава-
сочетающаясяголова вся в цвете
травно-зелёном могучего щавеля…

— Джеймс Джойс,
«Поминки по Финнегану»

Когда Марко Поло вернулся в Европу после своего грандиозного путешествия в Китай через всю Азию, он привёз с собой три товара, которые, похоже, стали определяющими для современного мира: порох, бумагу и макароны. Он также привёз множество красочных историй, и одна из самых причудливых была о Хасане-и Саббахе, основателе ордена ассасинов (по-арабски это слово значило «одурманенный гашишем»), которым он управлял из своей загадочной крепости Аламут, построенной высоко в горах Афганистана.

Согласно всем рассказам о нём, Хасан, родившийся в середине одиннадцатого столетия, был неординарным человеком даже в юные годы. Во время учёбы он поразил всех своим разумом, и завёл дружбу с Омаром Хайямом, который позднее прославился как выдающийся астроном и поэт. Хасан поступил на государственную службу и достиг значительного положения — но затем был опозорен и вынужден был бежать, по всей видимости, из-за весомых доказательств того, что он присваивал себе деньги из казны. (В одном из рассказов, неблагожелательном по отношению к Хасану, прямо заявляется, что Хасана подставили другие государственные чиновники, завидовавшие его стремительному возвышению). После этого он отправился путешествовать, и в своих путешествиях он странствовал по всему Ближнему Востоку. В конце концов он отплыл из Палестины в Египет, прибыв в Каир в 1078 году. Затем он поступил в одно из наиболее знаменитых исламских учебных заведений. Это была школа умственного и духовного развития, управляемая сектой исмаилитов, которые в целом считались еретиками и подвергались гонениям со стороны более ортодоксальных мусульман. Знания, которые получил там Хасан-и-Саббах, возможно, сыграли важную роль в его последующей причудливой карьере, так как он, по-видимому, стал — за 900 лет до доктора

Тимоти Лири — *умело программировать наркотические трипы других людей, а в особенности эротические трипы.*

В то время в секте исмаилитов было девять степеней, по которым продвигался претендующий на тайное знание. Подробного описания всех этих степеней у нас нет, но согласно известным нам фактам, на одном этапе проходившего обучение погружали в состояние абсолютной доверчивости, когда он должен был верить всему, что ему говорит его *имам* (учитель), а на одном из последующих этапов его подводили к мыслям о том, что всё, что сказал *имам*, было открытой ложью. Также был этап, на котором объясняли, что Коран — это иносказание, а сам Всевышний Аллах описывался всего лишь как символ пробуждённого или просветлённого человеческого разума на вершине его развития.

Этот метод обучения, при котором ученик с определённой периодичностью вгоняется в состояние полного подчинения и младенческой зависимости от учителя, но в итоге катапультируется в состояние полного самоосознания и независимости, довольно похож на методы, часто используемые в йоге, в дзэн-буддизме, и даже у индейских брухо вроде упомянутого ранее дона Хуана Матуса. В основе этого лежит мысль о том, что (как однажды сказал Эзра Паунд) «раб — это человек, ждущий, когда его освободит кто-то другой». Испытуемый должен в конце концов провозгласить собственную «декларацию независимости»; до того, как он сделает это, учитель делает его рабство настолько нестерпимым, насколько возможно, чтобы поощрить его к этому акту созидательного мятежа.

Хасан-и Саббах упразднил всю эту систему, когда стал имамом движения исмаилитов. Вместо этого он… но пусть об этом расскажет Марко Поло:

> В центре владений ассасинов — обнесённые стенами восхитительные сады, в которых можно найти всё, что утолит желания тела и причуды самого взыскательного сладострастия. Величественные берега, покрытые прекрасными цветами и усыпанными плодами кустами, обрамляют хрустальные потоки быстрой воды. Подле раскинулись зеленеющие поля, а из потемневшего дёрна бьют бурные ключи. Розы и благоуханные лозы увивают беседки из нефрита или фарфора, устланные персидскими коврами или украшенные греческими расшитыми тканями.
>
> Изысканные напитки в сосудах из золота или хрусталя подают юные мальчики или девочки, чьи

тёмные бездонные глаза делают их похожими на Гурий, небесных созданий Парадиза, который обещал верующим Пророк. Звуки арф переплетаются с воркованием голубей, журчание приглушённых голосов сливается с вздыхающим напевом свирелей. Всё здесь радость, наслаждение, чувственность и очарование.

Всякий раз, когда Верховный Владыка ассасинов узнаёт о юноше, достаточно решительном, чтобы примкнуть к его смертоносному воинству, он приглашает юношу разделить с ним трапезу и опьяняет того растением гашиш. Тайно переправленный в сады наслаждений, юноша воображает, что попал в Магометанский рай. Девицы, прекрасные, словно Гурии, прибавляют убедительности этой иллюзии. После того, как он насытится всеми утехам, обещанными Пророком своим избранникам, он снова погружается в цепенящий сон и его переносят обратно пред очи Верховного Владыки. Тут ему сообщают, что он сможет вечно наслаждаться только что испытанной благодатью, если примет участие в войне с Неверными, как то приказывает пророк.

Пиковое переживание

Если учесть то, что гашиш в большинстве случаев не действует так, как предполагает это данный рассказ — в котором, очевидно, после приёма вещества и до переноса в подобный эдемскому сад возникает сон или потеря сознания, затем описывается обычное действие гашиша, которое снова сменяется сном перед тем, как юношу возвращают к *имаму* — можно предположить, что Марко Поло была известна лишь часть тайны Хасана. Как писал доктор Майкл Олдрич (Michael Aldrich), школа исмаилитов в Каире славилась тем, что проводила самые передовые для того времени исследования в области алхимии, и есть весомая причина предполагать, что Хасан научился там тому, как сочетать гашиш с другими веществами, чтобы вызвать эту необычную последовательность состояний. Точнее говоря, доктор Олдрич предполагает, что кандидатам в ассасины давали *капсулу ступенчатого действия*, из которой сначала выделялось снотворное, вызывающее первоначальный период сна; за ним следовал гашиш, и, гораздо позднее, ещё одно снотворное вызывало второй период сна.

Также возможно, что Хасан рассчитал всю процедуру,

включая прочитанные кандидату наставления, а возможно, и каждое слово и действие прекрасных гурий в саду, таким образом, чтобы кандидат вознёсся до «пикового переживания», как указано на рисунке 2 первой главы.

Многие писатели игнорировали эти доводы и трактовали всю эту историю как пример легковерности тогдашних арабов. Это вряд ли соответствует исторической действительности; мусульманам, тогда значительно опережавшим Запад в области науки и философии, гашиш был известен за столетия до Хасана (возможно, со времён каменного века), и они бы никак не спутали обычный приём этого наркотика и подлинный трансцендентальный опыт. Хасан, как мы должны предположить, предугадал открытия современной психофармакологии, осознав, что для того, чтобы вызвать по-настоящему «пиковое» или «психоделическое» переживание, необходимо контролировать *установку* и *обстановку* — то есть окружающую индивида среду и его умственный настрой.

Знанием такого рода традиционно обладали различные европейские оккультные общества, как мы увидим, и в их понимании оно восходит к рыцарям-храмовникам (тамплиерам), ордену, который католическая церковь попыталась уничтожить, обвинив в ереси, в 1307 году (крестоносцы столкнулись с сирийскими ассасинами ещё в 12 веке). Поскольку современные источники обвиняют тамплиеров в том, что они были тайными союзниками ассасинов — именно из-за этого слуха провели расследование, в ходе которого обнаружились странные разновидности сексуальных обрядов и языческое учение тамплиеров — я полагаю, что куда оправданнее было бы считать, что основная причина этого в Хасане-и Саббахе, который точно имел дело с гашишем и алхимией до того, как на сцену вышли тамплиеры.

В этой связи стоит отметить, что большая часть европейской алхимической литературы теперь представляется зашифрованным методом программирования с помощью секса и наркотиков. Карл Густав Юнг, давний соперник Фрейда, был первым, кто предположил, что тексты по алхимии, бессмысленные с точки зрения современной химии, приобретают смысл, если рассматривать их как психологические руководства, написанные с применением специальной символики; но Юнг так и не добрался до корней этого символического языка.

Этот шифр особенно заметен в «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца» (1615), которая являет наглядную связь между традиционной алхимией и современным розенкрейцерством. Таинственные роза и крест, от которых

получили название розенкрейцеры, на самом деле соответственно вагина и пенис, ни больше не меньше — как, возможно, предполагал Генри Миллер, когда озаглавил посвящённую своей половой жизни автобиографию «Розой распятия» *(The Rosy Crucifixion)*. Туманные высказывания вроде «лишь на Кресте Роза может зацвести» становятся понятными, когда становится понятным этот шифр.

(Для любопытствующих приложу остальные традиционные символы, как их приводит Луис Каллинг в своём «Руководстве по сексуальной магии» *(Manual of Sex Magick)*: *перегонная колба* — влагалище, *реторта* — оно же во время соития, *орёл* — в зависимости от контекста влагалище или женский рот, *лев* — пенис, *трансмутация* — «пиковое переживание» во время секса, *эликсир жизни* — семя, *квинтэссенция* — семя, трансмутированное ритуалом и экстазом). С таким шифром большинство традиционных алхимических трактатов приобретает смысл. Вот, к примеру, отрывок из «Колесницы антимония» Валентина, 1642 года, о том, как довести до конца «Великое Делание»:

> Да приготовят себя Лев и Орёл должным образом как Принц и Принцесса Алхимии — на что они могут быть сподвигнуты. Да не будет союз Красного Льва и Белого Орла охвачен ни холодом, ни жаром… Затем приходит час, когда эликсир помещают в перегонную колбу, дабы подвергнуть действию мягкого тепла… Если Великое Делание — транссубстанция, пусть Красный Лев причастится плоти и крови Божьей, и да напитает Красный Лев должным образом Белого Орла — воистину, пусть Мать-Орлица окормит и защитит жизнь внутри.

Если последняя часть отрывка всё ещё кажется непонятной — это значит, что мужчина должен добыть часть своего собственного семени, сделав кунилингус после того, как завершится соитие. Часть он глотает сам, а часть передаёт женщине, которая проглатывает её с поцелуем. Этот любопытный обряд, восходящий к гностикам примерно четвёртого столетия нашей эры, всегда глубоко уважали европейские оккультисты. Современные психологи могут предположить, что это особенно живописный способ передать чувство любви, которое принудительно преодолевает отвращение и неприязнь к сексу правоверных христиан.

Оккультисты, однако, настаивают на том, что в этом поедании семени нет ничего «символического». Они заявляют,

что эликсир, как они это до сих пор называют, содержит настоящую духовную субстанцию, поглощение которой полезно. Алистер Кроули даже приводил аргументы в пользу этого, ссылаясь на другой обычай, который возмутит некоторых читателей, эпикурейскую привычку есть устриц живьём. Любой попробовавший это, настаивает Кроули, согласится, что чувствуешь прилив сил и энергии, который никогда не испытываешь, когда ешь приготовленное мясо. Он заявляет, что это потому, что «жизненная сила» всё ещё содержится в устрицах. Точно так же семя содержит эту «жизненную силу» и придаёт дополнительную энергию, нужную для того, чтобы достичь Просветления.

Правда это или нет, спермофагия (как мы можем это назвать) усиливает первичный эффект, который в действительности находится в зависимости от процесса продления полового акта и более совершенной концентрации внимания на нём, чем обычно. Как мы увидим далее, особенно вероятна такая концентрация в результате приёма веществ на основе каннабиса — и в её ходе можно даже всецело отождествить себя с половыми органами и полностью утратить все прочие ощущения.

И даже это не обязательно должно вызвать «пиковое переживание», если это не сопряжено с ритуалами, самогипнозом, самовнушением или каким-либо сочетанием этих трёх факторов.

Этика ассасинов

Хасан-и Саббах был оригинальным мыслителем во многих смыслах. К примеру, он, очевидно, также изобрёл «агентов внедрения», столь важных для современного шпионажа. Это человек, который попадает в состав какого-либо правительства, работает незаметно и избегает любых связей с зарубежной державой, которой он на самом деле служит. Спустя десять или даже двадцать лет такого примерного поведения, в течение которых он медленно получает чины и заслуживает всё большее и большее доверие своего предполагаемого начальства, этого агента «активируют» с помощью послания с родины, и он начинает работать на своего настоящего начальника.

Сигналом, использовавшимся для «активации» агента Хасана, к слову сказать, был пергамент с таким символом:

Получив его, агент немедленно убивал человека, бывшего его целью на протяжении всех этих лет — того шаха, принца или генерала, в чью свиту он получил задание проникнуть. Оружие всегда было одним и тем же — знаменитым кинжалом с волнистым лезвием, который показывал, что убийство было работой исмаилитов (на современном языке мафиози это «дать понять другим парням, от кого это»). Кинжалом ровно пронзали горло, когда цель спала. Обычно агент исчезал, словно дым, до того, как тело обнаруживали.

Такое поведение по нашим меркам может показаться неэтичным, но оно воспринималось куда хуже по меркам времени самого Хасана. В те дни и правоверные христиане, и правоверные мусульмане считали, что самым неискупимым грехом было на словах отречься от своей веры; именно по этой причине они даже под пытками не переходили в другую веру. Таким образом, убийства, совершённые агентами Хасана, шокировали куда меньше, чем их обычай выдавать себя за приверженцев той веры, которая была в ходу при дворе, куда их посылали с заданием внедриться. Со времён Макиавелли мы все выучились жить с такой двуличностью — особенно присущей государственным структурам и их агентам — но это определённо выходило за все возможные рамки для людей позднего Средневековья. Это значило, что доверять нельзя буквально никому и что любая параноидальная мысль, пронёсшаяся у вас в голове, могла на самом деле быть небеспочвенной.

Хасан превратил своих современников в модернистов или даже постмодернистов, и это им совсем не понравилось.

Что любопытно, в некоторых преданиях о Хасане просматривается даже некоторое его благородство, или, по меньшей мере, сдержанность. Один генерал, к примеру, получив приказ отправиться с войсками в Афганистан и захватить Хасана в его горной крепости Аламут, тотчас же окружил себя шестью стражами, которые заслужили его полное доверие за годы службы и позволял лишь им ночевать у себя в шатре. На первое же утро он проснулся с двумя кинжалами в форме языков пламени, проткнувшими его подушку, по обеим сторонам от его горла. Он мудро отказался от своих обязанностей и отказался вести войска в Афганистан.

Романист Уильям Берроуз, откровенный почитатель хитреца Саббаха, настаивает на том, что Хасан наносил исключительно контрудары, нападая на тех, кто готовился к вторжению на его территорию — в основном это были правоверные мусульмане, которых задевала теологическая система исмаилитов, и крестоносцы-христиане, которым не давала покоя любая нехристианская теологическая система. Более того, говорит Берроуз, убийства, расшатывая и разрушая общественное спокойствие, в чём-то несли этическое оправдание. Они избавляли Хасана от надобности когда-либо посылать сражаться армию, и таким образом следовали заповеди, которую часто выдвигают пацифисты: что на войне справедливо атаковать вражеских вождей, а не целые народы.

В любом случае методы Хасана работали. Секта исмаилитов существует до сих пор — всё ещё небольшая, но теперь не прибегающая к насилию — в рядах мусульманских сект. Её нынешний глава, ага-хан — сорок седьмой в ряду прямых потомков самого Хасана-и Саббаха.

Хасан умер в 1124 году в глубокой старости. Единственным человеком в комнате был его любимый ученик, Бузург Умид, и согласно их современнику, мусульманскому историку Джувейни, это ему Саббах сказал свои последние слова: «Ничто не истинно. Всё дозволено». Сразу же после этого, как пишет потрясённый Джувейни «душа Хасана унеслась прямо в Ад».

Наркотик гашиш

Гашиш — это, конечно же, смола индийской разновидности конопли, наукой классифицируемой как *cannabis sativa*. Плодоносные верхушки этого растения, высушенные для курения, известны в наших краях как марихуана или анаша (*pot*, от португальского *potiguaya*, «опьянённый», из-за старинного названия растения, *«куста потигуайя»*).[36]

Гашиш, однако, не то же самое, что анаша — как водка не то же самое, что и пиво, а удар камнем по голове не равен удару перышком. Есть количественные различия, и гашиш по сравнению с обычной травкой — как три двойных мартини по сравнению с небольшим стаканом пива.

Гашиш обычно курят, но иногда (как это очевидно было в случае с Хасаном-и Саббахом) едят. Марихуану также обычно курят и куда реже едят (она особенно хороша на вкус в брауни или тянучках, в блюдах с карри или в соусе для спагетти). Третий способ приёма каннабиса популярен в Индии, это называется

бханг. Это своего рода молочный коктейль (из молока буйволиц и мороженого), в который замешано небольшое количество местной травки. Во всех этих случаях производные каннабиса нужно приготовить перед тем, как есть или пить; если сначала их не приготовить, никакого эффекта не будет.

Традиционно все книги, посвящённые каннабису, начинаются со слов, что этот наркотик впервые был описан в медицинском трактате, написанном китайским императором Шэнь-нуном в 2737 году до нашей эры. В нём он рекомендовал это снадобье от подагры, запора и рассеянности. Некоторые учёные, специализирующиеся на истории Китая, долгое время считали, что Шэнь-нун был одним из мифических, или неисторических императоров. Тем не менее, единственной книгой о наркотиках из тех, к которым я обращался в ходе своего исследования, в которой не упоминался «воображаемый» Шэнь-нун, была «В погоне за опьянением» *(The Pursuit of Intoxication)* доктора Эндрю Малкольма.

Как мы упоминали ранее, каннабис был известен по меньшей мере со времён неолита, когда наши предки, жившие на Ближнем Востоке, хоронили умерших с одиночными растениями марихуаны — возможно, для того чтобы те оставались довольны в процессе путешествия на «ту сторону», или, возможно, чтобы договориться с её обитателями, когда они появятся. Здесь можно увидеть то же религиозное преклонение перед этим растением, которое, согласно американским чиновникам, придумали лишь в шестидесятых, чтобы оправдывать его курение.

Манускрипты Вед, древнейших писаний индуизма, изобилуют восхвалениями в адрес растения или вещества, называемого сома, о котором говорится, что оно лечит от ряда болезней и позволяет опытному йогу встретиться с Божеством лицом к лицу. Доктор Майкл Олдрич, наиболее эрудированный из всех исследователей истории каннабиса, считает, что сома была неким веществом на основе каннабиса. Здесь стоит добавить, что Джон Аллегро, английский филолог, в такой же степени убеждён, что сома на самом деле была галлюциногенным грибом amanita muscaria, мухомором, и Роберт Гордон Уоссон, вице-президент нью-йоркского банка «J. P. Morgan & Co», также будучи одним из главных мировых авторитетов в области микологии (изучения грибов), соглашается с Аллегро.

Но вне зависимости от того, была ли сома каннабисом или нет, возможно, им были многие другие наркотики из мифов. Алистер Кроули, эксцентричный поэт-мистик-маг-альпинист-путешественник-мистификатор-охотник-на-крупных-животных-гомосексуал-гетеросексуал, которого мы уже несколько раз

процитировали, возможно, знал о наркотиках и мистицизме не меньше, чем любой из наших современников, и причину его интереса к этим вещам (как он рассказываете ней в своём эссе «Психология гашиша»), стоит здесь привести.

> В 1898–1899 я как раз покинул Кембридж и жил в квартире на Ченсери-лейн, где меня почтил своим присутствием в качестве гостя Аллан Беннетт (ныне Бхикху Ананда Метейя).
>
> Вместе с ним на протяжении многих месяцев мы изучали и практиковали Церемониальную Магию и рылись в древних книгах и манускриптах авторитетных мудрецов в поисках ключа к великим тайнам жизни и смерти. Мы не обходили вниманием даже и художественную литературу, и именно из неё мы извлекли один крохотный факт, семя, которое (за все эти годы) проросло, став данным эссе.
>
> В книгах различных эпох мы наталкивались на одну и ту же историю. По избавлению её от присущих месту и времени свойств она обычно сводилась к следующему — писатель рассказывал о юноше, искателе Сокровенного Знания, который в тех или иных обстоятельствах встречает сведущего человека; который, пройдя различные испытания, получает от упомянутого сведущего человека, на горе или на счастье, некое таинственное снадобье или зелье, в результате чего (по меньшей мере) открываются врата в Мир Иной. Это зелье отождествляли с «эликсиром жизни» работавших с телесным Алхимиков или с одной из их «Тинктур», вероятнее всего с «Белой Тинктурой», которая превращает простой металл (обычное восприятие жизни) в серебро (поэтический замысел), и мы искали его, предпринимая бесплодные попытки травиться всеми описанными (и не описанными) в книгах веществами.
>
> Как в случае с молитвой Гекльберри Финна, ничего не вышло.

В конце концов, однако, Кроули добрался до Ближнего Востока, открыл для себя гашиш, и «кое-что из этого вышло». Он стал считать, что гашиш являлся самым простым путём достичь тех расширенных состояний сознания, в поиске которых находятся все мистики (и, как мы увидим далее, он пришёл к заключению, что в особенности гашиш подходит для сексуальных йогических практик). Его возражения учёным скептикам, несмотря на то, что написаны в 1907 году, звучат точь-в-точь как

часть дискуссий, ведущихся и по сей день:

Любезный Профессор, как можете вы ожидать, что я поверю в эту чушь насчёт бактерий? Подойдите, молвит он, к микроскопу — и узрите их!

Я ничего не вижу.

Просто произведите тонкую настройку: крутите вот тот винт — туда и сюда, потихоньку!

Я не вижу…

Не закрывайте левый глаз; вы увидите яснее,

Ах! — Но откуда мне знать?

О, есть тысячи вопросов!

Достоверно ли наблюдение при помощи линз, которые заведомо преломляют свет и искажают видение?

Откуда мне знать, что эти пятнышки — не пыль?

Не могут ли эти предметы находиться в воздухе?

И так далее.

Профессор способен убедить меня, конечно, и чем более скептически я настроен, тем полнее будет моя убеждённость в итоге; но сперва я должен буду научиться пользоваться микроскопом. И когда я научился этому — это вопрос нескольких месяцев, а может и лет — как мне убедить следующего скептика?

Только таким же образом, обучив его пользованию этим инструментом.

А положим, что он возразит: «Вы сознательно натренировали себя видеть иллюзии,» Каким ответом я располагаю? Никаким. За исключением того, что микроскопия произвела революцию в хирургии и прочем, так же как мистицизм снова и снова производил революции в человеческих философиях.

Аналогия совершенна. С помощью медитации мы получаем видения нового мира, и в то же самое время о существовании мира микроорганизмов не подозревали на протяжении столетий научной мысли — мысли без метода — кирпичей без соломы!

Точно так же совершили ошибку и мастера медитации. Они сумели воспринять Мистическое Видение, написали о нём пространные книги, предположили, что выводы, сделанные на основе их видения соответствовали истине на других уровнях — это как если бы микроскопист баллотировался в парламент с программой «Голоса в поддержку микробов» — и так и не заметили возможные причины

заблуждений, противоречащие здравому смыслу и науке, были забыты и подвергнуты заслуженному презрению.

Я хочу совместить методы, поверить старинный эмпирический мистицизм, пользуясь точностью современной науки.

Гашиш по меньшей мере предоставляет доказательство существования сознания нового порядка, и (как мне кажется), именно этот случай *prima facie*[37] мистики должны были выделить и так и не выделили.

Но ныне я заявляю, что гашишный феномен — феномен первейшей важности; и я требую его исследования.

Я утверждаю — более или менее *ex cathedra*[38]— что медитация произведёт переворот в нашем представлении о вселенной, так же, как сделал это микроскоп.

И тут мой приятель-физиолог отмечает:

«Но если вы вмешаетесь в процесс наблюдения посредством наркотиков и специальной умственной тренировки, результаты вашего наблюдения будут недействительны».

А я отвечаю:

«Но если вы вмешаетесь в процесс наблюдения посредством линз и специальной умственной тренировки, результаты вашего наблюдения будут недействительны».

И он вежливо улыбается:

«Усердное экспериментирование докажет вам, что микроскоп заслуживает доверия».

И я вежливо улыбаюсь:

«Усердное экспериментирование докажет вам, что медитация заслуживает доверия».

Вот так-то.

Олдос Хаксли, доктор Тимоти Лири, доктор Джон Лилли, философ Алан Уоттс и некоторые другие теоретики современности прибегали к этой метафоре и этому доводу, обычно не зная, что вторят Алистеру Кроули.

Разновидности гашишных переживаний

Англичанин, живший в начале девятнадцатого столетия, чьи приключения описаны в книге Дэвида Эвина (David Evin) «Наркотический опыт» *(The Drug Experience)*, принял очень

большую дозу гашиша и вскоре стал испытывать иллюзию того, что он — локомотив. То, что он с пыхтением двигался по комнате и качал руками словно поршнями, встревожило его друзей и они спросили, не хочет ли он выпить воды. «Боже, нет, — вскричал он, — от этого у меня может взорваться котёл!»

Более типичным был опыт, описанный французским поэтом Шарлем Бодлером, одним из членов знаменитого «клуба гашишинов», которые собирались в парижском отеле «Пимодан» в пятидесятых годах девятнадцатого века, чтобы попробовать арабское зелье и сравнить впечатления. В эссе, озаглавленном «Искуственный рай» (и снова потайная дверь в Эдем!), написанном от третьего лица, Бодлер пишет:

> Никому уже не покажется удивительным, что последняя фатальная мысль вспыхивает вдруг в мозгу мечтателя: «Я — бог!»
>
> И дикий горячечный крик вырывается из его груди с такою силою, с такой потрясающей мощью, что если бы желания и верования опьяненного человека обладали действенной силой, этот крик низверг бы ангелов, блуждающих по путям небесным: «Я — бог!» Но скоро этот ураган гордыни переходит в состояние тихого, молчаливого, умиротворенного блаженства, и все сущее предстает в освещении какой-то адской зари. Если в душе злосчастного счастливца случайно промелькнет смутное воспоминание: «А не существует ли еще другой Бог?» — будьте уверены, что он гордо поднимет голову перед тем, что он будет отстаивать свои права и ничего не уступит *тому*. Какой-то французский философ, высмеивая современные немецкие учения, сказал: *«Я бог, но только плохо пообедавший»?* Эта ирония нимало не задела бы человека, находящегося во власти гашиша. Он преспокойно ответил бы: *«Возможно, что я плохо пообедал, но я — бог».*

Мой приятель однажды описал очень похожее ощущение от еды, хотя оно не вполне дало ему почувствовать себя Богом. Когда он находился под действием гашиша, на него внезапно напал жор, хорошо известный всем, кто знаком с каннабисом не понаслышке, и он припомнил, что в буфете было несколько изумительно вкусных пончиков. Увы, когда он отправился на их поиски, ни одного пончика не нашлось, так как их чуть раньше съели приходившие к нему гости. Вследствие этого он сел и стал жевать безвкусный, обычный белый хлеб — самую унылую еду в мире — и, поскольку всё молоко тоже вышло, он запивал его

водой. Внезапно он осознал, что наслаждается этой трапезой — чрезвычайно, неимоверно, блаженно — больше, чем он когда-либо наслаждался какой-либо пищей за свою жизнь. «Впервые в жизни, — сказал он мне, — я понял святых, говоривших, что они могли жить на хлебе и воде и быть счастливее миллионера, за обедом поедающего икру, бобы и пьющего коньяк».

(Современная теория, разработанная доктором Робертом Де Роппом, доктором Хамфри Осмондом, доктором Абрамом Хоффером и другими, гласит, что великие мистики — и некоторые из психически больных людей или людей, у которых диагностировали психическую болезнь — с помощью собственных желёз вырабатывают эквивалент психоделического наркотика. Есть подозрения, что «розовый адреналин» — результат изменения обычного адреналина, вызванного длительным стрессовым воздействием — может быть искомым веществом, хотя другие исследователи предполагают, что это следующая за «розовым адреналином» степень изменения. Это вещество, также называемое «адренохром», обладает определённым химическим сходством с ЛСД и более того, с мескалином, действующим веществом в кактусе пейот. Естественные последствия этого, а именно возможность упороться плазмой шизофреников, изобретательно и экстравагантно обыгрываются в рассказе Терри Саузерна «Кровь шизика» *(The Blood of a Wig)*, герой которого пробует этот невиданный ранее вид вампиризма, балдеет от крови, высосанной из пациента психиатрического отделения больницы Бельвью — некоего «Чина Ли», некогда знаменитого «поэта-символиста» — и перед ним предстаёт видение Линдона Джонсона, некрофильски совокупляющегося с раной на шее трупа Джона Кеннеди. Согласно стэнд-ап комику и издателю Полу Красснеру, отправной точкой для этой истории послужил опыт репортёра журнала «Newsweek», у которого на самом деле было это жуткое видение во время ЛСД-трипа).

Возвращаясь к гашишу: одним из членов парижского «Клуба гашишинов» был поэт Теофиль Готье. Вот отрывок из его рассказа о незабываемом трипе:

> Меня обуяло некое оцепенение. Моё тело, казалось, растворилось, и я стал прозрачен. Внутри моей груди я ощутил съеденный гашиш в виде изумруда, искрящегося миллионом огненных точек. Мои ресницы удлинились до бесконечности, разворачиваясь подобно золотым нитям с веретён из слоновой кости, которые сами собой раскручивались с ошеломляющей быстротой. Вокруг меня струились потоки драгоценных камней всех цветов,

составляя постоянно меняющиеся узоры подобно игре стёкол в калейдоскопе. Мои товарищи показались мне обезображенными, наполовину людьми, наполовину растениями, с меланхоличными минами ибисов. Они выглядели так странно, что я корчился от смеха в своём углу, и, поглощённый нелепостью зрелища, подбрасывал подушки своего дивана вверх, заставляя их крутиться и вертеться с быстротой индуса-жонглёра.

Первый приступ прошёл, и я снова обнаружил себя в моём обычном состоянии, не сопровождаемом никакими из неприятных симптомов, свойственными опьянению вином. Спустя полчаса я снова попал во власть гашиша. На этот раз мои видения были более сложными и более необычными. В диффузно светящемся воздухе мириады постоянно роящихся бабочек шелестели крыльями, как веерами. Исполинские цветы с чашечками из хрусталя, огромные мальвы, лилии из золота или серебра представали перед моим взором и раскрывались вокруг меня со звуком, напоминавшим звук фейрверка. Мой слух феноменально обострился. Я на самом деле слышал, как звучат разные цвета. От их синевы, зелени или желтизны ко мне устремлялись звуковые волны, обладающие совершенной отчётливостью. Звук от поставленного вверх дном стакана, скрип кресла, слово, произнесённое низким голосом — это колебалось и грохотало вокруг меня, словно раскаты грома. Мой собственный голос казался столь громким, что я не смел заговорить из страха сокрушить стены звуками его бомбовых взрывов. Более чем пять сотен часов, казалось, возглашали час серебристыми, медными или свистящими подобно флейте голосами. Каждый предмет при касании издавал музыкальный звук, подобный звуку губной гармоники или эоловой арфы. В океане звуков, подобно светоносным островам, плавали мотивы из «Луция»[39] и «Севильского цирюльника». Никогда ранее я не был охвачен потоком чего-то столь же прекрасного. Я был настолько погружён в его волны, настолько отделён от себя, настолько освобождён от моего эго, этого постылого придатка, сопровождающего нас повсюду, что впервые осознал суть существования духов стихий, ангелов и душ, отделённых от тел. Я завис подобно губке посреди тёплого моря; в каждый миг волны счастья проходили сквозь меня, попадая внутрь и выходя наружу через поры моей кожи. Поскольку я стал

проницаем, всё моё существо окрасилось в цвет фантастической среды, в которую я был погружён. Звуки, свет, ароматы доносились до меня через завитки не толще волоса, внутри которых я слышал вибрацию магнитных токов. По моим подсчётам, это состояние длилось около трёх сотен лет, ибо ощущения, которые следовали одно за другим, были так многочисленны и убедительны, что любая реальная оценка количества времени была невозможна. Восторг покинул меня… Я увидел, что это длилось всего лишь четверть часа.

Третья волна восторга, последняя и наиболее причудливая из всех, прервала моё восточное празднество. В этот раз моё зрение удвоилось. По два образа каждого предмета отражались на сетчатке моего глаза в совершенной гармонии. Вскоре магический фермент снова начал с силой действовать на мой разум. На целый час я совершенно сошёл с ума. В паитагрюэлических грёзах я видел проходящих мимо меня вымышленных существ, сов, аистов, сатиров, единорогов, грифонов, стервятников, целый монструозный зверинец, который семенил, скользил, скакал, визжа, по всей комнате…

Видения стали настолько вычурны, что мною овладело желание зарисовать их. Менее чем за пять минут я набросал рисунок, изображающий доктора Икс… который казался мне сидящим за фортепиано, одетым турком, на спине жилета которого был изображён подсолнух. На моём рисунке он предстал в облике причудливых спиралей, возникающих из клавиш фортепиано. Другой набросок был обозначен как «животное будущего», и представлял собой живой локомотив с шеей лебедя, завершавшейся змеиной пастью, из которой вырывались клубы дыма, и с чудовищными лапами, состоящими из колёс и шкивов. Каждая пара лап сопровождалась парой крыльев, а над хвостом животного витал древний бог Меркурий, который победно наступал на него, невзирая на его когти. Милостью гашиша мне удалось извлечь из природы «фарфадета».[40]

В те же времена клуб гашишистов существовал в Нью-Йорке — этот малоизвестный факт был недавно обнаружен феноменальным исследователем истории наркотиков, доктором Майклом Олдричем — но ни один из его членов не оставил

никаких записей о своих приключениях. Всё, что можно с уверенностью сказать, поскольку члены клуба жили в Соединённых Штатах, когда наркотики на основе каннабиса были известны лишь небольшому проценту населения — это то, что они бы очень удивились, увидев, что через сотню лет их развлечение стало преступлением с точки зрения федерального уголовного права.

Гашиш и секс

Само собой разумеется, что вещество, усиливающее ощущения и облекающее в форму фантазии человека, свидетелями чего мы были в случае гашиша, сможет сильнейшим образом улучшить секс, если разум экспериментирующего с ним будет заранее открыт навстречу предоставленным возможностям. Это тот самый случай.

Некоторые авторы пытаются отрицать это, очевидно, боясь того, что любое признание свойств «афродизиака» в отношении гашиша подстегнёт дальнейшее употребление запрещённого законом вещества. Самое большее, что могут сделать подобные люди с целью оспорить очевидные факты, это ввести в высшей степени искусственное различие между переживанием и впечатлением. Если курильщик гашиша говорит, что он увидел более яркие цвета, они исправляют это на «он вообразил, что видит более яркие цвета»; скажи он, что у него обострилось осязание, они напишут, что «он вообразил, что его осязание обострилось»; если перед ним предстанет видение вселенского масштаба, они напустят на себя особенно важный вид и скажут нам, что «он вообразил, что испытывает всякого рода мистические озарения».

Этот скептицизм — анекдотический случай буквоедства. В обычном языке и в обычной философии нет такого разделения между переживанием человека и образом этого переживания. Конечно, я могу представить, что у меня есть миллион долларов, хотя у меня его нет — и это, конечно, иллюзия, и опасная иллюзия, если я начну выписывать чеки, всё ещё находясь в её плену. Но есть ли смысл говорить, что если красный цвет мне кажется более светлым, значит, я всего лишь представляю, что он мне кажется более светлым? Или если мой оргазм мне кажется более сильным, значит, я всего лишь представляю, что он более сильный? Или что я заблуждаюсь относительно того, что я счастлив, или что я галлюцинирую, представляя, что чувствую себя прекрасно?

Что-то не так, когда язык растягивают до такого предела. Если некто считает, что он счастлив и смешлив и тащится от всего, что его окружает, то единственное разумное описание его состояния — это сказать, что он испытывает эйфорию, а не сказать, что он воображает, что испытывает эйфорию.

На самом деле, похоже, скептик утверждает, что ему известно, что субъект чувствует себя лучше, чем субъект знает — то есть, что субъект чувствует не то, что чувствует, а чувствует нечто другое. Это из-за такой вербальной метафизики над средневековыми теологами смеялись Вольтер и другие критики-рационалисты.

Если некто говорит, что испытывает более сильный оргазм, он, конечно, может лгать, но если он не лжёт, значит, против его заявления уже не выдвинешь никаких возражений. Следует предположить, что он — наилучший наблюдатель в отношении собственной природы.

Я разговаривал с людьми, употребляющими вещества на основе каннабиса, в практически всех штатах США, в Мексике и в Канаде. Я ещё не встречал ни одного курильщика, который убеждённо опровергал бы знаменитое утверждение Нормана Мейлера насчёт того, что «секс без анаши никогда не бывает так хорош, как секс с анашой».

В 1968 году «Американский журнал психиатрии» опубликовал статью «Проблема марихуаны: общий обзор» *(The Marijuana Problem: An Overview)* за авторством доктора Уильяма Макглотлина (William H. McGlothlin) и доктора Луиса Джольона Уэста (Louis Lolyon West). Когда в группе наблюдения из употребляющих людей задали вопрос, почему они продолжали курить траву, 73 процента ответили: «чтобы увеличить удовлетворение от секса».

Барбара Льюис, репортёр «Ассошиэйтед Пресс», взяла интервью у 208 *взрослых людей из среднего класса*, употреблявших марихуану, для своей книги «Сексуальное влияние марихуаны» *(The Sexual Power of Marijuana)*, сосредоточив внимание на состоявшихся в профессии, успешных людях, не затронутых системой убеждений и модными течениями молодёжной культуры. Несмотря на все разговоры насчёт более ярких цветов и лучшего восприятия музыки, эти люди раз за разом заостряли внимание на том, что анаша имела для них ценность, потому что улучшала их сексуальную жизнь.

Вот заключение 33-летней женщины, работающей лаборанткой:

> Трава помогает увлечься сексом — ты абсолютно

раскована…

> Ты делаешь вещи, которые в других обстоятельствах могли бы тебя заставить почувствовать себя очень зажатой. Можно заниматься любовью *полтора часа* перед тем, как приступить к собственно совокуплению, и я думаю, что «на трезвую голову» это вряд ли возможно. [41]

31-летний научный сотрудник сообщает:

> С анашой занятие сексом приносит больше удовольствия, делается более расслабленным. Она делает тебя лучшим любовником. Вы чувствуете большую близость со своим партнёром, чем без неё. Я могу почувствовать, как на самом деле сливаюсь с другим человеком: трудно понять даже с точки зрения анатомии, какая часть меня это я, а какая часть — женщина.

37-летний программист из Нью-Джерси дал похожие показания:

> С анашой вы можете почувствовать нечто, чего не чувствовали раньше, скажем, оргазм девушки. Вы чувствуете, как сокращается её влагалище. Уже с самого начала присутствует достаточно чёткое осознание того, насколько далеко от оргазма другой человек, так что вы можете добраться дотуда же, двигаться на той же скорости. И чувствовать её оргазм — это невероятно. Это позволяет почувствовать, каково это — быть женщиной; вы можете сопереживать вместо того, чтобы воображать.

Всё это, конечно же, верно и для более сильнодействующего вида каннабиса, известного как гашиш. Юсеф эль-Масри (Yussef el Masry) специально подчёркивает в своей «Сексуальной трагедии арабской женщины» *(The Sexual Tragedy of the Arab Woman)* то, что «первичной причиной» популярности гашиша на Среднем Востоке являются его свойства «афродизиака» — хотя более многогранное описание, скажем, в качестве «улучшителя секса», несомненно, было бы более точным, чем «афродизиак».

Как мы предположили ранее, это частично позволяет объяснить неугасающую популярность подпольных «оккультных» организаций — ведьм, алхимиков, иллюминатов, различных братств Розы и Креста и так далее, что появлялись, исчезали и снова появлялись на протяжении всей истории Европы. В

особенности *уместно* будет упомянуть тут более современные тайные общества (появлявшиеся начиная с середины девятнадцатого века), такие как «орден паладинов» (Order of Paladins), «Ordo Templi Orientis» (которые служили ориентиром для Вагнера, когда он писал «Парсифаля») и сверхтаинственные «A.·.A.·.».[42] То, что называется «ритуалом», «инвокацией», «эвокацией», и так далее, и преподносится с большой таинственностью, с применением мистического жаргона, состоит по большей части из того, что доктор Джон Лилли и доктор Тимоти Лири называют «программированием» и «метапрограммированием» — другими словами, направлением опыта расширения сознания в конкретную искомую плоскость. Это ввод в килограмм с небольшим липкого вещества, которые мы называем мозгом (и которое современные психологи, для того чтобы показать, что они не отстают от времени, называют *биокомпьютером)*, в точности таких последовательностей слов и изображений, которые вызовут надлежащую реакцию.

Я не утверждаю, что в оккультной традиции нет ничего кроме веществ; совсем наоборот, существует много способов вызывать трип с расширением сознания. Среди них пост, затворничество, заглушение воздействия на органы чувств и их усиленная стимуляция, а также *пранаяма* (техника замедленного дыхания, которой учат в хатха-йоге). Все эти способы принадлежат истории оккультизма — к примеру, современная камера сенсорной депривации, которую использовали доктор Джон Лилли и другие современные исследователи, немногим более совершенна, чем средневековая «ведьмина колыбель», которая также отсекает большинство информации, поступающей на органы чувств, и оставляет сознание наедине с самим собой. В случае со всеми этими способами, однако, ритуалы и заклинания помогают программировать трип; и в некоторых из этих школ (наследующих Хаса-ну-и Саббаху через различные подпольные традиции) этот ритуал наслаивается на употребление гашиша в качестве основы.

Например, обратите внимание на следующее определение, написанное в девятнадцатом веке Кеннетом Маккензи, выдающимся английским масоном, который много сделал для того, чтобы приобщить масонов Лондона к оккультным практикам:

> Магия есть не некромантия — оживление мёртвого вещества, наделяемого воображаемой жизнью — но психологический раздел науки, изучающий симпатическое воздействие камней, зелий, трав и живой

> материи на способность мыслить и воображать — позволяющий видеть всё новые и новые проблески окружающего нас мира чудес, должным образом упорядочивающий эти явления и служащий примером благого расположения Великого Архитектора Вселенной.

Учитывая, что в викторианской Англии настолько же предвзято относились к самим наркотикам, как и в никсоновской Америке (при меньшей паранойе относительно их упоминания), нельзя не восхититься беззаботному тону Маккензи, в середине этого высказывания поминающего «зелья» и «травы».

Возможно, стоит привести ещё и небольшое высказывание доктора Майкла Броуди-Иннеса, который вместе с Маккензи участвовал в организации Герметического Ордена Золотой Зари из высокопоставленных английских масонов (на образность в современной поэзии и литературе Орден Золотой Зари через Уильяма Батлера Йейтса и его окружение повлиял больше, чем любой другой идеологический источник). Слово доктору Броуди-Иннесу:

> Сравнительно неважно, существуют ли на самом деле Боги, Клипотические энергии или даже Тайные Владыки; важно то, что вселенная ведёт себя так, будто они существуют. В каком-то смысле вся философия Магической практики идентична прагматицистским воззрениям американского философа Пирса.

Я полагаю, что это убедит вдумчивых читателей в том, что по меньшей мере некоторые из оккультистов прошлого сознавали, что ритуалы действовали на мозг как программы, и что применение этих ритуалов совершенно не требовало веры в объективное существование таких существ, как ангелы-хранители или различные боги. Позиция Маккензи/Броуди-Иннеса, несмотря на всю их оккультную терминологию, на самом деле практически идентична той, которую занимает доктор Джон Лилли с его сверхсовременной кибернетической терминологией в своём руководстве по ЛСД-трипам под названием «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера»:

> …При подключении нужных убеждений на метапрограммных уровнях компьютера… компьютер сконструирует (из бесчисленного множества элементов, хранящихся в памяти) возможные переживания, которые не будут противоречить данному набору правил. Будут

запущены такие программы и явлены такие визуальные представления, которые будут соответствовать исходным предпосылкам и хранящимся в памяти программам.

Другими словами, для тех, кто принимал изменяющие сознание вещества в Афинах древности, участвуя в ритуалах призыва Диониса, опыт был дионисийским и включал в себя «явление» (видение) рогатого божества или божества в виде быка. Если бы вы приняли их в шестидесятых, в коммуне поклоняющихся силам природы и помешанных на экологии людей, вы ощутили бы гармонию и красоту божественной природы. А если бы приняли то же вещество в девяностых, находясь в исследовательской лаборатории, будучи предупреждены, что оно вызывает психотическую реакцию, ваш опыт мог бы состоять в переживании безумия на протяжении нескольких часов.

Роза и крест

Откуда-то из сумерек прошлого, благодаря некоторым алхимикам и иллюминатам, до нас дошла традиция, согласно которой лучше всего использовать гашиш для призыва богини, и это особенно хорошо работает, если во время мысленного совершения ритуала мужчина совокупляется с женщиной, которую действительно любит. Затем женщина пресуществляется в богиню. Таково тайное учение некоторых оккультных школ, и похоже, что жестокие казни обвиняемых в ведьмовстве во времена Святой Инквизиции — главная причина, по которой эта тайна так тщательно охраняется на протяжении многих столетий.

К примеру, Алистер Кроули достаточно уклончиво пишет в своей «Исповеди»:

> Ныне [«Ordo Templi Orientis»] известна одна величайшая тайна. Когда я стал Посвящённым Святилища Гнозиса (девятого градуса), вся система О. Т. О. была направлена на то, чтобы передать его членам при помощи всё более и более ясных подсказок это наиважнейшее учение. Лично я считаю, что если бы эта тайна — научная тайна — была понята до конца (чего не смог добиться даже я после более чем двадцати лет практически постоянных изысканий и экспериментов), не стало бы ничего такого из того, что способно представить себе человеческое воображение, что невозможно было бы осуществить на практике…

> Интересно припомнить, как она [тайна] попала ко мне. Однажды я начал писать книгу, «Книгу Лжей», также ложно называемую «Разрывами», блужданиями искажений единой мысли… что само по себе ложно…
>
> Одна из глав беспокоила меня. Я не мог написать её… Во время моего недовольства на меня снизошёл дух и я быстро набросал эту главу… Когда я перечитал её, я остался столь же недоволен, как и прежде, но я поместил её в книгу в приступе своего рода гнева, направленного на самого себя, намеренно сделав это в пику моим читателям.
>
> Вскоре после публикации книги ко мне явился [Внешний Глава «Ordo Templi Orientis»]. (В то время я ещё не понял, что О. Т. О. обладало чем-то более значительным, чем удобный набор важных масонских истин). Он сказал, что раз мне была знакома величайшая тайна Ордена, я должен быть допущен до девятого градуса посвящения и должен принять на себя соответствующие обязательства.
>
> Я возразил, что не знаю такой тайны. Он сказал: «Но вы опубликовали её, записав простейшими Словами». Я сказал, что не мог такого сделать, потому что тайна была мне не известна. Он подошёл к книжным полкам, и взяв экземпляр «Книги Лжей», указал на отрывок из ненавистной мне главы. Меня тут же посетило озарение, подобное вспышке. Перед моих духовным взором воссияла вся символика — не только масонства, но и многих других традиций. С этого момента истинная значимость О. Т. О. стала для меня ясной. Я осознал, что в моих руках был ключ к будущему развитию человечества… Как только на основании опытов я убедился, что эта новая сила была фактически способна приводить к результатам, которые можно было предугадать, основываясь на теоретических построениях, я посвятил практически всё своё свободное время проведению экспериментов.

На эту тайну постоянно намекают «оккультные» руководства Кроули. К примеру, в «Магике в теории и на практике» (*Magick in Theory and Practice*, книгу лучше всего рассматривать как руководство по программированию наркотических трипов) мы обнаруживаем традиционную розенкрейцерскую болтовню:

> Чаша, как говорится, должна быть наполнена Кровью Святых; то есть каждый святой или маг должен влить

> кровь своей жизни до последней капли в эту чашу на истинной Свадьбе Розы и Креста… *Наполнить следует Чашу женщины*… Крест есть и Смерть и Рождение, и это на Кресте цветёт Роза…[43]

Доктор Израэль Регарди, пишущий от имени одной из ветвей Герметического Ордена Золотой Зари, прибегает к более традиционному алхимическому символизму, чтобы замаскировать ту же самую тайну:

> При воздействии тепла и духовного огня на Атанор должен совершиться переход, восхождение Змея из этого приспособления в перегонную колбу, используемую как реторту. Алхимическая свадьба, или вэаимосмешение двух потоков силы в реторте тотчас же вызывает разрушение вещества Змея растворителем-Глютеном, становясь таким образом частью *«Solve» из общей алхимической формулы Solve et coagula.*[44] Вскоре после разрушения Змея и его смерти восстаёт лучезарный Феникс, что, будучи талисманом, должен быть заряжен неоднократным призывом духа, покровительствующего текущей работе. Завершающий этап Мессы состоит либо из поглощения даров, полученных при транссубстанции — «Амариты», или помазания и освящения особого талисмана.

По прикидкам некоторых специалистов, эта операция, от предварительного ритуала призыва с привязкой сил к стихиям до самого Причастия из освящённой Чаши, должна занимать никак не меньше часа. Иногда, несомненно, требуется гораздо большее количество времени, в особенности если талисман нужно зарядить полностью, до отказа.

Доктор Регарди оставляет полезный комментарий, мол, «это не сложнее, чем езда на велосипеде». Вот спасибо, доктор.

Тут неважно, пьёшь ты эликсир из «освящённой Чаши» или нет, основная идея та же, что и в мессах римско-католической церкви, если не считать того, что человек ищет общения с богиней, а не богом, и тело его возлюбленной женщины становится «магическим каналом связи», посредством которого божественная сущность начинает воплощаться. Окончательный результат здесь — не просто общение с божеством, а настоящее *единение* с ним, и (неважно, насколько скептично вы настроены или думаете, что настроены) этого сравнительно легко достичь при правильном программировании (или при помощи правильных ритуалов), а в особенности при участии гашиша

хорошего качества.

(Между прочим, если читателю интересно, в какой же главе «Книги Лжей» содержится отрывок, который привлёк внимание Ordo Templi Orientis и заставил их пригласить Кроули вступить в орден, я бы предположил, что это, скорее всего, загадочная, названная соответствующим образом, Глава 69. Прибегая к религиозной символике чуда Пятидесятницы — «дара иных языков», как его называют толкователи Библии — Кроули, как мне кажется, описывает то имевшее место быть происшествие, когда у него было религиозное видение во время сеанса одновременных оральных ласк с его любовницей, скрипачкой Лейлой Уэддел. Очевидно, это тогда он впервые осознал, что его религиозные и сексуальные интересы можно совместить и нет нужды разделять их. Номер главы — это типичный для Кроули ключ к этой тайне. Ещё один ключ — в названии главы, являющимся роскошным каламбуром: «How to Succeed — And How to Suck Eggs», в переводе «Как преуспевать — и как высасывать яйца»),

Я отсылаю цинично настроенного читателя к приведённым ранее словам учёного 31 лет от роду: «Я могу почувствовать, как на самом деле сливаюсь с другим человеком; трудно понять даже с точки зрения анатомии, какая часть меня это я, а какая часть — женщина». Он даже не использовал ритуальное программирование, чтобы достигнуть такого результата; одно лишь вещество привело его к этому, и это была сравнительно несильная марихуана, а не более действенный гашиш.

Предшественники Мастерса и Джонсон

Эта «сексуальная магия» восходит к суфиям, согласно Луису Т. Каллингу, который как член «Великого Тела Божьего», Ордена Паладинов и бывший член Ordo Templi Orientis, возможно, знает о тайной традиции столько же, сколько любой другой человек (в суфизме, как и у гностиков, было аскетическое направление и направление йоги секса). Учёные, занимающиеся историей религии, приписывают её либо суфиям, либо ассасинам и спорят по поводу того, кто принёс её в Европу: рыцари-тамплиеры или альбигойцы, еретики, чьё уничтожение в двенадцатом столетии в общем считается наиболее кровавой страницей в истории Средних Веков (Кеннет Рексрот иронически назвал это событие «самой страшным злодеянием в истории до изобретения Прогресса»). В любом случае первоначальная реакция правоверных христан была исполнена такой убийственной злобы,

что у сексуального культа были хорошие причины уйти в подполье и оставаться там на протяжении нескольких столетий.

У истоков арабского влияния, как ныне признаёт историография тайных учений, стоит индийская традиция под названием «тантра» — йога прикосновений, включающая в себя йогу секса и послужившая источником вдохновения тем, кто возводил знаменитые «эротические» храмы, которые фотографирует каждый американский турист, чтобы удивить друзей. Это в тантризме нужно искать ту трансформацию, претерпев которую, сексуальный мистицизм эволюционировал от примитивной магии плодородия (обрядов с целью увеличить урожай), превратившись в разновидность расширения сознания.

Тантристы, очевидно, неудовлетворённые аскетизмом практик ортодоксальной хатха-йоги и, возможно, ищущие более быстрого пути к расширению сознания, обнаружили, что в уме происходят странные реакции при намеренном замедлении полового акта. Этот процесс (который действительно приводит к пиковым переживаниям гораздо скорее, чем другие виды йоги) настолько их привлёк, что они сделали его основой своего культа, а также установили правило воздержания от оргазма, которое озадачивало и беспокоило большую часть исследователей. Суфии и европейские оккультисты сделали это правило менее строгим, хотя и предписывали оттягивать оргазм насколько возможно, и благодаря этому позднейшему изменению мы можем понять, к чему стремились тантристы.

Мастерс и Джонсон, что хорошо известно, также используют правило «никакого оргазма» в своей терапии, которая предназначена для пар, в которых один или оба человека страдают от «сексуальной дисфункции» — а именно того, что широко известно как импотенция, фригидность или преждевременная эякуляция (эти три термина пугают и унижают пациентов, как обнаружили Мастерс и Джонсон, так что они воздерживаются от их использования). Суть их метода, применяющегося в «Институте исследования репродуктивной биологии» (Reproductive Biology Research Foundation) в Сент-Луисе — это фактически образцовый тантризм. То есть паре предписывается лечь в постель, попытаться доставить удовольствие друг другу, но строго воздерживаться от любых попыток достичь оргазма или позиций, которые могут привести к оргазму.

Результаты поразительны. Свыше 70 процентов всех пар с дисфункциями — в которых один человек или оба не имели оргазма на протяжении многих лет — часто достигают оргазма в течение двух недель после начала занятий по этой тантрической

программе. Объяснение, согласно доктору Мастерсу, таково, что беспокойство по поводу оргазма является главной причиной неудачи, и как только беспокойство устранено, то, что естественно, происходит само по себе, самопроизвольно — цзы жань (自然), как сказал бы даос.

Схожесть терапии Мастерса-Джонсон с тантризмом, возможно, будет не столь удивительна, если мы согласны с радикальным утверждением фрейдистов и учеников Вильгельма Райха насчёт того, что у большинства людей в патриархальных культурах сексуальная жизнь в чём-то ущербна. То есть обычный оргазм — «чиханье чресел» (sneeze in the loins) Д. Г. Лоуренса или «мимолётная шалость» (momentary trick), как это скорбно назвал сам Уильям Шекспир — может быть сам по себе сексуальной дисфункцией. В любом случае таково было мнение архи-еретика от современной психологии, Вильгельма Райха, который настаивал на том, что общим психосоматическим заболеванием цивилизованного человечества является «оргастическая импотенция», неспособность достичь всеобъемлющего оргазма, вызванная тревогой, которую подспудно вызывают наши настроенные против секса религии и патриархальные общественные институты.

В описании естественного оргазма доктор Райх особо подчёркивает некие «пульсации оргонной энергии», что звучит очень похоже на «астральные вибрации», описываемые оккультистами. Мы много чего слышали про «вибрации» с того момента, как психоделики и Сексуальная Революция всколыхнули молодёжь шестидесятых.

Говорят, что мастера тантрической йоги могут продолжать заниматься любовью на протяжении семи, восьми или более часов. Это не имеет никакого отношения к неким «секретам контроля над мышцами», которые в массовом представлении известны лишь мастерам йоги, или подобным слухам и мифам, о которых пишут в журналах про оккультизм. Это всего лишь ментальная установка, основанная на правиле «никакого оргазма», на том отношении, которое Мастерс и Джонсон прививали своим пациентам. Согласно Луису Каллингу, люди, практикующие традиционные сексуальные ритуалы европейского оккультизма, легко обучаются продлевать половой акт на два или три часа — до того, как позволить произойти оргазму (Каллинг признаёт, что некоторое количество каннабиса помогает достичь нужного медитативного или трансоподобного настроя).

Алистер Кроули, который в совершенстве овладел большинством прочих техник западного оккультизма и восточной йоги ещё в молодости, после того, как открыл для себя йогу секса

в 1906 году, стал приверженцем того мнения, что она является самым быстрым и лёгким способом расширения сознания для среднестатистического человека (который всё-таки вряд ли бросит работу и уйдёт в монастырь на несколько лет, пока хатха-йога будет производить в нём требуемые изменения). Таким образом, будет уместно закончить этот раздел несколькими цитатами из его «Книги Закона». В этом отрывке говорит богиня Нуит, и то, что она говорит — возможно, лучшее «заклинание» или «программа» из тех, что могут потребоваться перед проведением сексуальных экспериментов с участием гашиша:

> Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда… Выходите, о дети, под звёзды и получайте сполна свою долю любви! Я над тобою и в тебе. В твоем экстазе мой экстаз. Мне отрадно видеть твою радость.
>
> И пусть будет знаком мой экстаз, сознание протяжённости существования и все присутствие моего тела…
>
> Не будь животным: блаженствуй утончённо. Если ты выпиваешь, проделывай это согласно восьми и девяноста правилам искусства; предаваясь любви, добивайся предельной изысканности оттенков. И если ты наслаждаешься, пусть в этом будет утончённость.
>
> Но всегда на меня — на меня…
>
> Так как я разделена ради любви, ради возможности слиться.
>
> Это сотворение мира, когда боль разделения — ничто, а радость растворения — все…
>
> Делай то, чего ты хочешь — таков будет Закон. Ограничение — вот слова Греха. О муж! Не отказывай жене своей, если она хочет! О любовник, если пожелаешь, бросай! Нет уз, что могли бы соединить разделённых, кроме любви: все прочее — проклятье…
>
> Призывай меня под моими звёздами! Любовь есть закон, любовь, послушная воле… Я дарю невообразимые на земле радости: не веру, а уверенность, еще при жизни, в том, что после смерти; несказанный покой, отдохновение, экстаз; и не требую я жертвоприношений…
>
> Но полюбить меня всего прекрасней, и если под звездами ночи в пустыне ты возжигаешь сейчас благовония перед моим алтарём, призывая меня чистым сердцем и Змеиным огнем внутри, тебе должно приблизиться чуточку ближе и лечь мне на грудь.

Бледная, пунцовая ли, прикровенная или сладостно-обнаженная, я, средоточие пурпура и блаженства и опьянения в глубочайшем смысле, желаю тебя. Надень крылья и пробуди дремлющее в кольцах внутри тебя сияние: приди ко мне… Пой мне восторженно, пой о любви!

Возжигай мне ароматы! Украшай себя драгоценностями ради меня! Пей за меня, ибо я люблю тебя! Я люблю тебя! Я — синевекая дочь Заката, блистающая нагота сладострастия ночного неба. Ко мне!

Ко мне!

Из Индии с любовью

Кроули всегда утверждал, что он не сочинил эти отрывки в том смысле, в каком сочинил остальные книги — они были в буквальном смысле надиктованы ему богиней Нуит. Как бы то ни было, они несомненно были в хороших отношениях, и представление древних египтян об этом божестве — яркий пример того, насколько на самом деле древняя вещь единство секса и религии. Нуит, на множестве из сохранившихся настенных росписей, изображена как богиня неба (отсюда звёздные образы, которые ассоциирует с ней Кроули); и она прямо изображается в орально-генитальной позиции (69) с божеством земли.

Это не то чтобы необычная вещь для религии египтян. Атум, бог-создатель вселенной, в их изображении совершает это нелёгкое деяние таким образом, что мы, закомплексованные современные люди, можем удивиться этому. Говоря без обиняков, он мастурбирует, и его семя, выплёскиваясь наружу, затвердевает, становясь знакомой нам вселенной. В отношении Исиды, богини, которую религиоведы с компаративным подходом неизменно сравнивают с Богоматерью, наиболее известен «магический ритуал», с помощью которого она вернула к жизни своего мужа (и брата) Осириса после того, как его подло умерщвил Сет. Этот ритуал, как он показан на различных фресках, был вполне в гностическом, алхимическом и кроулианском духе. Она удовлетворяет его орально — будто он президент, а она стажёрка.

В связи с этим я не могу удержаться от того, чтобы припомнить изящное описание обрядов, связанных с ежегодным празднованием воскресения Осириса (ставших христианской Пасхой) авторства сэра Джеймса Фрэзера. Статую Осириса проносили по улицам и демонстрировали, как говорит доктор

Фрэзер, «самым недвусмысленным образом», что «производительная сила божества» всё ещё работала как надо.

Эта традиция не утрачивалась полностью; она всегда сохранялась, сосуществуя с христианством как подпольное течение благодаря манихейцам, гностикам, альбигойцам, тамплиерам и многим другим. Настоящими предшественниками Мастерса и Джонсон, однако, были, как мы отмечали, индуисты, в особенности принадлежавшие к тантрическим и шиваитским сектам.

На знаменитых эротических резных украшениях в некоторых индуистских храмах изображены акты поклонения богам. Цель всего этого многообразия позиций та же, что и в западном оккультизме — союз с богиней, которую индуисты называют *Шакти*, а не Нуит, хотя архетип в ней воплощается тот же самый.

Трудно удержаться от заключения, что, учитывая уже отмеченные нами параллели между тантризмом и недавними исследованиями Мастерса и Джонсон, большая часть этого многообразия — бесчисленных позиций, которых гораздо больше, чем легендарных европейских 69 — служит тантрическому правилу «никакого оргазма». Как и у Мастерса и Джонсон, это правило могло рассматриваться изначально как временное, действующее до момента достижения необходимого контроля. В любом случае то же самое (однажды мрачно обозванное Фрейдом, вы уж извините, «полиморфной перверсией») практически неминуемо обнаруживается в западной сексуальной магии и у тех, кто экспериментирует с сексом и гашишем.

Можно также открыто заявить, что это разнообразие — для большинства практикующих самая значительная часть в искусстве продления полового акта. Тантристы также прибегают к непростому «двойному лотосу» и позиции, в которой женщина сверху: мужчина лежит, распростёршись на спине, а женщина усаживается на его вздыбленный пенис — и оба партнёра затем совсем не двигаются, все ощущения зависят далее от умения женщины ритмично сокращать и расслаблять мышцы влагалища (что любопытно, у нью-йоркских проституток такая техника называет «Клеопатра»). Но для тех, кто не овладел в совершенстве этим тантрическим приемом, настоящим ключом к высшему блаженству становится разнообразие.

Тут индивидуальные свойства гашиша, по-видимому (согласно словам практикующих), становятся особенно заметны. *Все* сексуальные шалости становятся ярче (когда вещество, установка и обстановка правильно взаимодействуют). Действия, которые обычно считаются «прелюдией» или «вариациями», больше не производятся только «для женщины» или «для

мужчины». Они становятся усладой для обоих, и все желания перескочить к соитию кажутся достаточно смехотворными. Тут не только орально-генитальные ласки становятся более приятными для обоих партнёров: любая оральная ласка обретает новые измерения восторга. Это распространяется не только на обычные поцелуи («За один поцелуй ты будешь готов отдать всё», — говорит Нуит в «Книге Закона»), но и на японские развлечения вроде покусывания пальцев ног или даже обсасывания пальцев. Словом, все телесные контакты становятся сексуальными — как в видениях Иеронимуса Босха и Якоба Бёме. Ты буквально живёшь в вековечном блаженстве, на которое намекают те знаменитые индуистские изваяния.

Сила такого самопрограммирования отражается в рассказе о Синане, третьем из наследовавших Хасану-и Саббаху глав ордена ассасинов. Гостивший у них посол сказал, что его царь внушал пламенную преданность своим подданным. «Ты говоришь о преданности?» — сказал Синаи. «Взгляни на это!» И он обратился к ближайшему из стоявших на крепостной стене, где происходил этот разговор, стражей. Без ропота или промедления страж спрыгнул со стены в пропасть. «Вот это — преданность», — спокойно произнёс Синаи. И этому причиной была потайная дверь в Эдем, которую Хасан-и Саббах открыл при помощи ключей секса и гашиша.

Интерлюдия. Избранный наркотик история Билла

Я был бы куда более счастлив, если бы мои дети-подростки, не нарушая закон, могли бы курить марихуану, когда им вздумается, а не вставали на путь никотиновой и алкогольной зависимости подобно представителям старшего поколения.

— доктор-англичанин, цитата из книги «Наркотики: Медицинские, психологические и социальные факты» (Drugs: Medical, Psychological and Social Facts) авторства Питера Лори

Билл постоянно говорил «свинья», но он не был леваком. И когда он это произносил, он не имел в виду «полицейский». «Свинья» — это было его прелестное прозвище для женщин.

Я познакомился с Биллом во время одного из неудачных периодов моей жизни, когда я вкалывал на Мэд-Авеню, прилагая свой талант к написанию того, что я называл «популярной поэзией» — это эвфемизм, заменяющий «написание рекламных объявлений». Билл творил в этой странной области литературы уже несколько лет и мастерски управлялся с её специфическими дописьменными размерами. («Это новый «Клякс». Он другой. Улучшенный. Вам необходим новый «Клякс». Необходим прямо сейчас 1») «Тут ничего сложного нет, — говорил мне он, — так выглядели бы стихи Гертруды Стайн без чувства юмора».

Билл был исправившимся идеалистом, согласно его собственному описанию. И, естественно, как бывший алкоголик не может не покритиковать того, кто ещё выпивает, Билл постоянно критиковал любое проявление человеколюбия или гуманизма, которое попадало в его поле зрения. «Хорошие дела не остаются безнаказанными», — предупреждал он. «*Люди омерзительны*. И это правда, парень. Не рискуй ради них. Заботься о Номере Первом».

Как и многие люди с подобным складом ума, Билл выпивал. Поскольку он был нью-йоркцем и вроде как интеллектуалом, вокруг этого сложился ритуал: Он пил только коктейли мартини, смешанные в точности по его стандарту, и больше всего он любил докапываться до барменов, которые по недосмотру предлагали ему то, что он негодующе называл «бабьим мартини». Он с грустью вопрошал: похож ли он на старушонку из Нью-Рошель, или — не подкупила ли бармена компания-производитель вермута, или (ещё более драматичным тоном) — не попал ли он в особняк Борджиа. Иногда он даже хватался за горло и притворялся отравленным. Всё это делалось в манере великого комика Уильяма Филдса, но Билл был абсолютно серьёзен. Если мартини не становились лучше, он переносил внимание на другой бар.

Он был холостяком и больше всего на свете презирал Движение за Освобождение Женщин. «Мозгоёбки», — изящно называл он их. «Когда женщина вешает замок себе на пизду, — объяснял он, — весь подавленный секс лезет ей наверх в голову и раэъёбывает мозг. Как будто в черепушку кончают. Не могут думать трезво, пока при оргазме немного кончи не вытечет. Вот в чём проблема этих свиней». Когда он распостранялся на эту тему, казалось, будто он семь раз разводился и платил самые огромные алименты за всю историю бракоразводных процессов.

На других женщин, не состоявших в Движении, Билл тоже яда не щадил. Они всё равно были свиньями. «Женщина, — пускался он в объяснения, когда представлялся малейший повод, — это естественный паразит. Это заложено в их природе. У них есть такой радарчик, который чувствует деньги и свидетельства о браке, а больше им ничего от тебя не нужно». «Нельзя их винить, — философски добавлял он, — они слишком тупые и ленивые, чтобы прокормить себя». Он больше всего гордился тем, что ни одна из них не выманила у него ни свидетельства о браке, ни большой суммы денег. «Я знаю, как обращаться со свиньями», — говаривал он.

Метод Билла в том, что касалось обращения со свиньями, как я вскоре обнаружил, был проще простого. Его либидо беспокоило его раз в неделю, не чаще, и в таких случаях он переносил свой вечерний алкогольный сеанс в «бар для холостяков», где он легко мог подцепить молодую женщину, которая также искала партнёра. Он никогда не встречался ни с одной из них дважды. Не знаю, осыпал ли он их оскорблениями в конце проведённой вместе ночи или просто диктовал им выдуманное имя и номер телефона. Каким бы методом он ни пользовался, это были встречи на одну ночь.

Мне он это рассказывал во время перекуров. «Снял миленькую свинку вчера вечером», — говорил он. «Милую-премилую. В постели была хороша». «Ну и конечно, — добавлял он, — тупизна сильно просвечивала в разговоре, как и у всех женщин».

Диванный психоаналитик, сложив то, что Билл выпивает, его холостячество и мизогинию, предположил бы латентную гомосексуальность. Билл был не дурак, и несомненно в какой-то степени осознавал, что такие предположения тянутся за ним, как след за перепачканным в грязи колесом. Он был *(лучшая защита — это нападение)* самым яростным критиком психоанализа из когда-либо встреченных мной. Если он встречал профессионального психоаналитика, беседа становилась очень интеллектуальной и учтивой, но начинала неизменно вертеться вокруг вариаций на тему «врачу, исцелися сам». К людям, которые в его присутствии упоминали психоаналитические теории, он был беспощаден. «Мне легче поверить в зубную фею», — рычал он голосом Филдса. Или говорил: «Психоаналитики в Европе помирают с голоду. Только американцы настолько тупые, чтобы поверить в эту мотивационную теорию Матушки-Гусыни». Самой любимой из его *острот* у меня была такая: «Фрейд — это был ясельный Ницше».

Любимыми жертвами Билла были люди, которые ходили к психоаналитику. Он не щадил никого. «Попробуй сходить к мануальному терапевту», — предлагал он. «Они берут меньше, а ещё их лечение хоть иногда работает». Или: «Сколько ты платишь за грабёж этому бандиту? Двадцать долларов за сеанс! И ты ходишь к нему уже четыре года! Слушай, дружище, тут у меня есть на продажу хороший такой мост — от Манхэттена до Бруклина…»

Иногда, несмотря на робость, кто-нибудь из этих бедняг доходил до того, чтобы ответить, что Биллу самому бы стоило сходить на сеанс к какому-нибудь психотерапевту. «Ни фига себе, — отвечал Билл, — ты за четыре года с двумя сеансами в неделю до сих пор без мозгоправа шагу не можешь ступить, и тебе хватает наглости считать, что *кто-то другой* рехнулся?» Тут они сбегали обратно под защиту своей робости — возможно, чтобы ещё лет шесть ходить к психоаналитику.

Не думаю, что в моём описании Билл выглядит привлекательно. Вообще-то его остроумие было достаточно забавным (когда не было направлено на вас), и, как мне кажется, он считал себя одним из тех обаятельных пьяниц, которых часто видишь в кино. Он отыгрывал эту роль в пределах своих представлений насчёт обаяния, и большую часть времени мне, на

самом деле, было приятно находиться в его обществе. Он с готовностью помогал мне, когда я пытался научиться писать на языке рекламной прозы («…Ты просто представь, что пишешь для своего четырёхлетнего сынишки», — сказал он мне в первый день, и это была наилучшая инструкция к написанию рекламных объявлений, которую я когда-либо слышал).

И в то время, когда шестидесятые катились к бесславному концу, никто особенно не внушал симпатию. Дети-цветы отрастили шипы; «Синоптики» (Weathermen), ранее состоявшие в движении «Студентов за демократическое общество», то и дело что-нибудь минировали; в фильмах вроде «Джо» или «Беспечного ездока» проглядывал витавший тогда повсюду дух массового истребления и гражданской войны, так же, как в весёлых, уморительных «Скиду» и «Я люблю тебя, Элис Б. Токлас!» отражался безграничный оптимизм начала шестидесятых. Чудаки из числа моих знакомых, которые раз в жизни пробовали кислоту и были привлекательны, как эльфы, теперь частенько употребляли спиды (метамфетамин) и больше не влекли к себе; героин стал появляться в средних школах за пределами гетто, то есть в средних школах для белых, сечёте — этот факт по-настоящему стал шоком для Властей. Мы все, полагаю, полубессознательно ждали того момента, когда расстрел в Кентском университете ознаменует собой конец этой эпохи и переход к неестественному молчанию и кладбищенской тишине эпохи Никсона. Как я уже упоминал, фильмы «Джо» и «Беспечный ездок» уже предупредили нас, что средние американцы были вооружены и опасны.

В таком контексте мизогиния и мизантропия Билла вряд ли выглядели необычными или патологическими. В конце концов те бунтари, что в начале десятилетия пели гимны любви а-ля Боб Дилан, теперь не только оправдывали насилие — вслед за исследованиями психологии угнетённых Фанона они начинали говорить про общественно полезную роль ненависти, ярости и гнева. Если бы кто-то в то время цитировал вычурные лозунги эпохи Кеннеди, он выглядел бы не менее странно, чем алхимик, в поисках работы идущий на собеседование в химические лаборатории «Дюпон».

«Люди омерзительны», — с особенным выражением произносил Билл, когда в его присутствии обсуждали политику, и уверенность в том, что он совершенно неправ, давалась с трудом.

На Авеню Безумцев я надолго не задержался (возможно, я не гожусь для того, чтобы писать для четырёхлетних детей) и у меня осталась одна-единственная история про Билла и Наркотическую Революцию. Это случилось всего за пару недель до того, как я

бросил эту работу и попытался выжить в качестве свободного автора. Катализатором послужил юный копирайтер, выпестованный «Лигой плюща», которого я буду называть Дэнни.

Дэнни был причудливым наследником (или поздним плодом) эпохи Кеннеди: он даже был чуточку похож на Джона или Бобби. Он был либералом до мозга костей, что помимо всего прочего значило, что он курил анашу, не порицая алкоголь, работал на Авеню Безумцев без сожаления (и его забавляли радикалы, считавшие его «проституткой»), и верил, что Америка всё-таки может стать великой страной, если Демократическая партия снова выдвинет правильные кандидатуры. Революцию и реакционерство он презирал, но не верил, что у обеих этих крайностей были какие-то шансы в Америке, и поэтому он их не боялся. В ту полную паранойи и агрессии эпоху он был последним *неиспорченным* человеком из моих знакомых. Если он этого и не говорил, я всё представлял, как он был готов в любой момент заявить: «Если бы Рузвельт был ещё жив…»

Когда Дэнни пришёл на работу к «Вельзевулу, Велиалу, Дьяволу и Людоеду» (так я буду называть наше агентство), Билл немедленно избрал его главной мишенью для залпов своего циничного остроумия. Что-то в невинном лице оптимиста Дэнни подзуживало говорить ему гадости — но эта его неброская вывеска скрывала за собой ударопрочность швейцарских часов. Его было невозможно разозлить или расстроить; он всегда мог понять и (что всего хуже) мог простить, иронически улыбаясь, и его улыбка напоминала мне Пэта О'Брайена в роли священника. Этого было достаточно, чтобы разбудить дремлющий цинизм в любом человеке, менее невинном, чем сам Дэнни, и в Билле из-за этого проснулся Яго и Клаггерт.

Если Дэнни упоминал про свою тётушку, которая владела несколькими домами в Бостоне, Билл спрашивал: «В трущобах?» — а потом быстро добавлял: «Если ты не знаешь, не пытайся выяснить. Лучше не знать таких вещей». Если Дэнни говорил что-нибудь хорошее о братьях Кеннеди, Билл припоминал о том, что слышал про связи (настоящие или предполагаемые) Джо Кеннеди с мафией и контрабандой спиртного во времена сухого закона; если Дэнни хвалил Рузвельта, Билл припоминал о том, что слышал про участие деда Рузвельта в торговле опиумом; если он осмеливался сказать, что «чёрные всё-таки такие же люди, как мы», Билл разъяснял ему: «Никто из тех, кого смешивали с говном три сотни лет, не является таким же человеком, как ты, не обманывай себя. Они хотят отрезать тебе яйца и скормить их своим псам. Посмотри на мау-мау; посмотри на любое восстание в колониях. Вот какая у нас будет чёрная революция, когда до

этого дойдёт».

Это было как будто Руссо спорит с де Садом — вечный либерал против вечного мизантропа.

Дэнни никогда не срывался во время этих споров. Один раз, впрочем, до этого почти дошло. «Если бы я верил в то же, что и ты, — сказал он, — у меня тоже были бы проблемы с алкоголем».

«Я хотя бы не торчок», — отпарировал Билл.

Я думал, что Дэнни ответит, что алкоголь в любом аптечном списке будет причислен к «наркотикам», но он вообще ничего не ответил. Он задумчиво глядел вдаль. Тогда я этого не понял, но к нему пришло решение проблемы нигилизма Билла. Это было решение родом из начала шестидесятых, но Дэнни всё же в него верил. Он собирался «настроить» Билла.

Однажды одна наша коллега явилась в офис после ночи в кислотном трипе, полагая, что она уже вернулась в реальный мир. Это было не так, и она начала психовать. Дэнни боялся, что она либо сиганёт из окна, как Стив Броуди с Бруклинского моста, либо по меньшей мере выдаст себя настолько, что начальство это заметит и уволит её, но я увёл её к себе в кабинет, послал секретаря в аптеку за ниацинамидом (витамином Б3) и в течении двух часов вёл с ней беседу. Ниацин (смотри главу 1) и мой хорошо подвешенный язык наконец её успокоили. Она сохранила рассудок и рабочее место.

Дэнни был впечатлён, хотя ему и не стоило впечатляться. Когда-то давно я зарабатывал на учёбу в колледже в качестве санитара на ночных сменах в «Скорой помощи», и на этой работе я насмотрелся на психов при жутковатых обстоятельствах. Никакая государственная пропаганда так и не смогла убедить меня, что любители кислоты настолько же безумны, как пациенты психушек, или что с ними невозможно уладить дела полюбовно.

Дэнни расшифровал это происшествие для себя таким образом, что я оказался в его глазах неким экспертом по выводу людей из бэд-трипов; и, естественно, всем известно, что кислотный бэд-трип куда жёстче и жутче бэд-трипа от анаши (это необязательно так: всё зависит от человека). Так что когда он наконец убедил Билла попробовать выкурить косячок марихуаны и ситуация немедленно приобрела жутковатый оборот, он позвонил мне домой.

«Доктор Уилсон, — загадочно сообщил он (несмотря на его простодушие, он, что обычно для нью-йоркцев, полагал, что все телефоны прослушиваются), — у нас тут чрезвычайная ситуация. То же, что и с мисс Икс», — прибавил он, назвав фамилию девицы, которую прихватил кислотный мандраж на работе. «Вы можете приехать прямо сейчас!?»

«Вот дерьмо», — неизящно выразился я. «Сейчас приеду».

«В чём дело?» — спросила Арлен.

«Я теперь психиатр у всех чокнутых с Мэдисон-Авеню», — мрачно сказал я. Я никогда так не ненавидел наше законодательство в области наркотиков, как тогда. Я знал, что могу справиться с этой проблемой, что бы там ни случилось, но ответственность меня тяготила, и мне хотелось бы жить в свободной стране, где Дэнни мог бы обратиться за помощью к профессионалам, не рискуя попасть в тюрьму.

Когда я добрался до Дэнни, я обнаружил у него пятерых подавленных и явно обеспокоенных травокуров — и Билла, сидящего в сторонке с сердитым взглядом.

«Зачем они вызвали тебя?» — немедленно задал вопрос Билл. «Чтобы избавиться от моего тела?» В его тоне не было шутливости Уильяма Филдса. Это был Род Стайгер в роли пленного фашиста — загнанного в угол врагами, но всё ещё опасного и способного к сопротивлению. Я бодро рассмеялся и сделал вид, что принял враждебность за шутку; в его случае всё равно одно мало отличалось от другого.

Я проследовал на кухню, как если бы в данный момент Билл меня особо не интересовал. Это был первый шаг: я был уверен, что остальные воспринимали его состояние как серьёзную проблему, а я хотел вернуть ему адекватную оценку происходящего. Почти три миллиарда людей на планете не знали и не хотели знать о его психическом состоянии, и я заменял собой их всех.

Когда Дэнни пришёл за мной на кухню, я спросил, есть ли у него дома ниацинамид. Естественно, ниацинамида у него не было. Те, кто принимает наркотики, обычно так же безграмотны, как и те, кто принимает ограничивающие права последних законы.

Я спросил, есть ли у него «Торазин», «Либриум» или любое другое успокоительное.

У него не было ничего такого.

«Ну ладно, — сказал я, — на этот раз прыгнем без парашюта. Как долго это продолжается?»

«Примерно три четверти часа.»

«Сколько он выкурил?»

«Мы пустили по кругу всего два косяка, когда на него напала боязнь».

«Ладно. Веди меня к моему пациенту». Я припомнил одного психа из эпохи моих поездок на «Скорой», который, стоя на лестнице, заявлял, что не хочет ехать в больницу. Он был ростом под два метра, косая сажень в плечах, а я стоял на пару ступенек

ниже. С Биллом не должно было быть так трудно.

Я притащил в гостиную стул и сел напротив Билла, разделяло нас меньше чем полметра.

«Страшно тебе?» — дружелюбно спросил я.

«Не пытайся меня надуть», — сурово сказал он. «Они дали мне какую-то дрянь только чтобы увидеть, как это случится, и ты это знаешь».

«Хер там плавал», — сказал я. «Они курили те же косяки, что и ты. Это часть этикета курильщиков анаши, чтобы у людей не было таких безумных мыслей. Подумай — ведь косяки пускали по кругу?» Я не стал ждать его ответа. «То, что ты сейчас чувствуешь, — сказал я, — это часовой нервяк. Это часто происходит с неопытными людьми в первый раз, когда они курят траву, и называется часовым нервяком, потому что всегда проходит через час. Сколько это уже длится?»

«Боже, — сказал он вялым, надтреснутым голосом, — по-моему, несколько дней».

«Сколько это длилось?» Снова спросил я у Дэнни.

«Три четверти часа», — повторил он.

«Ну, — бодро сказал я Биллу, — почти закончилось. Самая худшая часть точно. Дай мне руку». Я взял его за руку, пока его не обуяли голубые страхи, и с минуту крепко её держал. «Так я и думал», — сказал я. «Ты даже не дрожишь. Самое худшее позади».

Всё это было чистой воды выдумкой. Страхи от анаши при своём появлении могут длиться четыре часа, восемь часов или дольше — гораздо дольше, чем действие самого наркотика. Когда рушатся обычные преграды, защищающие от тревожности, могут проявиться подавленные страхи, накопившиеся за десятки лет, и даже после того, как наркотика уже давно не будет в крови, напряжение может продолжать нарастать. Однако такой процесс *(а случается это обычно только с новичками, и, возможно, это является следствием самовнушения под воздействием антинаркотической пропаганды, усиленного недостаточной осведомлённостью)* достаточно легко сорвать, проведя убедительную беседу — что я и сделал. Этот бэд-трип был вызван государственной пропагандой и невежеством Билла, а я собирался использовать свою пропаганду и его невежество, чтобы превратить трип в хороший.

«Что хорошо в часовом нервяке, — беззаботно продолжал я, — это то, что второй час всегда классный. Это чистая правда. Когда всё это выходит в начале, ты типа как очищаешься, а во второй час ты уже готов по-настоящему зажигать». Я продолжал рассказ, упоминая обычные позитивные эффекты от анаши — яркие цвета, прилив сил, смешливость — пытаясь «внушить» ему

их.

«Это не всегда так», — перебил меня он. «Я читал про случаи, когда людей перекрывало и они на несколько месяцев попадали в дурку».

«А ещё они не могут разговаривать», — сказал я. «Слишком напуганы и запутаны, чтобы разговаривать. А вот ты не в таком состоянии, тебе становится лучше с каждой минутой: я вижу, как цвет твоего лица становится нормальным: и ты не дрожишь — и ты, как всегда, споришь со мной. Не, у тебя мозги на месте, ты совсем больше не паникуешь. Ты просто мрачный и настороженный. И это тоже проходит», — не отставал я. «Я знаю, потому что у тебя нормальный цвет кожи. Сейчас ты действительно начинаешь кайфовать…»

Полчаса спустя я всё ещё с ним беседовал, рассказывая, что часовой нервяк вот-вот закончится. Взгляд у него всё ещё был сердитый, он уже не паниковал, но до того, чтобы почувствовать себя кайфующим или даже просто успокоившимся ему было ещё далеко. Одним из признаков того, что он был накурен, а не полон алкогольной агрессии, было то, что он всё ещё на меня не замахнулся.

«Мне надо выпить», — внезапно сказал он.

Мне захотелось себя пнуть. Надо было заставить Дэнни смешать ему мартини сразу же, как только я добрался до них. Очевидно, в данном случае это было бы необходимым лекарством.

Дэнни быстренько смешал на кухне мартини и принёс Биллу. «Такой, как ты любишь», — сказал он.

Билл отпил чуточку и скорчил гримасу. «Бруклин», — с отвращением сказал он. «Так их смешивают в Бруклине».

«Вот! — закричал я, — ты снова в норме!»

Все засмеялись, и Билл тоже. Когда все отсмеялись, он продолжал смеяться. Всё продолжал и продолжал. И продолжал.

«Вот, так смеются на втором часу», — сказал я. «Наконец-то ты начинаешь кайфовать».

Он ещё раз быстро хлебнул своего питья. «Это точно», — произнёс он, хотя при этом выглядел снова чуточку нервничающим.

Час спустя, однако, он совершенно расслабился и веселился. По комнате наконец-то гулял третий косяк, которым он затягивался очень осторожно, много не вдыхая — а ещё он выпил уже третий коктейль. Он развлекал собравшихся одной из своих пламенных речей против сентиментальности, впрочем, в ней было больше юмора и меньше злобы, чем обычно. Я ушёл, чувствуя удовлетворение.

Несколько месяцев спустя, после того, как я распрощался насовсем с Мэд-Авеню, я встретил Дэнни в баре и поболтал с ним про старые деньки.

«Билл до сих пор приходит на мои вечеринки с анашой», — сказал он с недовольной усмешкой.

«Правда?»

«Ага… и он теперь приходит со своей бутылкой». Поймав мой вопросительный взгляд, он продолжал: «Он выкуривает немного травки, совсем немного, а потом, когда начинает забалдевать, много пьёт, чтобы попуститься. Потом выкуривает ещё немного, и ещё больше пьёт».

«Ты хочешь сказать, что он курит только для того, чтобы не выделяться?»

«Так и есть. Выпивка — до сих пор его излюбленный наркотик.»

Я удивлённо покачал головой. «Каков чудак».

«О, это ещё пустяки. Я думаю, анаша, даже смешанная с бухлом, на него в определённом смысле подействовала».

«Что ты имеешь в виду?»

«Теперь-то, — сказал Дэнни, осушив свой стакан и улыбаясь улыбкой Тимоти Лири, — Билл стал голубее голубого».

4.
Мексиканская трава

Во многих местностях происходит разгул преступности, и за прошедшие годы число преступлений лавинообразно растёт; большую часть преступлений совершают люди, употребляющие наркотики, по собственной воле ставшие зависимыми… Подобная безалаберность и вредоносное употребление наркотиков могут вести лишь к трагической смерти…

Наша молодёжь по природе своей любопытна, не боится экспериментировать… Они слишком много думают о себе: субъективность вместо объективности, заботы о других. Под воздействием наркотиков они либо оказываются в крайней степени возбуждены, лишены страха, и готовы нарушить законы и правила приличия — или же они оказываются на дне бездны депрессии, готовые лишить себя жизни. Посреди лжи, соблазна, беременностей, разбоя, краж и даже убийств…

Разнузданность повсюду.

— «Злоупотребление наркотиками — путь в никуда» Департамент шерифа Грин-Каунти (штат Огайо), исправленное издание 1972 года

Разнузданность повсюду, это точно. Семьдесят лет назад мексиканские чернорабочие в Техасе и Луизиане начали распространять травку, вывезенную со своей родины, а теперь она повсюду, как чума, и великую республику наших отцов-

основателей подтачивают секс и грех. Так в целом видят это копы и священники.

Истинное положение дел немного сложнее. Разнузданность в крупных дозах всегда была повсюду; именно она в наибольшем почёте у человечества, и это она чётко отделяет нас от ближайших родичей из числа обезьян, у большинства которых период половой охоты не длится круглый год, как у нас. Несомненно, если бы не беспрестанное желание заниматься сексом у человека, сильнейшее среди всех животных, на этой небольшой планете нас бы не стало так много.

И марихуана не была завезена из Мексики, чтобы помрачить высокие идеалы наших отцов-основателей. Скорее это растение родом из Евразии было сначала завезено на этот континент нашими отцами-основателями (в особенности Джорджем Вашингтоном), а затем, позднее, принято мексиканцами. Если на берегах Рио-Гранде и имел место соблазн, то первые поселенцы в Вирджинии были соблазнителями, а невинные мексиканцы — соблазнёнными. *По-видимому, на нашем континенте не было марихуаны до 18 века, и главной причиной её широкого распространения стал энтузиазм Джорджа Вашингтона.*

Этот любопытный факт, на который моё внимание обратил доктор Майкл Олдрич, подробно задокументирован в «Письмах Вашингтона», опубликованных издательством при федеральном правительстве США *(U. S. Government Printing Office)* в 1931 году. Приведу несколько цитат:

Том 31, страница 389, октябрь 1791 года, письмо из Маунт-Вернон Александру Гамильтону, министру финансов: «Насколько… было бы уместно, по вашему мнению, поддержать выращивание хлопка и конопли в тех регионах Соединенных Штатов, которые подходят для указанных культур?»

За последующие три года, Вашингтон, очевидно, определился с ответом, а что Гамильтон ответил насчёт «уместности», мы не знаем. В томе 33 на странице 279 мы обнаруживаем его письмо из Филадельфии своему садовнику в Маунт-Верноне, где он пишет, чтобы тот «добиться как можно большего от семян индийской конопли» и «сажал её повсюду», такое предписание можно истолковать даже так, что он отказался от прочих сельскохозяйственных культур. С ещё большим энтузиазмом на странице 384 он пишет, обращаясь «дорогой доктор» к неустановленному адресату: «Благодарю вас и за семена, и за письменные инструкции, которые вы столь любезно мне выслали. Изготовление препарата из силезской конопли — вещь действительно любопытная…» А на странице 469 он снова напоминает садовнику о семенах индийской конопли: «Я хочу,

чтобы семена были сохранены в должное время и с минимальными потерями».

На следующий год Вашингтон еще больше озаботился сохранностью семян и увеличением урожая. На странице 146 тома 34, в письме от 15 марта 1795 года, он снова пишет садовнику: «Предполагая, что вы сохранили все семена индийской конопли, какие было возможно, прошу вас тщательно посадить их снова для обеспечения наличия полного запаса семян».

На странице 72 тома 34 из недатированного письма (весна 1796 года) мы получаем подтверждение тому, что с годами эта необычная страсть не уменьшалась; Вашингтон вновь пишет садовнику: «Как распорядились семенами индийской конопли, запасёнными прошлым летом? Их следовало абсолютно все снова посадить; так можно будет не только собрать запас семян для моих личных целей, но и *распространить семена среди других людей; поскольку эта конопля более ценна, чем обычная*».[45] На странице 265 тома 35 Вашингтон продолжает терзать садовника насчёт семян (записи того, что об этом всём думал садовник, до нас не дошли), а на странице 323 приводится письмо сэру Джону Синклеру, в котором он утверждает, что его эксперименты определённо показали, что «индийская конопля во всём превосходит новозеландскую».

Некоторые из консерваторов-поклонников генерала выдвинули предположение, что конопля его интересовала лишь как источник пеньки для канатов (такими пользовались при повешении). Это, конечно, считается куда более благовидным, чем любое проявление интереса к рекреационному употреблению растения, но теория с канатами попросту не выдерживает критики. Ещё 7 августа 1765 года Вашингтон пишет в своём дневнике («Дневники Джорджа Вашингтона», Houghton-Mifflin, 1925 год): «Начал отделять мужские растения конопли от женских — пожалуй, поздновато». Для производства пеньки вовсе не требуется отделять мужские растения от женских, но это действие совершенно необходимо для получения марихуаны из цветущих верхушек женских растений.

Некоторые авторы, согласившиеся с этим неизбежно следующим из приведённых свидетельств выводом, всё-таки пытаются утверждать, что Джордж Вашингтон никак не мог курить траву в рекреационных целях. Вместо этого, предполагают они, он, возможно, употреблял марихуану из-за её обезболивающих свойств, чтобы справляться с частыми приступами зубной боли. (Если учесть то, насколько он неравнодушен к предмету в письмах, приступы зубной боли,

должно быть, случались очень часто). Даже и в таком случае он всё равно достаточно часто накуривался, неважно, какая при этом была главная цель. А его стремление «распространить семена среди других людей» отчасти объясняет то, что растение, бывшее неизвестным на нашем континенте во времена, когда Вашингтон только родился, столетие спустя можно было обнаружить в различных штатах и в Мексике.

Анаша: от доисторических времён до наших дней

У этого растения, конечно, была долгая история и до этого, некоторую часть которой мы уже затрагивали в главе третьей, посвящённой гашишу. *Cannabis sativa*, по-видимому, родом из Азии, возможно, с берегов Каспийского моря, и разведение этого растения началось с началом того, что можно назвать Первой Наркотической Революцией — по меньшей мере за пятнадцать тысяч лет до рождества Христова. Наши предки в Евразии в то время были преимущественно охотниками, и их религией был шаманизм, который основывается не на догматах или учениях, а на настоящих видениях или «духовных переживаниях». Поиск такого переживания (чёрного входа в Эдем) всегда был присущ шаманизму, и всегда осуществлялся различными способами, возможно, включавшими в себя и применение различных наркотиков, хотя в основном для этого применяли самогипноз, отшельничество, садомазохизм (человеческие жертвоприношения, самоистязание), мелогипноз (при котором в транс входят за счёт ритмичного пения), и так далее. Примерно за 15 тысяч лет до нашей эры началась первая Наркотическая Революция, когда обнаружили, что употребление наркотиков является самым лёгким способом достичь этих изменённых состояний сознания.

Эти сведения, по-видимому, очень быстро распространились на запад и юг, в Европу и Африку, а также на территории Сибири и Северной и Южных Америк, с почти такой же быстротой. По словам Питера Фёрста (Peter Furst), профессора антропологии из Государственного университета Нью-Йорка, на данный момент учёные достаточно уверены в том, что в некоторых областях Азии применение наркотиков шаманами началось по меньшей мере за 15 тысяч лет до нашей эры; свойства мухомора (согласно недавно выдвинутым теориям, являющегося «сомой» индуистов) были обнаружены примерно за 5 тысяч лет до нашей эры, волшебных грибов из Мексики — по меньшей мере за 2 тысячи, а пейота — за тысячу лет до нашей эры.

(По-видимому, психоделические грибы стали краеугольным

камнем ранней Наркотической Революции, и, как пишет Джон Аллегро в книге «Священный гриб и крест», именно этим объясняются сексуальные ритуалы, которые не скрывались в религиозных культах того времени, потому что гриб выглядит как пенис и в восприятии верующих вызывает образы, связанные с сексом. Аллегро также считает, что для многих божеств, включая Диониса, Осириса и Иисуса, основой послужил гриб. Он увязывает непорочное зачатие этих богов с тем фактом, что воспроизводство грибов долгое время оставалось тайной, недоступной пониманию: никакой системы половых признаков не обнаружили ни первобытные культуры, ни античные цивилизации, ни даже западная наука до *середины девятнадцатого столетия.* До этого момента волшебный гриб казался поистине чудесным, непорочно зачатым — в особенности когда «вкушали его плоть» или «пили его кровь», ферментированный сок, который отправлял человека прямиком в небесные царства вечности).

Частью этого процесса, который, возможно, являлся самым важным в эволюции религий, было то, что каннабис распространился по Европе и Азии и попал в Африку. Китайцам, как уже упоминалось ранее, был известен каннабис на самых ранних стадиях развития их общества. Они использовали вырезанный из его стебля посох при лечении различных заболеваний. Этот посох был в форме змеи, обвившейся вокруг жезла, что очень похоже на существующую до сих пор врачебную символику, или на кадуцей Меркурия, и явственно предполагает магическое и религиозное предназначение. Во времена ранней ханьской империи (200 год нашей эры) знаменитый врач Хуа То использовал смолу каннабиса и вино в качестве обезболивающего средства при хирургических операциях.

Почти на другом конце света Демокрит (живший в 460–370 годах до нашей эры) описал видения (и «неумеренный смех»), которые вызывало ритуальное употребление этого растения, по-видимому, воскуриваемого с миррой и ладаном и вдыхаемого участниками ритуала, сидящими вокруг жаровни — это было распространено в древних цивилизациях в регионе Средиземного моря. Выдвигались предположения, что и сам Демокрит был приверженцем этого обычая, и это может объяснить его репутацию «смеющегося философа» (Р. Гордон Уоссон, кстати говоря, предполагал, что Платон, как и многие его соплеменники-греки, прошёл посвящение в элевсинские мистерии или подобный обряд, включавший употребление «волшебного гриба»). Уоссон утверждает, что грибной опыт навёл Платона на мысли о том, что над нашей обычной вселенной или по соседству с ней существует

другой, вневременный мир.

Каннабис был хорошо известен арабам к тому времени, когда был составлен сборник сказок «Тысячи и одной ночи» (десятый век). В одной из них рассказывается о султане, который засыпает (во время того, как ходит переодевшись среди горожан, чтобы узнать их настроения — традиционный сюжет) на полу, а затем на него мочится рыбак, угашенный гашишем. Наутро рыбака вызывают во дворец, где султан говорит, что это он был тем, на кого рыбак мочился. «И что с того?» — дерзко говорит рыбак. «Ты в это утро в своём дворце, я прошлой ночью был в своём». Султан был философом, для него «слаще любой музыки в его владениях был звук правдивых слов», и он сразу же простил рыбака, сказав: «Мы оба — султаны!»

Ещё одна арабская байка повествует о трёх мужчинах, которые прибывают под стены города после заката, когда ворота закрыты. Первый, выпивоха, немедленно ярится и кричит: «Давайте вышибем проклятые ворота!» Второй, пристрастившийся к опиуму, пассивен, типичным образом соответствуя *своему* излюбленному наркотику. «Давайте поспим на земле до утра», — говорит он. Третий — курильщик каннабиса, и он смотрит на вещи характерным для них образом. «Давайте проберёмся внутрь через замочную скважину», — с глубокомысленным видом предлагает он…

В Индии употребление каннабиса в рекреационных целях восходит, по-видимому, примерно к пятому столетию до нашей эры, и в одном из мифов утверждается, что человечеству его подарил Шива, бог секса, опьянения и мистицизма; в других версиях этого мифа Шива на самом деле воплощается в индийской конопле. Примерно с тех времён до настоящего момента врачи в Индии прописывали экстракт каннабиса от дизентерии, солнечного удара, несварения желудка, отсутствия аппетита и других заболеваний. Шиваиты применяют его в своих религиозных обрядах, а другие секты считают его полезным в качестве духовной подготовки к чтению священных текстов или входу в священные места.

Наркотики на основе каннабиса попали во многие районы Африки в очень древние времена, но наибольшую популярность обрели ближе к современности благодаря завоевателю по имени Каламба Мукенге, который подчинил большинство племён в Конго в 1888 году и попытался объединить их в один народ. Позаимствовав идею у прежних завоевателей, Мукенге решил, что местных богов племён надо подчинить «единому Богу», который будет объединять их всех. В качестве этого подходящего для всех «Единого Бога» он избрал растение — каннабис.

В таких областях Северной Африки, в которых существовала цивилизация с древних времён, каннабис всегда играл важную роль. Пол Боулз, композитор и писатель, отметил, что наркотик-производное конопли оказал влияние на «музыку, литературу и даже некоторые аспекты архитектуры» в этом районе.

Конопля попала в Мексику, как мы убедились, после того, как Вашингтон и прочие плантаторы из Вирджинии с энтузиазмом распо-странили её на юге Соединённых Штатов. Ещё в 1902 году антрополог Карл Лумгольц писал, что некоторые индейские племена на северо-западе Мексики использовали её листья при проведении религиозных обрядов, когда не могли достать кактус пейот. Они называли её *«rosa maria»* (Роза-Мария), но так и не ясно, очеловечивали ли они её и считали ли богиней (вроде Пейотной Женщины). В местах проживания тепехуа «rosa maria» превратилась в *«santa rosa»* (Святая Роза), но во всех других местах она стала *«maria juana»* (Мэри-Джейн) — отсюда и наше современное название, марихуана. Под последним названием она прославилась в знаменитой строевой песне повстанцев Панчо Вильи во времена мексиканской революции 1910–1920 годов:

> La cucaracha, la cucaracha,
> Ya no puede caminar,
> Porque no tiene, porque no tiene,
> Marijuana que fumar.

> («А таракашке сегодня тяжко, совсем не может он ходить. Ах, дайте, дайте скорей бедняжке марихуаны покурить»). Отсюда могло пойти нынешнее жаргонное выражение roach («таракан» означающее кончик сигареты с марихуаной).

Интересный мексиканский ритуал, включающий употребление марихуаны, описывается в книге «Плоть богов» *(Flesh of the Cods)* Питера Фёрста (Peter Furst), речь там идёт об индейцах тепехуа. Они считают это растение потенциально опасным (как и наши законодатели в Вашингтоне), но управляются с ним посредством ритуала, а не законов, увязывая его употребление с поклонением трём самым могущественным местным божествам, Иисусу, Богоматери и солнцу. С молитвой, а иногда смехом, они накуриваются, окружённые песнями, речами, звоном колокольчиков, танцами, декламацией нараспев и свистом. Эта церемония не только позволяет каждому молящемуся встретиться лицом к лицу со своим божеством, но, как считается, и исцеляет любые болезни у живущих в селении

детей.

Комик Флип Уилсон на вечернем ток-шоу, посвящённом марихуане, описал похожую синкретическую религию (на этот раз объединившую в себе анашу, христианство и верования народов Африки), которая встретилась ему на одном из островов в Карибском море.

Старый джазмен однажды рассказал мне о неизвестном антропологам культе, который процветал в Чикаго в тридцатые годы двадцатого века. В тот единственный раз, когда ему позволили присутствовать на одной из их церемоний, там присутствовали шесть последователей культа, все они были музыкантами, некоторые — белыми, некоторые чёрными. Каждую сигарету с марихуаной зажигал жрец или шаман, а затем её передавали по кругу, так, как это принято делать среди курильщиков анаши и сейчас. Церемоний не было, было только созерцание и периодические «заявления» вроде практикуемых «Обществом друзей» (квакерами). У каждого участника было божественное имя, и когда заявлений было негусто, жрец время от времени просил их сделать.

«Как оно у Господа Кришны?» — мог спросить он.

«Господь Кришна в покое на втором уровне», — ответ мог быть таков.

«Как оно у Господа Шивы?» — мог спросить жрец следующего.

«Господь Шива в блаженстве на пятом уровне», — отвечали ему.

Мой друг не располагает сведениями об истоках этого культа, о том, как они придумали называть себя именами из индуизма, о загадочных (каббалистических?) выражениях насчёт уровней (астральных?) и обо всём прочем. Я привожу эти сведения здесь не из-за того, что они сами по себе любопытны, но в надежде на то, что какой-нибудь сведущий историк джаза или антрополог сможет лучше прояснить этот вопрос.

Ещё более современный культ в духе традиционного шаманизма, связанный с марихуаной, показывали в передаче «CBS News» в 1970 году, в нём состояли несколько американских солдат, служивших во Вьетнаме. Солдаты использовали дробовик — являвшийся объектом религиозного поклонения и называемый ими «Ральфом» — чтобы выкуривать кучи травы, дико упарываясь. Командир взвода, будто шаман из каменного века, разряжал дробовик, забивал травку в отверстие для патронов, а потом выдыхал дым по очереди каждому из солдат в рот. Профессор Питер Фёрст, антрополог, в этой связи отметил, что подобная «спонтанная ритуализация» практически является

неотъемлемой частью употребления психоделиков (сравните только что приведённую историю с традицией передавать друг другу косяк в «волшебном круге», распространённой даже среди самых легкомысленных курильщиков) и применение смертоносного оружия здесь странным образом схоже с тем, как некоторые южноамериканские индейцы в психоделических религиозных обрядах используют трубки, схожие со смертоносными духовыми ружьями.

Анаша и секс

За марихуаной уже давно закрепилась репутация «самого мощного афродизиака в мире», цитируя детективный роман Джона Диксона Карра «Вне подозрений». Современные светила оспаривают это утверждение и заявляют, что ни анаша, ни любое другое вещество не является настоящим афродизиаком. То есть употребление анаши или любого другого наркотика не вызовут у человека страсть в нейтральной во всех остальных отношениях ситуации.

Однако нет ни малейшего сомнения, что марихуана у многих действительно улучшает секс при благоприятных условиях.

Когда речь шла о гашише, мы уже приводили несколько типичных рассказов употреблявших его из книги Барбары Льюис «Сексуальное влияние марихуаны». Вот ещё показания из того же источника:

> *38-летний диктор на радио:*
> Тело женщины превращается в кафетерий. Тебе хочется съесть каждую его часть. Ни одна его часть не запретна, и всё же все они святы.

> *Домохозяйка, 31 год:*
> Это длилось вечно. Всё — прелюдия, сам акт, оргазм. Я уверена в том, что марихуана продлевает секс за пределы обычного. Она повышает вашу выносливость.

> *22-летняя студентка Университета Нью-Мексико:*
> Я знаю, что на самом деле марихуана — не афродизиак. Но для меня это не так. Потому что когда мы курим с моим молодым человеком, ощущения доходят прямо до моих гениталий. Он может находиться в другой комнате, а я почувствую это во влагалище. Это происходит почти что само по себе.

26-летняя домохозяйка рассказала, как попробовала марихуану в полдень, будучи одна дома:

Я так распалилась, что позвонила на работу моему мужу и требовала, чтобы он немедленно приехал домой. Когда он отказал мне… меня так донимало это чувство, что я пошла в спальню и помастурбировала.

Бывший комиссар Федерального бюро по наркотикам Гарри Анслингер:

На самых ранних стадиях интоксикации оказывается сломлена сила воли… моральные преграды рушатся, что часто ведёт к распутству и половым сношениям.

Доктор Джеймс Фэйдимэн (James Fadiman), психолог:

Марихуана помогает вам прислушаться к вашим чувствам. Всё, что помогает вам лучше сознавать, улучшает секс.

Обычно приверженцы марихуаны упоминают повышенную чувствительность, эмпатию, и так далее. И напротив, издатель медицинского журнала рассказал Барбаре Льюис, что марихуана улучшила его сексуальную жизнь, сделав его брутальнее:

Почему я стал лучше в постели? Потому что я обнаружил, что стал трахать женщин гораздо жёстче, чем мне случалось ранее. Я готов принять тот факт, что некоторым женщинам нравится, когда их жёстко ебут.

Студент университета Беркли заявил, вторя нашим заявлениям относительно свойств йоги секса:

Ты действительно занимаешься любовью по часу, по полтора часа. Без марихуаны ты приступаешь к самой ебле гораздо раньше и она заканчивается гораздо раньше.

У 22-летней студентки с Лонг-Айленда был опыт, который приверженцы йоги секса тоже узнают:

Иногда после того, как я покурю, я буквально ощущаю себя здоровой пиздой. И что он — гигантский пенис. Так видишь себя мысленным взглядом.

32-летний фармацевт из Калифорнии сообщил о таком же традиционном для оккультизма опыте:

Я иногда чувствую себя будто огромным половым

членом, будто я воспроизвожу толчки пениса. А тело женщины всё превращается в одну глубокую вагину. Это восхитительное ощущение, ему свойственен свой ритм, своё движение и музыка.

Доктор Луис Джольон Уэст, психиатр:

Во многих публикациях неоднократно упоминалось, что марихуана — не афродизиак. Но я думаю, будет справедливо сделать обобщение, заявив, что марихуана усиливает аппетит — в любой области, включая сексуальный аппетит, и если человек употребил марихуану, ему потребуется меньшая психосоциальная стимуляция, чтобы достичь соответствующего настроя, чем если бы он оставался абсолютно трезвым.

Конечно, есть некоторые люди, которые сообщают о полном отсутствии эффекта от марихуаны в области секса. Это не должно нас удивлять. Нет настоящего афродизиака, как мы несколько раз отмечали — по крайней мере, нет в традиционном мифическом смысле вещества, которое у всех употребивших его вызывает один и тот же род сексуального влечения. Первый закон психофармакологии — это то, что воздействие любого вещества отчасти зависит от самого вещества, а отчасти от *установки* и *обстановки* (душевного настроя человека и действующих сил в окружающей его среде). Если принимать это во внимание, возможно, смело можно говорить, что имеющиеся на настоящий момент данные достаточно убедительно показывают, что марихуана для подавляющего большинства употреблявших её несомненно является безопасным и приятным средством улучшить свои сексуальные переживания.

Опасность травы

Конечно, многие до сих пор заявляют, что травка ужасно опасна. Их доводы становятся все более и более неубедительными. Сложно найти научные данные, которые бы подтверждали их заявления, а вот когда ищешь научные данные, подтверждающие, что анаша не опасней для человеческой цивилизации, чем жвачка, вы буквально тонете в потоке свидетельств.

В 1982 году правительство Англии назначило Комиссию по вопросу наркотиков на основе конопли, задачей которой стало исследование ситуации с употреблением наркотиков на основе

каннабиса в Индии, где каннабис обычно употребляют в составе молочного напитка *«бханг»* или курят в виде *«чараса»*, который, как правило, считается более мощным, чем марихуана (по некоторым оценкам, действие *чараса* даже мощнее, чем действие гашиша). Комиссия, опросив тысячи врачей и употребляющих эти наркотики граждан и исследовав все рассказы о «зависимости» или «психозах», возникших в результате злоупотребления ими, на что потребовалось два года, заключила, что каннабис не вызывает зависимости, что, как правило, распространено «умеренное употребление» веществ, что чрезмерное употребление или злоупотребление происходит редко, что рассказы о «психозах» не имеют реальной основы, и что рассматриваемые наркотики не представляют угрозы; комиссия рекомендовала не принимать ограничительные законы, и они не принимались до того момента, как Индия ратифицировала конвенцию ООН о наркотических средствах спустя более пятидесяти лет — что было сделано, по свидетельствам доктора Джоэла Форта, бывшего в тот момент консультантом во Всемирной Организации Здравоохранения, лишь потому, что американская делегация принудила индийцев к этому. И даже тогда в Индии не объявили вне закона соцветия конопли, из которых делается марихуана.

В 1923 году армия США, не особо славящаяся своей либеральностью, также предпринимала расследование в связи с курением марихуаны среди американских солдат в зоне Панамского канала. И снова в заключительной части отчёта сообщалось, что привычка безвредна и запрещать её нет нужды; отмечалось, что алкоголь создавал больше неприятностей для тех солдат, которые его употребляли.

В 1942 году комиссия Ла Гуардии занималась вопросом пристрастия к марихуане жителей Нью-Йорка, и также пришла к выводу, что курение травки не вызывает зависимости и не оказывает ярко выраженного вредного воздействия даже на тех, кто курит на протяжении десятилетий (консерваторы часто заявляют, что Американская Медицинская Ассоциация опровергла отчёт комиссии Ла Гуардии. Это не совсем так. *Один* из авторов статей для «Журнала АМА» не признал этот документ).

В 1968 году доктора Цинберг и Вайль в Бостоне провели одно из наиболее серьёзных научных исследований марихуаны для того времени. Они также не обнаружили ярко выраженного вредного действия. Впоследствии я беседовал с доктором Цинбергом, и он упомянул, что он *встречал* у некоторых употреблявших марихуану временное состояние, напоминающее психоз, хотя в контрольной группе этого исследования такого не происходило. Он подчеркнул, что подобные состояния всегда

носили временный характер и встречались только у людей, ранее не знакомых с действием наркотика — обычно, как он сказал, это были родители, которых приобщили их дети. Транквилизаторы успокаивали их быстро, в течение нескольких часов, добавил он.

Заседание президентской комиссии по вопросу марихуаны (22 марта 1972 года), что хорошо известно, пришло к тем же основным выводам, и комиссия рекомендовала отменить тюремные сроки за курение травки. Президент Никсон, однако, не согласился с выводами комиссии, сказав, по сути, что их доказательства не подтвердили те заключения, к которым он пришёл до того, как эти доказательства были собраны. Как и в случае с собиравшейся до того Комиссией по порнографии, президент, видимо, посчитал, что научными данными законодатели должны руководствоваться только тогда, когда данные не противоречат их интуитивным заключениям; многие люди относятся к науке подобным образом, но немногие настолько необычайно прямо заявляли об этом, как это делал г-н Никсон.

«Применение наркотиков вне медицины» (Non-Medical Use of Drugs) — промежуточный отчёт комиссии, сформированной правительством Канады, содержит те же самые общие выводы и рекомендации отменить уголовное преследование из-за курения травки.

Для того, чтобы сейчас считать, что анаша действительно вредна для здоровья, нужно исходить из предположения о длящемся 80 лет заговоре докторов медицины, химиков, психологов, психиатров, государственных чиновников и офицеров армии нескольких стран на четырёх континентах, намеренно искажающих добытые ими свидетельства, чтобы скрыть предполагаемое вредное воздействие. Члены Общества Джона Бёрча, может, и верят в подобные заговоры, но для остальных людей заключение о вреде марихуаны по меньшей мере должно быть таким: вред не доказан.

Кроме того, достаточно доказательств того, что марихуана может оказывать благоприятное воздействие. Доктор Тод Микурия, психиатр из Сан-Франциско, собрал в буквальном смысле сотни выдержек из американских медицинских журналов девятнадцатого столетия, в которых препараты конопли рекомендовали для борьбы с зубной болью и другими видами боли, при меланхолии и депрессивных состояниях, и даже как антибиотики, предполагалось, что ими можно излечить гонорею. Некоторые из этих заявлений, возможно, соответствовали истине, утверждает доктор Микурия, поскольку всё-таки это писали ответственные медики, и эти заявления стоит рассмотреть

подробнее. В конце концов, добавляет он, доктор Мортон подарил анестезии *эфир* после того, как понаблюдал за тем, как студенты-медики в Гарварде угашивались до умопомрачения во время эфирной гулянки *(ether frolic)* — аналога вечеринки с анашой из девятнадцатого века; нельзя допускать, чтобы из-за рекреационного употребления наркотика мы не замечали других возможностей для его применения.

Доктор Соломон Снайдер последовал примеру доктора Микурии, и в своей книге «Применение марихуаны» *(Uses of Marijuana)* рассмотрел факт широкого распространения препаратов конопли в медицине девятнадцатого столетия, от использования которых отказались в итоге лишь потому, что состояние химической науки в то время не позволяло с лёгкостью дозировать этот изменчивый наркотик. Доктор Снайдер отмечает, что это больше не актуально с тех пор, как был выделен активный компонент тетрагидроканнабинол, а также он призывает к дальнейшим исследованиям, особенно исследованиям обезболивающего действия травки в таких болезненных случаях, как мигрени и менструальные боли (некоторые отрывки из его книги, касающиеся применения конопли для борьбы с синдромом отмены опиоидов, наводят на мысли о том, что, возможно, стоило бы попробовать особые препараты конопли для борьбы с героиновым синдромом отмены, хотя все героинозависимые и утверждают, что обычная марихуана не помогает). Доктор Ллойд Томпсон, английский психиатр, который в сороковых годах работал с парагексилом, производным каннабинола высокой мощности, обнаружил, что он оказался очень полезен при различных видах депрессивного психоза, когда обычные транквилизаторы не действовали).[46]

Врачи в Индии, как мы упоминали ранее, с давних пор считали, что каннабис полезен при излечении широкого ряда заболеваний. Доктор Джоэл Форт, непосредственно изучавший этот вопрос в Индии и других восточных странах, где такое применение наркотика в медицине распространено, заключает, что травка «может быть полезна для лечения депрессии, стимуляции аппетита,[47] смягчения головных болей, понижения высокого кровяного давления и достижения успокоения и расслабления пациента». Он добавляет, что «для некоторых душевнобольных марихуана может быть предпочтительнее любого из применяющихся на данный момент транквилизаторов» (Барбара Льюис в «Сексуальном влиянии марихуаны» утверждает, что «неожиданно очень многие из употреблявших марихуану… рассказывали мне, что их психотерапевты на самом деле одобряли и обсуждали с ними их травяной опыт». Одна женщина

рассказала г-же Льюис, что когда она попросила своего психиатра выписать ей транквилизаторы, он сказал ей, что, по его мнению, марихуана надёжнее).

Даже армия США, оказывается, нашла в «поганой конопле» целебные свойства. В данном случае, однако, научные данные намеренно замалчивались на протяжении более чем десяти лет — очевидно, из страха поставить в неловкое положение другие государственные органы, делавшие заявления о том, что анаша неприменима в медицине и её употребление несёт исключительно разрушительные последствия. Данные были собраны в 1955–1959 годах, а опубликованы лишь в 1971 году после того, как один из участвовавших в проекте учёных практически вынудил их рассекретить. В этом отчёте было обозначено столько возможностей применения производных каннабиса, что один из экспертов предположил, что трава может заменить пенициллин в качестве самого полезного универсального «чудо-лекарства» нашего времени. Среди результатов исследований были следующие: При помощи ТГК (тетрагидроканнабинола) собак погружали в «спячку», глубокий сон, который длился восемь дней, после пробуждения от которого негативных эффектов не было обнаружено. Если бы это можно было применить к людям, например, к раненым, которые не могут получить должную медицинскую помощь (к примеру, пострадавшим во время авианалёта, раненым на поле боя, в джунглях, горах и так далее), можно было бы погружать их в бессознательное состояние до момента перемещения их в центры оказания медицинской помощи.

Поскольку количество употребляющих марихуану граждан в Соединённых Штатах дошло по меньшей мере до 50 миллионов, как пишет профессор Уильям Макглотлин и другие авторитетные личности (доктор Майкл Олдрич, открыто выступающий в защиту анаши, оценивает их количество 70 миллионами), действующие на данный момент законы должны быть в итоге обречены. Когда столько граждан настроены против закона, невозможно поддерживать его исполнение, как мы должны были убедиться во времена «сухого закона» (1920–1933 годы). Единственным вопросом остаётся такой: как долго правительство будет сопротивляться неизбежному, сажать ни в чём не повинных граждан в тюрьмы и препятствовать исследованиям, которые могут подтвердить множество вероятных преимуществ этого растения? Принимая во внимание историю действий правительства, единственный ответ на этот вопрос таков: дольше, куда дольше, чем мог бы предположить любой разумный человек.

К 1998 году основные заболевания, в случае которых

марихуана приносит больше всего пользы — это рак и СПИД. Это стало настолько широко известно, что граждане двух штатов (Калифорнии и Аризоны) проголосовали за то, чтобы легализовать применение Дьявольского Зелья в медицине при таких заболеваниях; но, как упоминалось выше, федеральное правительство запугивало всех врачей, которые осмелились назначать марихуану или её производные при этих или других заболеваниях. Большинство врачей, по-видимому, оказались запуганы, но немногие остались достаточно бесстрашными и человеколюбивыми, чтобы выписывать рецепты тем, у кого острые боли явно уменьшаются или исчезают с применением конопли. Президент Клинтон и его министерство юстиции всё ещё издают угрожающие звуки, но только в Сан-Франциско приблизительно три тысячи больных раком и СПИДом получают наркотик полулегально через «Клуб лечения коноплёй» (Cannabis Healing Club). Законность получения федералами власти, позволяющей решать, как сильно должен страдать больной человек до того, как умрёт, остаётся под вопросом. Конституция уж точно не наделяла такой садистской властью ни одну часть правительства.

Марихуана и фригидность

Среди преимуществ марихуаны, о которых практически не пишут в медицинской и психиатрической литературе, но много говорят в наркокультуре — её предположительная способность исцелять некоторые случаи фригидности. Очень сложно дать этому надлежащую оценку. У Джейн, история которой была рассказана в прелюдии, была настолько серьёзная проблема, что даже настолько сильные наркотики, как гашиш и пейот не смогли заставить её раскрыться, и только ЛСД в итоге помогло ей (что, по-видимому, стоило ей пребывания в психиатрической лечебнице на протяжении нескольких месяцев). Ещё одна моя знакомая призналась в своей фригидности, а курит травку она уже 12 лет как (она также пробовала ЛСД и мескалин, которые никак не повлияли на её проблему с сексом). Я, впрочем, слышал бесчисленное количество рассказов о молодых женщинах, для которых проблема фригидности существовала всего лишь несколько лет и оргазма которым достичь помогла марихуана (или надежда и вера в то, что марихуана им поможет, как сказали бы скептики).

Доктор Луис Джольон Уэст рассказал Барбаре Льюис, что «беседовал с молодыми девушками, у которых имелся некоторый сексуальный опыт, а также и с более взрослыми женщинами,

занимавшимися сексом уже на протяжении какого-то времени. Все были способны испытывать удовольствие от секса и сексуальное возбуждение, но ни разу не испытывали оргазм. Под действием марихуаны он у них был». Доктор Уэст добавляет, что он склоняется к тому объяснению, что этот эффект скорее лежит в области психологии, чем медицины. Скорее всего он прав. Почти во всех случаях у фригидности психологическая подоплёка, а следовательно, все способы исцеления (в случаях разных женщин) должны быть психологическими, включая те, которые связаны с переобучением тела вроде методов Мастерса и Джонсон.

В книге г-жи Льюис «Сексуальное воздействие марихуаны» приведены три истории болезни женщин, которые, по всей видимости, излечились от фригидности под действием марихуаны. Впоследствии все они смогли достичь оргазма даже без травки.

Вот один из примеров из книги г-жи Льюис, история, рассказанная женщиной, названной в книге «Хизер», бывшей фригидной на протяжении 12 лет, а затем начавшей экспериментировать с марихуаной и другими вспомогательными средствами:

> «Сперва мы воспользовались вибратором, чтобы помочь мне достичь оргазма, клиторального оргазма, и для меня это был грандиозный шаг. За двадцать шесть лет я не испытывала оргазм ни разу! Но это был не настолько важный момент, как тот, когда я три недели назад достигла первого вагинального оргазма».
>
> Несмотря на всю открытость, с которой Хизер рассказывала о себе, описывать, как это произошло, оказалось для неё неудобно. «Умом я понимаю, что должна быть готова рассказать об этом, но эмоционально это тяжело», — призналась она. Но для таких новых курильщиков марихуаны характерно, как я обнаружил, стремиться к тому, чтобы быть максимально открытыми. «Честность» была тем качеством, к которому они стремились, и Хизер не была исключением.
>
> «Ну… мы с Питом поговорили обо всём. У нас не было друг от друга тайн. Я рассказала ему про одну из моих фантазий — про то, как меня ебут привязанную. Я хотела разыграть это наяву. Я подумала, что мы оба могли бы что-то вынести из исследования этого так называемого "извращения". Мы накурились, и, скажу я вам, я так сильно никогда за всю жизнь не накуривалась. Я по-настоящему была на волне.

Я была распластана на кровати, лежала на спине, а мои руки и ноги были привязаны к четырём ножкам. Сначала всё было очень медленно. Два часа мы ласкались, это были самые впечатляющие ласки, мы просто позволяли им случиться. Затем Пит какое-то время лежал подле меня, ничего не делал, просто говорил со мной, напоминая, что он делает это по своему желанию, что беспокоиться не о чем. Потому что я всегда обламывалась из-за того, что беспокоюсь о глупых вещах вроде того, насколько правильная у меня реакция, насколько "годно" я занималась любовью.

Наконец я потеряла контроль — мышцы моего лица дёргались. Мои руки начало покалывать, и я не могла пошевелить ладонями — их как будто парализовало. Я помню, что чувствовала, что это было слишком, будто бы я взорвусь. Я просто не могла этого вынести. В какой-то момент я начала плакать, но Пит очень испугался, так что я немного взяла себя в руки.

Тогда, когда он лёг на меня и мы начали трахаться, я поняла, что это произойдёт и ничего не сможет этому помешать. Звучит глупо, но я почувствовала, будто лечу по вселенной — это такая мистическая штука, которая случается под травкой — и увидела себя, окружённую звёздами. Потом я гораздо более отчётливо осознала, что делает моё тело — оно начало биться в судорогах, ходить волной вверх-вниз. Я полу-плакала, полу-задыхалась. Наконец я испытала этот невероятный оргазм. Я чувствовала его всем телом. Когда я "пришла в себя", я убедила Пита, что со мной всё в порядке, и он сделал своё дело».

Эта область определённо заслуживает более подробного исследования, поскольку, согласно данным Кинси, двое из пяти американок испытывают трудности с достижением оргазма на протяжении двух лет после первого опыта половых сношений. *Но, возможно, такие исследования уже провели, и результаты оказались благоприятными. Другими словами, науке может быть об этом неизвестно, потому что у исследователей нет учёных степеней и они, по закону страны, являются преступниками.* Эта гипотеза, выдвинутая не в шутку, может служить объяснением того, почему курение марихуаны из пристрастия нескольких сотен тысяч чёрных и мексикано-американцев в 1930-х годах превратилось в увлечение, которое разделяют от 30 до 70 миллионов американцев сегодня.

Несомненно, существует множество других факторов, объясняющих рост количества пристрастившихся к курению марихуаны. Оно с давних пор вызывает ассоциации с джазовыми и рок-музыкантами, а склонность к подражанию любимым артистам есть у всех; оно вызывает многие забавные и интересные ощущения несексуального толка; это (обычно) более дешёвый вариант опьянения, чем алкоголь. (Последний факт несомненно сильно повлиял на популярность травки в гетто). Как бы то ни было, рост числа употребляющих марихуану является одной из самых ошеломляющих историй успеха нашего времени, любой бизнесмен был бы рад похвастаться таким успехом своего продукта (за 60 лет повышение примерно до 6000 процентов) — и причиной может служить лишь какое-то очень сильное и яркое привлекательное свойство. Семьдесят три процента курильщиков анаши в ранее упомянутом опросе Макглотлина-Уэста заявили, что главной причиной того, что они курят травку, было «увеличение сексуального удовлетворения», и я склоняюсь к тому, чтобы им верить. Опережая психоанализ или Мастерса и Джонсон, марихуана показала миллионам американцев, что половой акт не обязательно должен быть «мимолётной шалостью», которую порицал Шекспир, но может стать событием, исполненным вселенского величия.

Интерлюдия.
Тайны пригорода: история Джорджа и Марты

Но непосвящённым всегда говори: «То, что о Ведьмах болтают, будто бы они летают по воздуху — вздор. Для этого они должны быть лёгкими как пёрышко. И ещё люди говорят, что все Ведьмы — подслеповатые старухи, так что как возможно сладострастие на шабаше ведьм, о котором ходят слухи?»

И говори: «Сейчас многие мудрецы говорят, что такого в природе нет». Всегда обращай это в шутку и, возможно, в грядущие времена преследования прекратятся и мы сможем поклоняться нашим Богам в безопасности снова.

— «Книга теней»

Джордж — инженер в одной из крупнейших инженерно-консультационных фирм в Соединённых Штатах. Он лысеет, ему около пятидесяти, придерживается консервативного стиля в одежде. Он живёт со своей женой Мартой в пригороде Филадельфии, у которого репутация настолько консервативного места, что радикалы иногда в шутку употребляют его название как синоним всего старомодного, зашуганного, скучного и гнетущего.

Каждое утро Джордж просыпается, чистит зубы, тщательно бреется (несмотря на то, что бороды у полных мужчин его возраста потихоньку перестают считаться чем-то возмутительным, он не собирается даже выказывать никаких внешних признаков умеренного индивидуализма) и едет на машине в Филадельфию. Весь день он корпит над техническими подробностями производства новых смертоносных игрушек для Пентагона, с помощью которых тот будет пугать своих конкурентов и убивать врагов. Марта занимается домашним хозяйством, иногда отправляется сыграть партию в бридж с соседками, иногда пишет стихотворения о природе, которые

часто публикуют в миленьких женских журналах-предшественниках «Космо».

Они выглядят как идеальные «средние американцы», и все их соседи считают их таковыми.

Естественно, с Джорджем и Мартой не всё так просто, как кажется (иначе их бы не было в этой книге). Они курят анашу дольше, чем любые другие знакомые мне люди. Марту приобщил бывший кавалер, а она приобщила Джорджа вскоре после того, как они поженились.

«Он был музыкант, играл джаз», — сказала Марта, когда рассказывала мне об этой практически допотопной инициации. «Я тогда была такая модница. Это было так давно, что не было даже слова «бит-поколение». Мы себя называли попросту богемой».

Как бы ни боялся травы Джордж поначалу, со временем он превратился в её преданного сторонника.

По большей части Джордж и Марта курят вдвоём, в своей спальне поздно вечером. «И я опрыскиваю там всё после этого тремя разными освежителями воздуха», — с улыбкой добавляет Марта.

До шестидесятых Джордж и Марта никогда особо не боялись, что их застукают. Никто в этом пригородном гнезде республиканцев и грешников и не подумал бы, что их соседи предаются столь экзотическому, нехарактерному для белых людей пороку — в эпоху Трумэна и Эйзенхауэра уж точно. «Славные были деньки», — говорит Марта. «Это была наша маленькая тайна, и пока окна были наглухо закрыты, бояться нам было нечего».

Всё поменялось с наступлением шестидесятых. «Вокруг нас постоянно загребали молодёжь», — говорит Джордж. «Копы даже купили собаку, которая вынюхивала анашу. Они ходили по улицам ночью, а пёс лаял, когда чуял запах. Тогда они вламывались в дом. Это нарушало Конституцию, конечно, но тут любого, кто заговорит про Конституцию, считают коммунистом. [48] Мы помалкивали, и я накупил всяких хитрых замков, а кое-какие штучки сконструировал сам». Джордж, насколько мне известно, может считаться изобретателем ящичка для хранения запасов травы с возможностью уничтожать содержимое; он как минимум сконструировал один экземпляр. Никто из тех, кто вломался бы к ним в дом, с предупреждением или без предупреждения, никогда не нашёл бы вещественных доказательств.

Некоторые беспечные планокуры, с которыми я знаком, посчитали бы Джорджа параноиком — но они не боятся потерять такую работу, как у него.

Вот скажем, Джордж и Марта всегда открывают бутылку виски и делают по небольшому глотку перед тем, как накуриться. Если когда-нибудь к ним вломятся копы, то, арестуют ли Джорджа и Марту, будет зависеть от того, насколько «накуренными» они будут выглядеть, так как никаких материальных улик, выдающих наличие марихуаны, не будет. Они, таким образом, собираются пролить на пол виски и притвориться пьяными, чтобы скрыть, что действительно вызвало их румянец.

Джордж также пожертвовал крупную сумму, когда местная полиция собирала деньги с граждан, чтобы напечатать брошюру о вреде наркотиков, которую предполагалось раздавать в местной средней школе. «Я как-то херово себя чувствую из-за этого», — признаётся он. «В брошюре была уйма самых идиотских мифов из тридцатых годов — детишки, должно быть, смеялись над этим — но это по меньшей мере дало мне возможность встретиться с местными наркополицейскими и произвести на них впечатление по-настоящему законопослушного гражданина». Джордж знает, насколько ценная вещь имидж, и ожидает, что произведённое на них впечатление замедлит их настолько же, насколько его хитрые замки — если они вообще решат когда-нибудь ворваться к нему в дом.

За минуту и сорок секунд (говорит он мне, так как засекал время) он может сжечь весь запас травы в ящичке, а Марта опрыскает всю комнату тремя видами освежителей воздуха. В спальне есть своя специальная задвижка, чтобы задержать копов после того, как они попадут в дом через парадную дверь. Выглядит круто.

Но всё же Джордж не удовлетворён. Он человек методичный, и любит ко всем задачам подходить с научной точки зрения. Некоторое время он экспериментировал с запеканием травы в шоколадные пирожные или брауни («никакого дыма, никаких запахов, которые могла бы вынюхать их проклятая собака»), но в ящичке, температура в котором достигает 500 градусов Цельсия за 30 секунд, всё-таки остаются следы, когда кладёшь туда пирожные или брауни. А ещё он прикупил «гарантированно не содержащую следов наркотиков мочу» где-то в Боулдере, и натренировал ловкость рук настолько, чтобы обхитрить Полицию Урины.

Джордж, что любопытно, не думает, что марихуану нужно легализовать. Если уж на то пошло, он не думает, что запреты на продажу спиртного нужно полностью отменить.

«Лучший подход ко всем наркотикам, — говорит он, — это то, как канадцы поступают со спиртным. Так злоупотребляющие

ими не будут представлять опасности для всех остальных, а взрослым, ответственным людям это даст возможность самим принимать решения, а не ждать каких-то милостей от государства.

У канадцев алкоголь продаётся только в контролируемых государством магазинах, и для его приобретения нужна лицензия. Если вас арестуют на улице за нарушение общественного спокойствия в пьяном виде, или вы попадёте в автомобильную аварию в состоянии опьянения, лицензия временно становится недействительной. Если проступки повторяются, лицензии могут лишить насовсем.

«Это — разумный подход ко всем веществам», — говорит Джордж. «Если люди хотят накуриваться дома, это их дело, общество не имеет права вмешиваться. Если они вылезают на улицу и достают других или что-нибудь ломают, тогда пусть общество с ними разбирается. Это простое, удобное, продуманное разделение, которое сможет понять даже пятилетний ребёнок. Частное, безвредное употребление никого не касается. Посягающее на чьи-то права или разрушительное поведение в результате употребления касается всех. Что может быть яснее?»

Наше общество сейчас определяет употребившего наркотик человека как нарушителя закона, основываясь исключительно на том, какой наркотик он употребил, не считаясь с тем, нанёс ли он какой-либо вред другим. Джорджу приходится жить по тем законам, которые есть, и он принимает все меры предосторожности, чтобы не попасться.

«Неудивительно, что так много подростков злы и отчуждены», — говорит Марта. «Ты как будто живёшь в оккупированной стране. Я, честно, не чувствую, что кто-либо обладающий властью — копы, Конгресс, кто угодно — представляет мои интересы. Иногда мне кажется, будто я живу в одном из старинных фильмов про оккупированную Европу из сороковых годов».

Именно так чувствует себя большинство курильщиков анаши. Если их действительно 60 миллионов, как это предполагается по некоторым оценкам, они — самое многочисленное меньшинство в стране (для сравнения, чернокожих американцев только 20 миллионов), и всё же они живут в странном мире французского Сопротивления.

(Их разговоры по телефону могут быть потешными:

«Э, Сэм? Это Билл».

«А, привет, Билл. Что случилось?»

«Э, Чарли тут только что вернулся из, э, Техаса, и привёз интересную мексиканскую посуду».

«Посуду? ..А! Я понял. Да, я бы с удовольствием пополнил ей мою коллекцию керамики».

«Ну, теперь ты в курсе, парень».

«Сейчас приеду».)

Марта и Джордж решили проблему снабжения в манере, типичной для их осторожного подхода к нарушению законов. Сейчас их дилер — студент, учащийся в колледже, который находится в городке за несколько километров от их пригорода. Таким образом, среди тучи юных курильщиков анаши в их городке нет ни одного, у которого они бы когда-либо что-то купили, и ни одного, которому было бы известно, что они дуют траву. Неважно, сколько облав будет в кварталах к северу, востоку, югу или западу от них, их имена не всплывут ни в чьих признательных показаниях.

Джордж, показывая этот список предосторожностей мне, был одновременно и горд, и стеснителен. Он гордился исключительным вниманием к мелочам, которое проявили они с Мартой, но стеснялся оттого, что боялся, что я посчитаю его параноиком.

Я не посчитал. По моим ощущениям, со времён Рузвельта федеральное правительство разрослось до таких левиафановских масштабов, что каждый, кто не параноит, видимо, должен сидеть на мощных транквилизаторах.

Джордж и Марта никогда не пробовали ЛСД или какие-либо психоделики. «Мне не особо интересен Бог и вся эта мистическая хрень», — резко ответил Джордж, когда я его спросил об этом. «Меня достаточно сильно уносит и от травы», — добавляет Марта и читает одно из своих стихотворений о природе, чтобы доказать это.

У Джорджа другие причины. «У торчка, — говорит Джордж, — нет выбора. Он на крючке. А если человек не торчок, у него есть свобода ответить «да» или «нет», то он должен быть психом, чтобы съесть таблетку или занюхать порошок заведомо нелегального производства. Тут просто нет способа узнать, что тебе всучили».

Короче говоря, Джордж и Марта — идеальная, уравновешенная пара из сказки… если не считать курения марихуаны.

И ещё одной тайны.

Я её обнаружил не сразу — так же как и об их тайном пристрастии к анаше я узнал после года дружеских отношений.

(До сих пор я пребываю в убеждении, что они рассказали мне об этом, потому что надеялись, что я, писатель с бородой, мог

приторговывать травкой).

Как-то раз в прекрасный апрельский денёк, в субботу, на втором году нашего дружеского знакомства, я зашёл к ним в гости и выпил по паре пив с Джорджем. Через какое-то время, после того, как с пивом в уилсоновском брюхе произошло обычное химическое превращение, я извинился и пошёл наверх по лестнице в туалет. Возвращаясь, я повернулся и пошёл не в ту сторону. Я оказался в спальне Джорджа и Марты.

Там, увеличенный в два раза по сравнению с оригиналом, нарисованный самими яркими цветами, которые только можно себе представить, на меня уставился лик тогдашнего Папы. А ещё он смотрел вниз, как я заметил, прямо на кровать. У него было сердитое, неодобрительное выражение лица (такое, какое часто можно встретить у изображений католических святых), будто он в тысячный раз собирался объяснять миссис Мёрфи, что нет, противозачаточными средствами нельзя пользоваться, хоть вы уже и нарожали двенадцать детей. И — как я снова заметил — похоже, он пялился прямо на кровать.

«Ты католик?» — позднее в тот же день спросил я у Джорджа.

«Бывший католик», — сказал он. «*Совсем* бывший. Мне по барабану вся эта мистическая муть, вся эта болтовня. Я время от времени хожу в местную епископальную церковь, но только для вида. Атомизм отвечает на все философские вопросы, которые я когда-либо хотел задать».

Ну, он так утверждает. Если бы я насел на него с вопросами про портрет Папы, он, наверно, сказал бы, что купил его на барахолке или распродаже, что-нибудь такое, просто из-за того, что благодаря жутким цветам и ханжеской мине это казалось забавным или вульгарно-претенциозным. О, да, я уверен, что объяснение этому такое — по крайней мере сознательное объяснение.

Однако Папа пялится на кровать, и перед его благочестивым ликом разворачиваются все картины вдохновлённого анашой, акробатического секса, который может быть у Джорджа с Мартой. Я подумал о теме родителей, наблюдающих и одобряющих сексуальное сношение — частой теме в порнографии и сомнительных шутках. («Вы что там творите с Мари в гостиной, Бенито?» «Мам, ебёмся!» «Вот и славно, вы только не деритесь»). Фрейдисты заявляют, что эта тема настолько популярна из-за того, что желание заниматься сексом на виду у обладающих авторитетом персон на самом деле весьма широко распространено, только существует на уровне подсознания.

А тут ещё и обвинения, раз за разом повторяющиеся в судебных процессах над ведьмами в средневековой Европе (и в

романе Гюйс-манса о дьяволопоклонничестве в девятнадцатом веке «Бездна») — в том, что ведьмы в своих обрядах используют предметы христианского культа и во время своих оргий пользуются ими как подручными средствами для секса. Некоторые из этих признаний были получены под пытками, но некоторые из них, скорее всего, подлинные. Ведьмы также использовали наркотики (упомянутые ранее белену и белладонну), которые вытаскивают спрятанные в подсознании вещи в сознающий разум. Каждый маленький мальчик, писавший на заборе «хуй тебе», действовал из тех же побуждений — чтобы заставить высшую власть столкнуться лицом к лицу с тем, что она, как заявляет, ненавидит, с тем, чего (как мы втайне верим) она жаждет так же сильно, как и все мы.

И вот за дверями дома в пригороде Джордж и Марта проходятся по всему многообразию позиций Кама Сутры (по крайней мере так себе это представляет моё несомненно нескромное воображение), дым Шивы вьётся в комнате, а на всё это смотрит Папа, но никак не может заговорить или запротестовать. А затем, отыграв роль в своём бунте и разрядившись в момент катарсиса на следующие несколько дней или неделю, Джордж просыпается наутро, облачается в свою униформу гражданина из среднего класса, и ведёт свою машину в черепашью процессию, ползущую к большому городу, ежедневной работе с её присобленчеством и ответственностью.

Уберите анашу и портрет Папы и кто знает, какой ещё вид бунта (политический? культурный? психотический?) испробуют после этого Джордж и Марта, чтобы доказать себе, что они — обладающие свободной волей индивиды, а не просто актёры в пьеске про мещан авторства доктора Лауры Шлессинджер.[49]

5.
Белые, смертоносные порошки

Так это дурь, что ошерстила скотину, что околпачила чернь, что загалдела о поруганш, что вытопило сок, что прилип к девахе?

Что ходила по штуке, что состряпал шут.

— Джеймс Джойс,
«Поминки по Финнегану»

Кокаин обладает репутацией наиболее связанного с распущенностью вещества, возможно, по достоинству. Употребляющие его больше говорят про «вспышку», а не про «кайф», и все попытки описать «вспышку» звучат вполне себе как описания оргазма. На самом деле кокаин используют для того, чтобы улучшить или обогатить секс, по меньшей мере с 1890-х годов. Алистер Кроули писал о нём, восторгаясь и иронизируя над собой:

Stab your demoniac smile to my brain
Soak me in cognac, cunt and cocaine
Heart of my heart, come out of the rain
Let's have another go of cocaine
Always go on till you have to stop
Let's have another sniff?
Over the top!

(Пронзи своей демонской усмешкой мой разум
Обмакни меня в коньяк, пизду и кокаин
Сердце сердца моего, выступи из дождя
Ещё одну понюшку кокаина
Продолжай, пока не придётся остановиться
Нюхнём ещё?
Преодолеем пределы!)

Его действие употребляющие практически неизменно описывают в тех же выражениях, что и оргазм, и так и тянет увериться в том, что кокаин некоторым образом стимулирует те же центры, которые реагируют на накопление сексуального

«заряда» и разрядку. К примеру, чернокожий автор, пишущий под псевдонимом «Айсберг Слим», описывает в своей книге «Сутенёр: история моей жизни» свою первую инъекцию кокса следующим образом:

> Меня передёрнуло, когда он меня прохватил… Будто внутри меня взорвалась тонна динамита. Мой моторчик сошёл с ума. Я чувствовал, как скребёт у меня в глотке. Будто у меня на каждом кусочке кожи от головы до ног было по перцу. И все они будто вместе *отстреливались*, доводя меня до точки, так, что все мои нервы трепало туда-сюда…
>
> Будто меня разнесло на куски и остались только глаза. Потом во мне затанцевали крохотные *колючие ножки экстаза*… Я почувствовал сверхчеловеческий прилив сил.[50]

Подобные оргазмические переживания и подобные ощущения сверхчеловеческого могущества описываются, практически в один голос, в книгах о кокаине по всему миру. Перуанские индейцы говорят о кусте *erthroxylon coca*, из которого производится это мощное зелье: «В нём воплотился Бог!» Дилер-мексиканец в фильме «Беспечный ездок», продавая белый порошок Питеру Фонде, гордо заявляет: *Esta es la Vida!* (Вот это Жизнь!) Уильям Берроуз, воспевающий психофармакологию, говорит благоговейно и просто: «Это самый возбуждающий из всех наркотиков».

По сути употребивший кокаин переживает, после оргазмической вспышки, долгое остаточное чувство (иногда оно длится до трёх часов), и во время этого ему кажется, что его практически невозможно напугать, опечалить или побороть каким-либо образом. Некоторые кокаинисты занюхивают снова через полчаса, или даже раньше, чтобы усилить оставшееся приятное чувство. Что бы ни случилось, принявший вещество в этот момент контролирует ситуацию. Ввиду этого в древности в Перу лист коки был символом высшей знати, называвшейся «Инк», и согласно мифу, дети солнца одарили этим растением человечество, чтобы «помочь несчастным забыть о страданиях».

Последствия хронического употребления, как мы увидим, не столь приятны. Стоит отметить, что кокаин может быть очень опасен, даже если не учитывать передозировку и привыкание. Большие дозы могут оказывать прямое, токсическое действие на сердечную мышцу, и приводить к немедленной смерти от остановки сердца. Запомните, что (и напишите это 1000 раз перед тем, как начать экспериментировать) в *подобных случаях смерть*

наступает слишком быстро, не позволяя оказать никакую действенную медицинскую помощь. (Если вам прямо-таки нужно попробовать упороть этот наркотик, заучите таблицу мер и весов и научитесь ей пользоваться. От этого может зависеть ваша жизнь).

Эффекты от злоупотребления кокаином уже вкратце описывались в главе 1, и мы обсудим их далее. Один из наиболее характерных побочных эффектов, что любопытно, это известные «кокаиновые жучки», рассказы о которых ходят в андеграунде уже по меньшей мере 90 лет. Это малюсенькие точки в поле зрения человека, движущиеся в типично «роящейся» манере, воспринимаемые как насекомые большинством людей, вынужденных ощущать их присутствие. В совсем тяжёлых случаях «жучков» не только видят, но и чувствуют, и они кажутся залезшими несчастному *под кожу*. Что любопытно, частое употребление «Бензедрина» или других амфетаминовых препаратов иногда вызывает то же самое видение. Водители грузовиков, которые часто сильно врезают по «Бензедрину» во время долгих перегонов, понимают, что пора съехать на обочину и отдохнуть, когда на лобовом стекле внезапно появляются «паучки».

Возможно, эти пятнышки находятся в глазу и большую часть времени их не замечают (если расслабиться и долго смотреть вверх, можно увидеть их на ясном небе безо всяких наркотиков); эти вещества-стимуляторы, по-видимому, заставляют чётче увидеть пятнышки. Что ещё более любопытно, люди, прошедшие длительный курс райхианской психотерапии зачастую видят их без всяких веществ, и в данных случаях они кажутся голубыми, но «роятся» таким же образом; их при этом связывают с «оргонной» энергией, наличие которой утверждает Райх. Наконец, обучающиеся йоге часто видят их, когда выполняют *пранаяму*, технику интенсивного дыхания в хатха- и раджа-йоге. Почему они в случае йоги или райхианства предстают в качестве благожелательных сгустков энергии, а в случае с кокаином или амфетамином в качестве невероятно раздражающих насекомых — до сих пор загадка.[51]

Со злоупотребляющими кокаином случаются вещи и похуже «кокаиновых жучков». Часто возникают симптомы, очень похожие на симптомы параноидальной шизофрении — фактически почти идентичные им. Уильям Берроуз, к примеру, рассказывает о своём приятеле, которого одолел страх легавых (ему чудились полицейские), когда он переборщил с коксом. Этот парень, как безумец из анекдота, убежал в переулок и сунул *голову* в мусорный бачок, очевидно, убеждённый, что стал таким образом

абсолютно невидимым. (Амфетаминовая логика и тут похожа. Де Ропп в книге «Наркотики и разум» упоминает о водителе грузовика, который принял столько «Бензедрина», что оказался в полной уверенности, что грузовик ведёт «Бенни» и перебрался назад со своего кресла, чтобы подремать. «Бенни» довёз его машину до кювета, но сам он выжил и поведал об этом).

Кокаиновый эпос

Самый запоминающийся рассказ о кокаине как о чём-то вызывающем экстаз и в то же время подталкивающем к безумию — это, несомненно, «Дневник наркомана» Алистера Кроули, против которого в английской прессе была развёрнута невероятно сильная кампания по очернению. Газета «Джон Буль» и прочие таблоиды правых морализаторов заклеймили Кроули прозвищами, которые прочно приклеились к его репутации; среди очаровательных заголовков их статей были «Каннибал на свободе», «Человек, которого мы бы повесили», «Самый испорченный человек на свете», и (тут немного недодавили) «Германский пособник и революционер». С нынешней точки зрения, роман вряд ли заслуживает столь резких откликов, хотя он до сих пор остаётся немного провокационным. Приглянувшись андеграунду с момента написания, роман сыграл решающую роль в развитии философии или мистицизма Наркотической Революции.

Протагониста книги Кроули зовут сэр Питер Пендрагон, это имя подразумевает, что он — потомок изначальной королевской семьи короля Артура, возглавлявшего рыцарей Круглого Стола. Сэр Питер, молодой человек, некогда хотевший стать инженером, был посвящён в рыцари и получил кое-какое состояние, когда умер его дядя. Богатство превратило его в пустоголового транжиру.

В первой главе сэр Питер заглядывает в ночной клуб в Лондоне, встречает кутящую богачку средних лет, которая предлагает ему нюхнуть кокаина, и решает попробовать наркотик. Как только его накрывает вспышка, входит прекрасная девушка по имени Лу и поёт гностический гимн, типичный для необычных верований Кроули:

> «Ты, О красная кобра желания, вынутая из мешка руками дев!
>
> Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!
>
> Ты, О обжигающий меч страсти, заточенный на

наковальне
плоти! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!
Ты, О белоснежный кубок Любви, пенящийся алой похотью! Я
обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А ОI
Ты, о нагая девственная любовь, окутанная сетью из диких роз!
Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А ОI
Ты, о сверкающий кубок света, пенящийся кровью из звездных
сердец! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!»[52]

Сэр Питер, подкрепившись ещё парой понюшек кокаина, танцует с прекрасной Лу, а она поёт ещё несколько рефренов этой в высшей степени эротической и мистической песни. Пока они кружат по залу в танце ухаживания (они пока не заговорили друг с другом — она всё ещё поёт гностический гимн), кокаин накрывает его раз за разом. «И я взорвался, — пишет сэр Питер, —

> Я был одновременно убийцей и убитым… Во всей Вселенной нас было только двое — она и я. И лишь одна сила действовала во Вселенной, та, что влекла нас друг к другу… Мы летали вверх и вниз по полу клуба, хотя, конечно, не было никакого пола, и самого клуба… Ты сам — непрестанно кружащаяся в вихре Вселенная. Утомление было невозможно…»

Через несколько часов, по пути снюхав ещё немного кокаина, сэр Питер и Лу отправляются в путешествие во Францию в его собственном самолёте. Он понятия не имеет, может ли вести самолёт под действием наркотика, но не видит причины не попытаться:

> Первый раз за всю свою жизнь я стал абсолютно самим собой, освобожденный от всяких ограничений тела, интеллекта и воспитания… Я припоминаю, что как будто вопрошал себя, не сумасшедший ли я, и отвечал: «Конечно, сумасшедший. Ведь здравомыслие — это компромисс. Здравомыслие тянет нас назад».

Его мистическое отождествление с Лу распространяется на самолёт и небо: «Я слышал стук моего сердца. Оно стучало в едином ритме с мотором… Даже вес воздуха стал для меня

невыносим. Взовьёмся ещё выше, ещё и ещё выше! Я увеличил скорость…»

Вскоре сэр Питер обнаруживает, что, воодушевлённый кокаином, забыл проверить запас топлива. И даже когда мотор глохнет, он всё равно думает лишь о том, что он найдёт выход из этой ситуации (такой-то сверхчеловек), стоит ему лишь занюхать ещё кокаина:

> «Пока мы пикировали по широкой спирали к морю, мне удалось извлечь мою бутылочку. Разумеется, мне сразу стало ясно, что на таком ветру всё улетит мимо носа. Тогда я вытащил пробку и просунул в горлышко язык.
>
> Мы всё ещё находились на высоте тысячи футов над морем. «У меня уйма времени, бесконечно много времени, — подумал я, как только наркотик подействовал, — чтобы принять решение». Я действовал с отменным самообладанием…»

Ему удаётся весьма умело посадить самолёт на воду, всё ещё находясь под кайфом, в состоянии эйфории. Затем их подбирает французское рыболовецкое судно и они устремляются в Париж, где женятся и начинают проводить медовый месяц — разумеется, раздобыв ещё кокаина.

После нескольких недель экстатического секса и кокаина (описанных при помощи эвфемизмов; Кроули писал книгу в 1920 году в расчёте на британских книгоиздателей) начинает давать знать о себе дурное настроение, последствие употребления кокса. В этот момент добрый друг знакомит их с героином — отличнейшим средством успокоить взвинченные кокаином нервы. К тому же сэр Питер и Лу к тому времени уже достаточно убеждены в том, что все предупреждения насчёт кокаиновой зависимости — просто чушь, так почему они должны слушать тех же старомодных светил медицины, которые талдычат, что героин вызывает зависимость?

Первая часть книги называется «Рай»; а затем мы приступаем к книге второй под названием «Ад». В один прекрасный день сэр Питер осознаёт, что они растратили всю выплаченную ему ренту с его богатств за год: ему приходиться унизиться до того, чтобы заранее затребовать следующую часть у юриста, в ведении которого находится наследство. Вскоре он также осознаёт, что они с Лу крепко подсели на героин, о чём и предупреждали старые брюзги-доктора.

Следующее за этим падение происходит головокружительно быстро. Несколько глав спустя Питер и Лу доходят до

затворнической жизни в поместье Питера в сельской местности, растягивая полученные им деньги, чтобы оплачивать экстатические трансовые состояния под кокаином, поднимающие им настроение (и сдерживающие растущий ужас от той ситуации, в которой они оказались), а вместе с тем и постоянную героиновую диету (успокаивающую их и ограждающую их от мучений ломки, с которыми они уже несколько раз столкнулись). Денег на дополнительные расходы на еду и прочие увеселения совсем немного. Лу вскоре начинает торговать телом, а сэр Питер под воздействием кокаина уверивается в том, что в их громадном доме прячутся германские шпионы, плетущие против них заговор. Они оба оказываются очень близко к клиническому состоянию чистой параноидальной шизофрении.

В конце концов, в миг ужасного просветления, они понимают, до чего именно докатились. Они пытаются совершить самоубийство — и терпят неудачу.

В третьей, наиболее спорной части книги под названием «Чистилище», Питер и Лу пытаются излечиться под надзором загадочного мага, Лама, Царя Лестригонов — Кроули изображает в нём самого себя, не особенно пытаясь это скрыть. В Телемском аббатстве (списанном с подлинного прибежища верующих на Сицилии, которым некогда Кроули руководил) Питер и Лу попадают в такую ситуацию, когда в их распоряжении сразу же и без труда оказывается столько кокаина и героина, сколько им бы хотелось. Царь Лестригонов говорит им, прибегая к любимому лозунгу Кроули: «твори свою волю, таков да будет весь закон».

Есть одна тонкость, конечно. На самом деле, есть несколько тонкостей. Хоть в аббатстве и не пахнет аскетизмом христианского монастыря, оно находится достаточно далеко от цивилизации; вскоре Питер и Лу вступают в борьбу с самой недооценённой и самой могучей силой в мире — со скукой. Здесь нет кинотеатров, ночных клубов или прочих отвлекающих вещей. Когда они начинают жаловаться, Царь Лестригонов снова говорит им: «твори свою волю, таков да будет весь закон». Вскоре они обнаруживают, что, несмотря на гедонистический образ жизни, они никогда на самом деле не «творили свою волю» в истинном смысле этого слова, а лишь уступали мимолётным прихотям. Им, отрезанным от мира в аббатстве, приходится снова и снова задавать себе вопрос, в каких поступках должна выражаться их «воля» в течение оставшейся части их жизней.

И в то же время, несмотря на то, что Лам ничуть не порицает кокаин или героин и сам в некоторые моменты принимает различные наркотики, от Питера и Лу требуется — как условие их нахождения в аббатстве — вести подробные записи о процессе

своего психологического и духовного роста. Точнее говоря, они могут принимать наркотики столько, сколько захотят, но каждый раз они должны записывать в своих журналах для наблюдений, *почему* они приняли наркотик в данной ситуации. В них начинает укрепляться подлинное и достаточно рациональное отвращение к злоупотреблению наркотиками, впрочем, Лам не позволяет им почувствовать вину за это, и бесконечно повторяет свои слова «твори свою волю», иногда в варианте «найди свою Истинную Волю и следуй ей».

Кроули, между прочим, совершает великолепное и нелицеприятное прозрение, описывая ход мыслей зависимого человека в списке причин продолжать употреблять героин. Среди них такие:

1. Этим утром меня одолел жуткий кашель…

3. Не могу без него заснуть.

4. Не могу без него бодрствовать.

5. Надо быть в наилучшей форме, чтобы делать то, что мне нужно будет сделать. Если всё пройдёт успешно, мне больше не потребуется принимать его.

6. Нужно показать, что я управляю им — я свободен сказать ему и «да» и «нет». И мне нужно точно удостовериться в этом, сказав в данный момент «да». Отказ принять его сейчас будет означать мою слабость…

8. Останавливаться слишком резко опасно…

10. Для разума вредно быть постоянно занятым мыслями о наркотике. Лучше принять небольшую дозу и избавиться от наваждения…

19. Большинство из нас роют себе могилу зубами. Героин избавил меня от аппетита, следовательно, для меня он полезен.

20. В прошлом я попадал в самые разные переделки из-за женщин. Героин избавил меня от интереса к ним…

25. Мне очень-очень паршиво, а от очень-очень маленькой дозы я почувствую себя очень-очень хорошо…

26. Мы не сможем остановиться, пока он ещё остаётся — искушение слишком сильное. Лучше всего добить его. Мы, возможно, больше не сможем его достать, так что мы принимаем его, чтобы потом прекратить принимать.

27. …Предположим, я вынесу все эти муки, чтобы покончить с наркотиками, и сразу же заболею раком или чем-нибудь таким, вот глупо-то я буду себя чувствовать!

Единственное вещество, от которого я был когда-либо зависим, это никотин, за последние двадцать лет я бросал курить пять раз. Судя по собственному опыту, должен сказать, что Кроули великолепно понимает ход мыслей зависимого и то, как

потребность организма в веществе может порождать «причины», которые в момент их появления почти кажутся рациональными. Когда я записывал причины выкурить ещё одну сигарету в стиле Кроули, я обнаружил, что это действительно помогает понять заключённый в них самообман и на самом деле бросить курить.

Кульминация наступает в тот момент, когда сэр Питер, испытывающий чрезвычайный стресс из-за неотвязной скуки и находящий всё меньше и меньше удовольствия в приёме наркотиков по мере того, как лживость вышеприведённых причин становится ему всё более и более ясна, однажды в полуденный час осознаёт, что весь день провёл, проектируя новый мотор для самолёта. Тут Лам говорит ему, что он не заговаривал ни с кем во время завтрака и был погружён практически в тот же транс, что и любой «святой» Востока. По словам Царя Лестригонов (и Кроули), это и значит «творить свою волю», и это не всегда религиозный опыт, как нам обычно говорят. Не только учёный, но и бизнесмен или вообще кто угодно, «погружённый в транс» своим проектом, достигает разновидности той же сосредоточенности ума и преодоления распостранённых закодонов эго.

Короче, у сэра Питера была «истинная воля» инженера, но из-за обогатившего его наследства у него появилось отрицательное, свойственное высшему обществу, отношение к обучению профессии. Следовательно, его, отрезанного от собственной воли, носило от одного бессмысленного удовольствия к другому, пока он не попался на крючок героина и не понёсся к саморазрушению. (То же самое, как, возможно, стал бы утверждать Кроули, и у людей, которые рождаются с истинной волей инженера, но слишком бедны, чтобы позволить себе обучение: они также легко могут стать наркозависимыми). С обретением истинной воли сэр Питер не нуждается в героине.

Лу — ратующие за освобождение женщин будут в ярости от этого — тоже обретает истинную волю, но она заключается в том, чтобы быть хорошей женой для своего теперь уже не глуповатого супруга в его новом обличье гениального учёного.

Царь Лестригонов подводит моральный итог этой истории, цитируя «Книгу Закона» самого Кроули, в которой богиня Нуит говорит: «Чтобы поклоняться мне, возьмите вино и необычные наркотики, о которых я расскажу пророку моему, и захмелейте от них! Они совсем не повредят вам». Признав, что это может «повлечь некоторых к неоправданному риску», Лам говорит:

> «…если вы прочитали это без должного внимания и будете воплощать это в жизнь безрассудно, вы вполне можете попасть в неприятности. Но природа изобилует

> орудиями, уничтожающими любое существо, не способное подчинить то, что его окружает… Единственная уважительная причина принимать любое вещество, будь то хинин или английская соль, это помощь природе в том, чтобы устранить нечто мешающее ей действовать так, как полагается. Опасность так называемых «вызывающих привыкание» наркотиков в том, что они обманывают вас, втягивая в попытки уклониться от труда, необходимого для духовного и умственного развития. Но они — не просто ловушки. В природе нет ничего, что мы не могли бы применить с пользой для себя, и от нас зависит, распорядимся ли мы этим с умом… И каждый мужчина и каждая женщина — звезда. Приём наркотика должен быть тщательно продуманным и осмысленным религиозным актом. Только лишь на собственном опыте можно научиться определять условия, в которых этот акт обоснован, то есть когда он поможет вам творить свою волю».

Это, конечно же, подход, применяемый в тех обществах, которые попытались ввести контроль над наркотиками, сделав их священными и применяющимися в религиозном контексте, в отличие от тех культур, которые пытаются достичь этого, принимая запретительные законы. Что парадоксально, как для большинства из нас и рассуждения Кроули, многие антропологи соглашаются в том, что в первом случае в отличие от второго наркотики на самом деле представляют собой гораздо меньшую проблему для общества.

В конце книги сэр Питер и Лу возвращаются в Англию, где он собирается построить лабораторию и продолжать свои исследования и эксперименты в области самолётных двигателей. К героину их больше не тянет, но, что типично для взглядов Кроули на жизнь, они продолжают время от времени прибегать к кокаину в религиозно-эротических практиках.

«Джон Буль» и прочие таблоиды заклеймили этот роман как попытку вовлечь англичан в безответственное злоупотребление наркотиками, утверждая, что за эту грязную работу Кроули заплатило германское верховное командование. (Вообще-то первая клятва, которую должны были принести претендующие на вступление в Ordo Templi Orientis, «магическое» масонское общество, в котором состоял Кроули, была «я никогда не позволю никакой силе и никакому человеку взять надо мной верх», и новообращённому специально сообщали, что эта клятва действует и в случае алкоголя и наркотиков). Идеи Кроули, как

бы то ни было, живы до сих пор. К ответственному применению наркотиков в религиозной обстановке как альтернативе повсеместно нарушаемым запретительным законам до сих пор призывают столь разные люди, как поэт Роберт Грейвс, философ Алан Уоттс, доктор Джон Лилли, доктор Хамфри Осмонд, доктор Хьюстон Смит, романист Кен Кизи и многие другие: а консерваторы до сих пор отвечают, что следствием такой политики будут безрассудное злоупотребление и хаос. Похоже, они не заметили, что следствием запретительных законов, которые они поддерживают, уже стало именно это, а вдобавок стало больше преступлений, больше насилия, а в правоохранительных органах — больше коррупции.

Героин: предательское противоядие

Героин вызывает больше суеверных страхов, чем любой другой наркотик, и — хотя есть неплохие причины держаться от него подальше, ещё как подальше — надо признать, что в основе большинства страхов лежат выдумки. Начнём хотя бы с того, что героинозависимых очень немного, и бояться их значит буквально бояться группы людей, по отношению к которой численное превосходство у нас — четыреста к одному. Это, мягко говоря, несколько трусливо с нашей стороны. Это особенно похоже на старушечью боязнь, потому что из всех употребляющих вещества героиновые торчки чаще всего являются наиболее инертными, вялыми и неагрессивными. Они в каком-то смысле куда больше боятся нас, чем мы их.

Взаимоотношения между торчком и добропорядочным гражданином на самом деле достаточно похожи на старый комический сюжет, в котором два перепуганных человека не оставляют попыток напугать друг друга, в действительности избегая драки. Множество людей верит в несуразные мифы о героинозависимых, и отчасти это (как отмечает доктор Роберт Де Ропп) происходит из-за того, что героин путают с кокаином. Оба вещества — белые порошки, оба иногда называют «снегом», оба можно нюхать или вводить с помощью шприца, от обоих происходит резкий приход, от которого остаётся медленно угасающее остаточное чувство. На этом фундаменте был выстроен легендарный собирательный образ «торчка», являющегося законопослушным гражданам в кошмарных снах.

Единственная реальная связь здесь это то, что кокаин — *иногда* — становится своего рода первым шагом на пути к героину, по причинам, приведённым ранее. (Впрочем, в

действительности героин, по-видимому, куда более тесно связан с алкоголем, поскольку согласно исследованию, проведённому в Калифорнийском университете, у горьких пьяниц шанс стать героинозависимыми выше, чем у злоупотребляющих кокаином, марихуаной или любым другим наркотиком; а недавние исследования, проведённые в Нью-Йорке показали, что небольшая, но заметная часть героинозависимых после заместительной метадоновой терапии становится алкоголиками. Алкоголь и героин — наркотики, которые «выключают» людей, по большей части вызывая у принявших их заторможенность или забытье, тогда как и кокаин, и анаша, и амфетамины и даже психоделики типа ЛСД, каковы бы ни были их другие свойства, по большей части *«включают»* людей, вызывая у принявшего состояние возбуждения или даже перевозбуждения).

Тот, кто употребляет кокаин, зачастую испытывает повышенное сексуальное возбуждение; тот, кто употребляет героин — никогда. Кокаинист почти всегда нюхает, хотя может и уколоться; героинщик почти всегда колется, хотя может и нюхать. Злоупотребляющий кокаином человек, когда его пристрастие превращается в зависимость, становится полупараноиком и относится ко всему враждебно; злоупотребляющий героином человек, когда его пристрастие превращается в зависимость, становится всё более инертным, бездеятельным, отрешённым или «угашенным» на языке наркоманов. И самое главное, кокаинист, неважно, насколько сильно он подсел на вещество, не испытывает настоящего физиологического синдрома отмены, если прекратит принимать наркотик — хотя он зачастую будет находиться в подавленном состоянии, а иногда и галлюцинировать; героинозависимый человек испытывает настолько чудовищный синдром отмены — для него свойственны мышечные спазмы, рвота и понос — что подсадить кого-то на героин, а потом лишить его наркотика, это самая жестокая пытка, которую только можно вообразить.

И даже тут, однако, нарисованный нами образ наркомана имеет мифологический оттенок. Ломка от героина, несомненно, ужасна, но это необязательно самый жуткий вид наркотической ломки. Некоторые авторитетные учёные полагают, что ломка от барбитуратов ещё более тяжела, и доказывает это тот факт, что практически не зафиксированы случаи на самом деле умерших от синдрома отмены героиновых торчков (хотя они часто молят о смерти). Подсевшие на барбитураты люди, однако, в соответствующей ситуации зачастую умирают, если им не оказывают квалифицированную медицинскую помощь. (Уильям Берроуз отметил, что перенесённая им один раз барбитуратная

ломка была более мучительна, чем перенесённые им И героиновых ломок).

Известно, что некоторые мелкие преступники нюхают кокаин перед ограблениями, чтобы набраться смелости; в представлении людей это перенеслось (очень неоправданно) на героинозависимых. На самом деле инъекция героина, скорее всего, вызовет желание проваляться на хате и отложить ограбление на неопределённый срок (или до того момента, когда нужны будут деньги на следующую дозу). Точно так же злоупотребляющие кокаином люди зачастую оказываются охвачены немотивированной агрессией и нападают на знакомых или совершенно незнакомых людей без видимой причины. (Это потому что они знают, что жертвы нападения на самом деле плели против них заговоры).

Героинозависимые люди — практически менее всего склонные к проявлениям жестокости граждане, если не считать квакеров.

> Когда начался приход от героина, его пронзил энергетический разряд. Все страхи ушли: он был Богом и ничто не могло встать у него на пути. По другой стороне улицы молоденькая девушка шла в сторону парка. Шатаясь, он вскочил и направился к двери, не будучи способен и не желая контролировать похоть, обуявшую его при виде неё…

Такого рода клише, в своё время бывшие характерными для газетёнок с историями про «настоящие преступления» — полная чушь. *Героинозависимые* — всегда импотенты: или, если из этого правила и есть исключения, их единицы. Они никогда не испытывают «кайф», такой, какой ловят курильщики анаши, любители скорости, кокаинщики или даже бухарики. По сути их поведение больше всего похоже на поведение вашей тётушки Матильды с тех пор, как врач подсадил её на сильные транквилизаторы. Героин, без сомнения, сам по себе сильный транквилизатор.

Героин и секс

Как отмечает доктор Хоффман в своей «Всеобъемлющей психологии» *(Comprehensive Psychology)*:

> Мы раз за разом слышим от наркоманов описания эффекта инъекций на языке секса. Один

героинозависимый сказал, что, вмазавшись, почувствовал, будто кончал из каждой поры на собственной коже. Ещё один сказал, что когда-то вводил раствор ритмичными движениями, пока тот не оказывался израсходован, и сказал, что это было вроде мастурбации, но гораздо лучше.

Вообще-то ритмичная манера, в которой делается инъекция, на самом деле в кругах американских наркоманов называется *«надрачиванием»*, об этом раввин Джозеф Розенблум писал в «The Reporter» в 1959 году. Я как-то был знаком с девушкой из Сан-Франциско, которая, описывая, как два её знакомых наркомана делали уколы друг другу, сказала: «Они так игрались с иголками, пыхтели и хлопотали, что это было похоже на половой акт. Как будто они были парой педиков».

Фрейдисты, разумеется, предполагают, что зависимость изначально бывает вызвана сексуальным расстройством какого-либо рода. Как и в большинстве фрейдистских теорий, это, несомненно, чрезмерно упрощённое понимание вещей, потому что в расчёт не принимается тот факт, что с эпидемиологической точки зрения зависимость — заразная болезнь, совсем как малярия (то есть если вы родились в Гарлеме, вероятность того, что вы станете торчком, будет гораздо выше, чем для того, кто родился на Парк-Авеню). Как бы то ни было, секс и джанк находятся в симбиотических отношениях, по крайней мере потому, что джанк уничтожает телесную сексуальность, лишая зависимых чувственности, которая остаётся разве что в их фантазиях. Это, возможно, объясняет их сексуальные игры с иголками.

Не то чтобы торчки не являлись людьми, у которых существуют различные проблемы с сексом; скорее они — люди с таким количеством проблем, что среди того, на что они жалуются, секс занимает далеко не первое место. К примеру, есть подтверждённые экспериментами данные о том, что *удовольствие*, которое приносит героин, ощущение которого сильно разнится от человека к человеку, практически отсутствует для людей, не измученных в крайней степени проблемами. Опиаты «сами по себе не обладают притягательностью», как установило проведённое в Англии исследование Чиэня (Chien); и даже до него, в 1925 году, Колб опубликовал работу, в которой демонстрировалось, что «интенсивность удовольствия, вызываемого опиатами, находится в прямой зависимости от степени психопатии человека, ставшего наркоманом».

Другими словами, на более нормальных людей героин,

видимо, действует так же, как транквилизаторы — эффект почти не воспринимается сознанием — но у людей с действительно неустойчивой психикой вызывает чёткий «всплеск» и последующее приятное чувство. Единственная теория, учитывающая эти факты, такова, что (а) героин изначально не вызывает никаких приятных ощущений, (б) удовольствие, испытываемое душевнобольным человеком, в основном совершенно равно тому, что чувствуют обычные люди, и (в) вспышкой радости для принявшего наркотик оно становится из-за того, что обычно он находится в совершенно несчастном состоянии. Проще говоря, героин, изначально созданный как болеутоляющее средство, на потенциальных героинозависимых оказывает психологическое болеутоляющее воздействие. Это делает жизнь сносной, а большего им и не нужно.

Есть даже свидетельства того, как героинозависимые люди, до того, как стать зависимыми, определённо находились на полпути к шизофрении, собранные в книге Питера Лори «Наркотики». Зависимость каким-то не совсем ясным в биохимическом плане образом оградила их от шизофрении. «Возможно даже, — иронично отмечает Лори, — что человек в начальной стадии психического заболевания, выбирающий наркотик, находится в лучшем положении, чем тот, кто пытается справиться с заболеванием самостоятельно». Сегодня многие доктора прописывают шизофреникам сильнодействующие транквилизаторы, которые обладают таким же эффектом успокоительного, как и героин, не скрывая, что таким образом пытаются уменьшить последствия нервного расстройства. Если эта теория верна, героинозависимый выбирает этот упреждающий способ лечения от безумия, прописав его самому себе.

Он лишается сексуальности; он теряет тот таинственный дар, что зовётся свободой, ибо отныне становится рабом наркотика; он становится козлом отпущения и жертвой самого иррационального садизма, возникающего в обществе (по крайней мере в Америке); но он ускользает от страхов, медленно набиравших силу и грозивших самой его сущности. Только люди, прошедшие через вечно длящийся[53] кошмар, который называется «эпизодом психотического характера», могут прочувствовать в полной мере, что это за решение.

Количество денег, затрачиваемых на обращение с этими неудачниками от рождения как с преступниками, просто ошеломительное. В США героинозависимых примерно миллион шестьсот тысяч, а обходится им их пагубное пристрастие в среднем в 150 долларов в день. Героинозависимым, таким образом, нужно в год 87,6 *миллиардов* долларов, чтобы

оплачивать свою наркоту. Кое-кто из них — врачи, и могут красть опиатные наркотики, чтобы продолжать употреблять, некоторые из них — привлекательные девушки и пользуются сомнительной привилегией занятий проституцией, но большинству из них приходится совершать кражи. Поскольку, как правило, чтобы выцепить 150 долларов у скупщика краденого, нужно принести товара на 300 долларов, наркоманы, которые крадут вещи, крадут в день не 150 долларов, а 300 долларов — крадут у всех остальных из нас. Вот куда делся ваш телевизор, когда ограбили вашу квартиру. Вот куда делась ваша машина, когда её угнали. Вот куда девается в наши дни большая часть украденных вещей. Пусть даже половина героинозависимых (это умеренная оценка) совершает кражи, чтобы продолжать удовлетворять своё пристрастие, исполнение соответствующих законов стоит обходится нам примерно в триллион долларов.

Если бы героинозависимым выдавали каждый день необходимое количество джанка *бесплатно*, к сравнению, это бы обошлось только лишь примерно в 292 *миллиона* долларов на всю страну, потому что при отсутствии чёрного рынка затраты на производство героина — на одного наркомана на один день — составили бы примерно 50 центов, что в три сотни раз меньше, чем этот героин стоил бы у дилера. (Чтобы предупредить возможные возражения по поводу того, что бесплатная раздача джанка наркоманам развратит их, наркоманов можно обязать работать несколько часов в месяц, чтобы возместить 15 долларов, потраченные на месячное обеспечение наркотиком).

Будет ли увеличиваться количество зависимых при такой системе? По-видимому, ответ таков: не особенно. Как мы уже узнали, большинству обычных людей героин не приносит вообще *никакого* удовлетворения. Героин, попавший в массовый оборот, всё так же будет соревноваться с веществами, обладающими куда менее жуткой репутацией: алкоголем, барбитуратами и транквилизаторами. Возможно, большинство людей, которым свойственны пагубные пристрастия — тех, кто не слишком малообразован и не испытывает особенно острого стресса — продолжит делать выбор в пользу «более приемлемых» депрессантов. И, конечно же, при любой декриминализации зависимости законодательный запрет на продажу может оставаться в силе, чтобы ни у одного подсевшего на наркотик не возникало желания продать часть своего дневного пайка любопытному человеку со стороны, ещё не ставшему героинозависимым.

Ещё один факт относительно героина был обнаружен доктором Джоэлом Фортом, весьма авторитетной персоной, и его

стоит здесь привести. Это позволит нам чуть лучше представить себе эту проблему, вокруг которой поднято столько шума. Слово доктору Форту:

> Героин — тяжёлый наркотик лишь в том смысле, что зависимость от него очень сильна: он гораздо легче многих других наркотиков в плане действительного вреда для здоровья. Хроническое злоупотребление героином вообще не вызывает необратимых повреждений, если не считать саму зависимость — которая, естественно, в своём роде превращает человека в раба. Хроническое злоупотребление алкоголем, для сравнения, неизбежно вызывает необратимое и зачастую приводящее к смерти разрушение печени и мозга.

Хроническое злоупотребление амфетаминами также за несколько месяцев приводит к ситуации, гораздо более тяжёлой, чем у любого героинозависимового — не считая, естественно, тех торчков, которые переламываются в тюрьме и никогда по сути от этого не отходят.

Вы мудро поступаете, если боитесь героина — в конечном итоге это херовое путешествие. Но боязнь *героинозависимых людей* — это один из наиболее абсурдных предрассудков нашего времени. Даже при нашем сегодняшнем законодательстве, которые вынуждает большинство из них красть, чтобы купить себе джанк, немногие совершают вооружённые ограбления; в соответствии с их пассивным, пораженческим складом характера, они в основном становятся квартирными ворами, грабящими дома, только когда хозяев нет, очевидно чувствуя, что даже с пушкой они не запугают никого настолько, чтобы тот согласился добровольно отдать им свою собственность. Уильям Берроуз сообщил, что он не припоминает, чтобы героинозависимый человек совершил насильственное преступление за все те годы, что Берроуз был торчком.

Берроуз, один из бывших наркоманов, зарабатывающих на жизнь не тем, что читает лекции для полицейских, специально поясняет:

> Обычно они совершают кражи со взломом, выносят товары из магазинов и шарят по карманам пьяных, заснувших в подземке. Если бы они могли получить наркотик законным путём, их преступления бы прекратились.
>
> Как человек, временами проживающий в Нью-Йорке, я считаю, что кражи, совершённые отчаявшимися

наркоманами — это дело дурное, чертовски раздражающее. Я так скажу, дайте им легального джанка, пока они не украли мою печатную машинку.

Мак как таковой

Героин — и морфий, и лауданум, на котором сидел Эдгар Аллан По, и пантопон, вещество, популярное в среде наркозависимых в 1920-х годах, и «Демерол», таблетки, делавшие счастливым Германа Геринга, и камфарная настойка, и кодеин, которым Шерлок Холмс тушил кокаиновую зависимость — производится из опийного мака. Это, пожалуй, самое ненавидимое и проклинаемое растение в мире, и оно превращает людей в наркоманов как на востоке, так и на западе, с самой зари цивилизации.

Большинство опиумного мака в мире сегодня (если не считать небольшую плодородную область в Турции) выращивается в «опиумном треугольнике», как его называет Интерпол: области, в которой граничат Лаос, Таиланд и Вьетнам, находящейся по большей части под контролем племени мео. Согласно расследованиям, проведённым доктором Джоэлом Фортом и независимыми журналистами, действовавшими по заданию «Нью-Йорк Таймс» и «Крисчен Сайенс Монитор», фермеры из племени мео продают урожай высокопоставленным чиновникам в правительствах Таиланда, Лаоса и (тогда Южного) Вьетнама, среди которых некогда выделялась семья генерала Ки. Затем при помощи «корсиканской мафии» груз переправляют на юг Франции, а оттуда он попадает на международный рынок. Никому не известно, почему правительство США, на словах занятое «войной» с героином, до сих пор предоставляет экономическую и военную помощь правительствам Таиланда, Лаоса и Вьетнама, таким образом позволяя продолжать им заниматься этой торговлей. Доктор Майкл Олдрич и поэт Аллен Гинзберг, подробно изучавшие суть вопроса и готовые при любом приглашении выступить с лекциями или написать о нём, даже убеждены, что есть достаточно доказательств, чтобы уличить ЦРУ в том, что ведомство время от времени активно оказывает помощь в транспортировке опия-сырца.[54] Правда это или нет, Соединённые Штаты оказались замешаны в торговле героином, с которым они одновременно «борются» где-то в других местах.

Это весьма таинственная часть новейшей истории, и вопрос, возможно, не прояснится, пока мы ещё будем живы. (Тем временем любознательный читатель может обратиться к выпуску

журнала «Харперс» за ноябрь 1972 года, в котором ЦРУ отрицает свою причастность к торговле героином, а редакторы «Харперс» приводят свои доводы в пользу того, чтобы не верить этим опровержениям. В недавно вышедшей книге «Героиновая политика в Юго-Восточной Азии» *(The Politics of Heroin in Southeast Asia)* в больших подробностях приведены обвинения, выдвинутые «Харперс»). Безотносительно обвинений и опровержений можно почти не сомневаться, что если бы бомбы, сброшенные на населяющих Индокитай людей после того, как Никсон стал президентом — а это по весу в четыре раза больше бомб, чем было сброшено на Европу и Северную Африку во время Второй Мировой войны — вместо этого сбросили бы на эти маковые поля, сегодня в мире почти не оставалось бы героина. Это заставляет задуматься, особенно когда репортёр от «Крисчен Сайенс Монитор» заявляет, что ЦРУ в какой-то момент перевозило столько собранного урожая, что в округе их самолёты прозвали «Эйр-Опиум».

Продукт, преимущественно получаемый из мака, собственно опиум, зачастую считается оказывающим более стимулирующее, более приятное и даже более психоделическое воздействие, чем произошедшие от него очищенные и специализированные наркотики: морфий, героин и так далее. Это представление появилось благодаря сочинениям нескольких весьма одарённых опиумных наркоманов — в особенности Томаса де Квинси, автора классической книги «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», Сэмюэла Тэйлора Кольриджа («Сказание о старом мореходе»), и французского драматурга Жана Кокто. Иногда при прочтении этих авторов даже возникает впечатление, что опиум — это афродизиак.

Необходимо подчеркнуть, что де Квинси, Кольридж и Кокто были весьма одарёнными людьми (и обладали весьма неустойчивой психикой). И более того, в случае с де Квинси, необычайные и ослепительные видения, которые он описывает, являлись ему, как отмечает доктор Роберт де Ропп, в состоянии «между сном и бодрствованием», в котором все одарённые люди даже без опиума могут с исключительной яркостью проецировать свои творческие фантазии. (Для этого есть термин «гипнагогические галлюцинации», для того, чтобы их вызвать, не нужны наркотики, и их практикуют как метод расширения сознания некоторые оккультные кружки, такие как «Великое Тело Божье» Луиса Каллинга). У большинства опиумных наркоманов, наблюдавшихся врачами, не зафиксированы подобные психоделические эффекты и в основном они испытывают те же ощущения подавленности и сонливости, что и морфинисты или

героиновые наркоманы. Короче говоря, если вам нужен психоделический эффект, воспользуйтесь настоящими психоделиками; если вы не творческая личность уровня де Квинси или Кольриджа, вы вряд ли обнаружите его у опиума.

Необходимо снова и снова повторять, что *все опиаты без исключения* — в основе своей депрессанты, так что по мере повышения дозы обычная схема такова: от заторможенности к сну, а далее к коме (заканчивая смертью, если случилась передозировка).

Тут я припоминаю борца за натуральные пищевые продукты, с которым я когда-то был знаком. Этот парень считал большинство фанатиков здорового питания безнадёжно испорченными соглашателями, которые ели столько же вредных продуктов, сколько ем я или вы; только у *него* была правильная «природная» диета, которая состояла исключительно из орехов и *сырых* овощей. Как-то раз я спросил его, что было самым полезным из приобретенного благодаря такому режиму питания. «Это решило все мои проблемы с сексом», — тут же ответил он.

«Правда?» — с любопытством спросил я. «И каким же образом?»

«Во мне больше почти не просыпается половое влечение», — сказал он без тени смущения, даже с некоторой гордостью. «Мне больше не нужны женщины так, как это было раньше. Я свободен. Вообще *никаких* проблем в *этой* области».

Героиновая (или опиатная) диета, похоже, «решает» проблемы с сексом таким же образом, что и эта диета без мяса: она полностью исключает секс. Это аналог знаменитого решения проблемы ирландских бедняков, у которых не было обуви, предложенного Джонатаном Свифтом (отрубить им ступни). Оно покажется годным только тем, кто потерял всю веру и надежду в то, что может существовать настоящее решение.

Возможно, что некоторых людей жизнь в нашем обществе настолько терзает, что подобное полу-самоубийство для них является лучшей альтернативой *настоящему* самоубийству. Что любопытно, чёртова уйма докторов прибегает к той же логике, неустанно назначая избыточное количество транквилизаторов, многие из которых легко вызывают зависимость (к примеру, «Либриум»), а некоторые из которых (к примеру, тофранил) точно, согласно данным психофармакологов, связаны с импотенцией. Как заявил доктор Лоуренс Колб комиссии Конгресса ещё в 1925 году: «Существует… определённый тип робкого, невротичного человека, который не способен справиться с жизненными испытаниями, боится общения с людьми, у него есть тревоги и страхи, и вот если такой человек примет

небольшие дозы наркотика — и таких людей я наблюдал довольно много — то он станет лучше, станет более полезным человеком, чем был бы без этого». Доктор Колб также описал двух врачей, которые были опиатными наркоманами и успешно вели медицинскую практику до того момента, как смогли «отказаться от пристрастия», после чего каждый стал неразрешимой проблемой для себя и членов своей семьи. «Эти два врача, про которых я рассказываю, не *излечились*, — с издёвкой сказал доктор Колб, — им не надо было вообще прекращать принимать его (наркотик), потому что это (излечение) для них означало только одно — сумасшедший дом, а когда они сидели на этом наркотике и постоянно его принимали, они неплохо справлялись с врачебными обязанностями». Американское общество на протяжении десятилетий игнорировало прагматичный подход доктора Колба и героически боролось за то, чтобы заставить всех таких заблудших овец отказаться от своего зелья-депрессанта. А так ли это? «Война с героином» продолжается; но штат Нью-Йорк оставил надежду по-настоящему «исцелить» наркоманов и довольствуется лишь тем, чтобы заставить их слезть с вызывающего зависимость наркотика, который штат запретил — героина — и пересесть на настолько же вызывающий зависимость наркотик, который штат разрешил — метадон; а в стране в целом количество выписанных рецептов на депрессанты, действующие на центральную нервную систему, как говорят, каждый год доходит до десятка миллионов. Позиция властей по умолчанию теперь, видимо, такова: «Если вы не можете выносить наше общество иначе как погрузившись в полусон, дайте нам тогда хотя бы контролировать то, какие вещества для этого вы выберете». Это не решение вопроса наркотической зависимости в стране. Это уловка с целью сохранить лицо, позволить тем бюрократам, которых Уильям Берроуз называет «контролезависимыми», не терять веры в то, что они, ей-Богу, контролируют всех, кого хотят контролировать.

Интерлюдия. Отверженный: история святого отбоя

Может укол иглою,
Его колдовская мощь,
В адский чертог с собою Душу с небес уволочь?
Гнева богов и мёртвых Страх человек изжил,
Чтоб лебезить пред чёртом?
Ужель не достало сил —
Наследник эпох великих,
Мира венец на час,
Грома и волн владыка
От сока цветка угас?
Ах! Укрощая рвенье Полчищ греховных сил,
Только в одном сраженьи Он так и не победил.

— Алистер Кроули, «Баллада о героине»

«Я никогда не граблю незнакомых людей», — сказал Святой Отбой. «Это слишком рискованно. Если они вдруг вернутся домой и застукают меня, они, скорее всего, вызовут копов».

Он был приглашённым гостем на радиопередаче, которую я вёл (в один из тех периодов, когда я совсем прекращал писать и пытался заработать денег на жизнь каким-то другим, более приемлемым образом), и он заранее предупредил меня, что вколет дозу вещества Г перед тем, как прийти в студию. Было очевидно, что он так и сделал, и он был совершенно спокоен, когда произнёс эту фразу. Он, белый мужчина средних лет, чья речь выдавала образованность, не был среднестатистическим нью-йоркским торчком, если не считать его сонных глаз. Когда ты вглядывался глубже в эти оцепенелые омуты, ты не сомневался в том, что он скачет на большом белом коне в страну торчковских грёз. Он был будто в полусне, когда рассказывал о том, кого предпочитает грабить.

«О», — произнёс я, неотступно памятуя о стоящем на столе микрофоне. «Ты, похоже, подразумеваешь, что грабишь друзей».

«Конечно», — сказал он. «Многие торчки так делают. Понимаешь, незнакомый человек сдаст тебя копам, а друг будет не так безжалостен. Он скажет, мол, я знаю, что ты торчишь, и ты в этом не виноват. Естественно, после этого они к тебе типа

охладевают. Приходится заводить новых друзей».

Я припомнил, как дружелюбно он себя вёл с того момента, как я обратился к нему с просьбой насчёт этого интервью. А ещё я вспомнил про свою печатную машинку, магнитофон и хороший проигрыватель.

«Если кого-то из твоих друзей недавно обнесли и они тебя не подозревали, — сказал я, — они, возможно, сейчас начинают об этом подумывать».

Святой Отбой обдумывал это так долго, что я осознал, что в приёмниках наших слушателей сейчас повисла тишина. Когда я почти решил прервать молчание, он наконец заговорил — с той самой торчковской безмятежностью, практически безмятежностью Будды.

«Я не жду, что буду нравиться людям долгое время», — сказал он.

Ну, вот оно. Вот это по сути и есть философия торчков. Люди — настолько безнадёжно общественные животные, что большинство из нас скорее заработает рак, чем признает, что не нравится другим; но человек, сидящий на героине, может признать любую правду без эмоционального отклика. Святой Отбой мог точно так же безмятежно заявить, что только что узнал, что болен проказой. Для торчка «факт есть факт», а эмоции — это что-то, что есть у других людей и с чем другие люди носятся. Вот еда. Вот дерьмо. Вот прелестная девушка, полностью обнажённая. Вот умирающий от голода ребёнок. Вы по-разному отреагируете на каждую из этих картин, но торчок отреагирует на них совершенно одинаково, то есть никак не отреагирует.

Однажды я пошёл на похороны отца друга. С лица друга, назову его Тони, на протяжении всего обряда не сходила мечтательная улыбка. Кое-кто из присутствующих на похоронах наверняка подумал, что у него нехилый эдипов комплекс, раз он так наслаждается похоронами своего отца. Позднее Тони упомянул в разговоре со мной, что он, чтобы выдержать до конца обряда, принял большую дозу транквилизаторов — а это было одно из тех мрачных старомодных действ с открытым гробом и истерично рыдающими родственницами.

Торчок тут высидел бы до конца со всё той же сонной улыбкой на лице. Самый эмоциональный момент для него (и то достаточно скучный) тут был бы, если бы он задумался о том, сколько выручит у барыги, разрыв могилу и стащив ценные детали костюма покойного.

Разница между торчками и теми, кто сидит на транквилизаторах — в какой-то степени классовая разница. Большинство сидящих на транквилизаторах — белые англо-

саксонские протестанты из среднего класса; большинство героиновых торчков — бедняки, чернокожие или латиноамериканцы. Торчки — люди, которые стеснялись идти к врачу или которым не хватило знаний для того, чтобы добиваться того, чтобы им выписали действительный рецепт на транквилизаторы, когда их жизнь становилась совсем невыносимой. Вместо этого они перешли улицу и купили депрессант посильнее у приветливого соседа-наркоторговца.

Святой Отбой также рассказал мне в рамках того интервью на радио про пережитую им ломку, когда он сидел в городской тюрьме. Один из охранников тюрьмы, отличавшийся особенным садизмом, любил появляться, когда Святой Отбой корчился в муках, и водить перед ним банкой, в которой был белый порошок, по заявлениям охранника — героин. «Ты правда хочешь его? Правда, правда хочешь его? Ну, попроси меня как следует…» Естественно, когда Святой Отбой наконец отбросил свои сомнения и взмолился, чтобы охранник дал ему порошок (чем бы тот ни был), он его не получил. Вместо этого он получил ржущий смех.

Святой Отбой вёл рассказ об этом таким же рассудительным, ровным тоном, каким заявлял насчёт того, что он не ждал, что люди будут к нему хорошо относиться. Это был факт, но он ничего не значил. «Меня бесила его наглость», — безмятежно заявлял он, так безмятежно, как мы с вами сказали бы: «Я отдал четвертак за шоколадный батончик». Прошедшее время в мире торчков является совершенно прошедшим. Садизм охранника был всего лишь фактом; любые проявления людской доброты, которые он вспоминал, тоже были всего лишь фактами. Злиться на что-то одно или быть благодарным за что-то другое — на это у него совершенно не хватало запаса эмоций или энергии. Не было такого чувствующего существа — Святого Отбоя, которое реагировало бы на происходящее; был лишь Святой Отбой-наблюдатель, который фиксировал всё происходящее.

Когда я спросил у него, откуда у него это прозвище, которое было на слуху в некоторых районах города, он рассказал мне, что им его наградил один поэт. «Сначала я этого не понимал, — добавил он, — но все его повторяли, и я наконец к нему привык. Теперь это мне нравится. Я отбился от мира и хотел бы тут и остаться. Holy, wholly out: святой, полный отбой».

Один из моих любимых моментов произошёл тогда, когда я спросил его про полицейских, занимавшихся борьбой с наркотиками.

«Они безумней, чем большинство прочих копов», — сказал он, совершенно не меняя интонацию. «Я знаю одного парня,

который никогда не прекращает улыбаться. Что бы ни происходило. Как будто у него внутри сидит личный пушер. А есть один, у которого всё время открыт рот. Он всё время с отвисшей челюстью, будто постоянно удивлён». «Ага, — задумчиво добавил он, — они те ещё чудилы».

Я ожидал, что он выступит с обличительной речью о жестокости, несправедливости, подставах — это типичная реакция травокуров, которые посидели в тюрьме. У него было другое отношение. «Ты серьёзно говоришь нашим слушателям, — задал вопрос я, — что все наркополицейские психопаты?»

«Ну, — сказал он, — они не похожи на других копов. Они будто живут в своём маленьком мирке. И вот что я ещё тебе скажу — они совсем не хотят, чтобы их переводили в другой отдел. Они будут биться как очумелые, только чтобы остаться в наркоотделе. Знаешь, почему? Они без ума от работы под прикрытием. Притворяться торчком — это вызывает такое же привыкание, как и торчать по-настоящему».

Когда я попытался добиться вразумительного ответа на вопрос, как Святой Отбой стал торчком, я наткнулся на непробиваемую стену. На этом, и только на этом вопросе его мышление внезапно становилось таким, как у разумных шизофреников, и его, казалось, никак невозможно было заставить перейти от абстрактных рассуждений к конкретным подробностям.

«Наверно, можно сказать, что я был плохо приспособлен к жизни», — это была его первая приблизительная оценка. Когда я безуспешно попытался вытащить из него более подробные сведения, он перешёл на ещё более высокий уровень абстракции и начал говорить про «социологическую и психологическую напряжённость».

«Давай я сформулирую вопрос так, — сказал я, — как ты достал героин, когда сделал себе инъекцию первый раз?»

«Ну, — сказал он, — тут надо понимать подоплёку событий». Он пять минут распространялся про социологическую проблематику, модели поведения и психологические факторы.

«Это очень интересно, — сказал я, — а героин тебе кто-то предложил попробовать, или ты сам попросил?»

«*Просить* не нужно», — сказал он, и тут началось ещё больше метафизических рассуждений касательно того, что человеческие взаимоотношения более невербальны, чем мы это обычно осознаём.

«Так тебе этого хотелось, и кто-то тебе его дал», — сказал я. «Ладно. Почему тебе этого хотелось?»

Это вызвало несколько дополнительных минут платоновской

диалектики. Я встречался с таким у некоторых душевнобольных пациентов, когда ездил на «Скорой помощи», а ещё это встречается, в исключительно раздражающей форме, у многих политиков. Профессор Уэнделл Джонсон, занимающийся семантикой, называет это «монотонным абстрагированием» (dead-level abstracting), искусством избегать волнений, переходя на уровень дискурса, который совершенно не связан ни с чем конкретным. Занимающиеся этим редко выказывают тревожность, которую можно заметить у менее опытных уходящих от ответа людей, которые меняют тему, когда обсуждение касается слишком болезненной темы. Эти ткачи абстракций не меняют тему: она у них перед глазами… но рассматривают её они через сильно замызганное стекло.

Спросите их про одно конкретное яблоко, и они расскажут вам про валовой продукт страны; спросите вот про это кресло, и они начнут в подробностях расписывать эволюцию мебельного производства. Они не уходят от темы: они рассматривают её с философской точки зрения, как бы со всех сторон. Конкретная информация, которую ты ищешь, никогда не проступает.

«Во время той инъекции, — не сдавался я, — ты подумал, что сделаешь вторую, третью, и так далее, пока не станешь зависимым?»

«Все знают насчёт шанса стать зависимым», — ответил он этим ровным мечтательным торчковским тоном. «Был ещё шанс, что меня собьёт грузовик, когда я буду возвращаться домой. Есть шанс, что из космоса прилетит метеорит и сотрёт этот город с лица земли». И так далее. Нейтральная, объективная точка зрения Святого Отбоя на все события в его жизни попросту не могла распространиться на область первой инъекции; эта область была навсегда погребена под нагромождением читанного им о причинах девиантного поведения.

Если бы вы загипнотизировали кого-то и приказали бы ему не произносить слово «нос», а затем попросили бы объяснить, как работает обоняние, вы бы обнаружили, что ответы этого человека наносят такие же языковые сугробы. Интеллектуалы, в биокомпьютерах которых хранится больше абстракций, лучше владеют этим навыком, но все люди в какой-то степени способны делать это.

Святой Отбой мастерски владел этим приёмом. Самая долгая часть передачи была посвящена тому, как он изначально стал зависимым, и после всей его болтовни ни я, ни слушатели ничего об этом не узнали, впрочем, мы досыта наслушались про психосоциологический стресс в различных стратах урбанистического капиталистического общества и

экзистенциальные проблемы у вернувшихся с войны ветеранов.

Но стало понятно, что Святой Отбой был ветераном, очевидно, Второй Мировой (судя по его возрасту). Была ли его семья богатой, бедной или принадлежала к среднему классу, вырос ли он в большом городе или маленьком городке, учился ли он в колледже или поднабрал психосоциологического жаргона самостоятельно — всё это так и осталось неизвестным. Но он побывал на войне. Кто угодно мог бы спокойно приписать его зависимость последствиям пережитого сражения в Арденнах (или битвы за холм в уезде Иончхон, если он был моложе, чем казался на вид).

В конце передачи я попытал удачи.

«Предположим, что нас слушает человек, который думает прямо сейчас попробовать сделать себе инъекцию героина», — сказал я. «Что ты ему скажешь?»

Как только эти слова слетели с моих уст, я замер. Святой Отбой был так обсажен «лекарством от Господа», что вряд ли увидел бы в этом что-то плохое. Вполне возможно, что он не произнёс бы тираду о вреде джанка, которую я надеялся услышать.

Но мне не стоило беспокоиться. Святой Отбой не был полностью отбит. «Пускай переберётся в Англию, — безразлично сказал он, — там наркоманов меньше достают».

«Значит, — сказал я, зарабатывая баллы для федеральной комиссии по связи, — ты считаешь, что каждый, кто сделает инъекцию героина, может стать героинозависимым?»

«Ну, — ответил он, — каждый в глубине души отдаёт себе отчёт, что может стать зависимым, когда пробует джанк. Некоторые не призваны к этому и бросают после нескольких уколов».

Так я узнал ещё одно о Святом Отбое. Он был бывшим католиком. Никто другой не применил бы такую метафору именно таким образом. Где-то, давным-давно, кто-то пытался убедить его в том, что он призван стать священником. Может быть, он даже в семинарии учился.

На этом передача закончилась. В следующий раз я увидел его меньше чем через неделю, и было ясно, что он ещё не принял дневную дозу. Он подошёл ко мне в кофейне, превращение было шокирующим. Взгляд Будды превратился в отчаянный, в голосе слышался скулёж, а «факты» теперь вызывали у него очень сильные чувства.

Он сказал, что передача имела большой успех («все о ней говорят»), что было сильным преувеличением. Подразумевал он то, что его появление в моей передаче мгновенно вознесло её на

какую-то вершину успеха, и я, таким образом, был у него в большом долгу.

Заметка: если бы я попался на это хоть раз, он бы вернулся снова. Снова и снова.

Заметка: если бы я не попался на это хоть раз, то чувствовал бы себя негодяем. А ещё была бы обчищена чья-нибудь квартира — возможно, моя собственная, поскольку он знал, где я живу, и, возможно, решил, что я симпатизировал ему настолько, чтобы не сдать его легавым.

Заметка: в ту неделю я был при деньгах.

Я дал ему двадцать долларов и скормил ему свою историю, про четырёх детей, трудности работы независимого автора и жадное руководство радиостанции. Всё его внимание сосредоточилось на двадцатке; остальная моя болтовня прошла мимо его ушей. Он удалился, рассыпаясь в благодарностях, и я знал, что он вернётся.

Но я ошибался.

Вскоре после этого Святой Отбой снова попался и стал одним из первопроходцев заместительной метадоновой терапии. Прошло больше года, прежде чем я увидел его снова.

Я вернулся в Нью-Йорк и в ходе короткого визита разглядывал книги в потрясающей книжной лавке «Peace Eye» на авеню Эй, в котором невероятный человек Эд Сандерс, рок-певец/поэт/издатель/дзэнский безумец, продаёт книги с названиями вроде *«Ебать бога в жопу»* и *арт-объекты* вроде вазелина, которым пользовался Аллен Гинзберг, когда пидорасил Питера Орловски или лобковых волос известных поэтесс. Кроме этого у Эда была великая мечта всей жизни, снять грандиозный фильм панорамной аппаратурой «Синерама», главными участниками которого были бы контркультурщики, от рок-певцов до суровых политических активистов, устраивающие двухчасовую оргию, а называлось бы это «Монгольская свальная ебля».

Эдана на месте не было (он был в концертном туре со своей рок-группой The Fugs, название — дань уважения Норману Мейлеру), но, к моему удивлению, в лавку зашёл Святой Отбой и положил стопку журналов на прилавок. Он работал в оптовой торговле журналами, у него была своя машина, он развозил товар по всей южной части Манхэттена, и, похоже, здравствовал благодаря метадоновой диете, которую ему назначил губернатор штата Нью-Йорк.

Всё это я узнал за обедом в «McSorley's», куда пригласить его меня заставило любопытство, а также память о *старых добрых временах*. Он был первым участником метадоновой программы, с которым я встречался лично, и мне нужен был как минимум час,

чтобы разузнать столько, сколько получится.

Теперь у Святого Отбоя были имя и фамилия, как у любого другого приличного гражданина — назовём его Джо Смит: настоящее имя было такое же незапоминающееся. Но это была бирка, с которой он родился (сказал мне он) и он не пользовался ей — и не видел её кроме как в отчётах полиции — больше двух десятков лет. Принять её снова для него было как снова принять себя, по-новому.

Он сказал, что его теперь совершенно не тянет к героину. Я ему поверил. Другой бывший героиновый наркоман как-то раз мне рассказал, что два самых счастливых года жизни провёл во Франции в пятидесятых, покупая метадон в аптеке, вкалывая его сразу по приходу домой и совершенно не волнуясь, что его схватят копы. Но затем правительство Франции запретило метадон, и он вернулся к тому, с чего начал. Пока эта счастливая передышка длилась, однако, он был таким же воздержанным и респектабельным гражданином, каким он был на момент рассказа. Легальный джанк не создаёт такие проблемы, как нелегальный джанк.

Святой Отбой — или Джо Смит — сказал мне, что ему доставляло удовольствие зарабатывать себе на жизнь. «Это приносит в жизнь порядок, — сказал он, — а без порядка жизнь — сплошная тягомотина». Я подумал, что это интересным образом противоположно представлению многих любителей кислоты о то, что в совершенном обществе будущего всю работу будут выполнять механизмы, а люди беспрепятственно будут посвящать себя любви, сложным взаимоотношениям и искусству. Торчки, и даже бывшие торчки, зачастую относятся к жизни как к проблеме, которую надо либо избежать (при помощи «угнетающих» наркотиков), либо решить усилием воли; однако психоделическому племени она видится как развлечение, которое можно улучшить (при помощи «облегчающих» наркотиков) или наблюдать, находясь в созерцательном покое.

Когда я увидел Джо Смита в следующий раз, в нём оставалось даже ещё меньше Святого Отбоя. Это было несколько месяцев спустя, он был в баре с миленькой девчушкой, которая была никак не старше 16 лет. Он увидел меня, когда мы зашли туда с женой, и пригласил нас за свой столик.

Мы подсели к ним и немного выпили. Вскоре стало ясно, что Джо Смит был галантным кавалером, искусителем женского пола (или по крайней мере шестнадцатилетних девиц), умудрённым опытом светским человеком, и его бы никогда не увидели в обществе такого сомнительного персонажа, как безрадостный Святой Отбой. Также ясно было, что он был выпивохой,

симпатичным выпивохой, которого все любят, таким, каких иногда играет Бинг Кросби, но несомненно, как ни крути, выпивохой. Буддоподобный торчок испарился и ему на смену пришёл обаятельный старый бабник.

А ещё он был в настроении для самокопаний и, ещё немного выпив, вдруг начал «рассказывать всё без утайки».

Мы обсуждали Движение За Освобождение Женщин, и от этого каким-то образом разговор перешёл к вечно раздражающим проблемам отказа в сексе — как сказать кому-то «нет», не обидев этого человека? И как примириться с «нет», не обидевшись самому?

«Помнишь первый раз, когда тебе отказали в сексе?» — спросил Джо Смит. «Спорим, что не помнишь. Спорим, что твоё воспоминание об этом — призрак, тень подлинного переживания. Фрейд в своих теориях обсчитался на десять лет. Причины наших неврозов это не травмы детских лет — а мы и их тоже забываем. Потому что это слишком больно. Первый раз, когда хочешь женщину, на самом деле хочешь её — только её и никого другого — а она отказывает тебе, это как получить по яйцам. Ты сразу думаешь о самоубийстве — потому что кажется, что боль никогда не покинет тебя. Не можешь вспомнить? С тобой именно такое разве не случалось хоть раз? Не думал достать папино ружьё из гаража и разнести себе башку?»

«Нет», — сказали. «Я думал спрыгнуть с Бруклинского моста».

«Вам надо написать книгу», — сказала ему моя жена. «Новый взгляд на психоанализ. Первичный отказ вместо первичного крика. Но не пишите исключительно с точки зрения мужчины. Юным девушкам ещё труднее. Всё-таки девочка, которая набирается смелости настолько, чтобы подкатить к мальчику, в нашем обществе будет чувствовать себя последней шлюхой, если он ей откажет».

«Ладно», — сказал он. «Тут я согласен. Это абсолютно совпадает с моими словами. Вся эта война между полами начинается с таких случаев. Мы проживаем жизнь, наказывая наших следующих возлюбленных за эти подростковые мучения. У каждого парня, который ведёт себя с женщинами как подонок, было такое. У каждой женщины, унижающей мужчин, было такое. Исключений не бывает. Так это всегда начинается».

«Что же решит эту проблему?» — спросил я. «Обязательная доступная любовь для подростков?»

«Нет», — сказал он. «Такое не навяжешь. Решения нет».

«Звучит довольно пессимистично», — возразил я.

«Я сидел на игле двадцать три года», — сказал он. «Марси об этом знает», — добавил он, бросив взгляд на свою девчушку. «Я

от неё ничего не скрываю. Я был торчком большую часть своей взрослой жизни. Ты хочешь, чтобы я поверил, что в этом мире что-то заканчивается хорошо?» Этот взгляд, такой безжизненный в торчковские деньки, на секунду наполнился неприкрытым ужасом. Затем он взял себя в руки, цинично улыбнулся и добавил: «У меня есть работа, которая мне нравится, и женщина, которая меня любит, а я всё ещё не знаю, за каким чёртом я живу, или что всё это значит, или почему жизнь почти у всех такая кошмарная».

«Вот из-за этого ты и несчастен», — сказала Марси. «Ты задаёшь слишком много вопросов».

Вот, в общем-то, и всё, что я узнал о Святом Отбое и/или Джо Смите. Иногда я представляю это его подростковое переживание, и мне кажется, что в нём участвовала девчонка возраста Марси. Я представляю себе, что он сидел на джанке двадцать три года, чтобы продолжать быть бесчувственным к сексу, чтобы не дать себе искать других девочек этого возраста. А в другие разы я выстраиваю другой сюжет и вижу женщину старше него (тётушку? соседку?), и представляю себе, что он постоянно избегал её образа. Даже после того, как он слез с джанка, он не смог выйти на ринг секса с взрослой женщиной. Я не знаю — и никогда не узнаю.

Через несколько месяцев после этой встречи Марси, не таясь, ушла от него к мужчине помоложе — по крайней мере такие были слухи, когда я об этом услышал.

Первичный отказ. «Вам надо было написать об этом книгу».

Он не написал книгу. Он вписал всё это в то, что газеты назвали «самой диковинной предсмертной запиской, с которой когда-либо сталкивалась полиция Нью-Йорка». Хозяйка квартиры, которую он снимал, нашла её вместе с его трупом, лежащим в постели, он умер от передозировки барбитуратами. На стене он нарисовал в преувеличенно детской манере люминесцентными красками, которые так любят любители кислоты и дети, гигантское розовое сердце ко дню Святого Валентина. Внутри него он тщательно вывел печатными буквами разных цветов надпись:

Мария
Матерь божья
Смилуйся
Надо мной

6.
Тибетские трипы со скачками сквозь время и пространство среди взрывающихся звёзд

В ходе анализа воздействия ЛСД-25 на человеческий разум была выдвинута разумная гипотеза относительно того, что эти вещества действуют на человеческий компьютер, привнося белый шум (имеется в виду случайным образом варьирующаяся энергия, в которой нет сигнала как такового) в определённые системы компьютера… Этот компонент шума, добавленный к обычным сигналам в схемах, делает значения настолько неопределёнными, что повышается возможность появления новых интерпретаций. [курсив в оригинале]

— Доктор Джон Лилли, «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера»

Когда три доктора философии, Тимоти Лири, Ричард Альперт и Ральф Мецнер начали ставить на себе эксперименты с участием ЛСД-25 в Гарварде в 1960 году, они были добропорядочными, строго придерживающимися научных традиций психологами. После них доктор Лири стал скрывающимся от правосудия беглецом и ревностным приверженцем сексуальной магии Алистера Кроули, преодолев этапы с попытками быть восточным гуру в клёвых шмотках и неистовым революционером в неказистой одежде марксиста. На смену доктору Альперту пришёл «Баба Рам Дасс», приверженец хатха-йоги, придерживающийся традиционных индуистских воззрений. Доктор Метцнер посвящает свою жизнь тому, чтобы учить методам расширения сознания, при которых не требуются

наркотики, что включает в себя йогу, гадание на картах Таро, сексуальную магию, гадание на «Книге Перемен» и алхимию. Почти наверняка те идеи, с которыми эти люди сталкивались в прошлом, сыграли важную роль в формировании их идей. Но почти также наверняка (они в этом убеждены, и их почитатели и критики тоже склонны верить в это) ЛСД было катализатором, выгнавшим их из кущ учёного мира в ослепительные безоблачные выси неортодоксальности.

Доктор Джоэл Форт постоянно напоминает нам, что приписывать подобное развитие характера исключительно действию наркотика — ненаучно, суеверие. «От марихуаны, — однажды сказал он мне, — волосы не начнут расти». Это правда. И от ЛСД музыкальные интересы не сместятся от Бетховена к тяжёлому року. Тут не поспоришь. Если бы «Битлз» появились в то же время, но стриглись бы коротко и играли бы кул-джаз, во всей наркокультурной тусовке скорее всего были бы популярны короткие стрижки и кул-джаз. Подобные харизматичные герои всегда играют большую роль в распространении моды на что-либо, чем любой наркотик.

Тем не менее есть некая связь между развитием доктора Лири, доктора Альперта и доктора Метцнера и такими похожими друг на друга историями, как эти:

• **доктор Джон Лилли** после экспериментов с ЛСД прекратил исследования, связанные с дельфинами, которые прославили его во всём мире, и выпустил всех дельфинов на волю.

• **Олдос Хаксли** после экспериментов с мескалином и ЛСД резко изменил свой подход к сочинению книг, перестав отдавать предпочтение трагическим и в чём-то пуританским предубеждениям, переполнявшим его произведения с начала 1930-х годов, и начал писать оптимистичные книги. Он также начал относиться к сексу как к созидательной и приносящей радость, а не как к разрушительной и опасной силе.

• **Кен Кизи** после экспериментов с ЛСД прекратил писать романы и посвятил жизнь розыгрышам, хэппенингам, рок-концертам и прочим квази-духовным видам творчества.

Подобным историям нет конца. Я познакомился за прошлый десяток лет как минимум с несколькими сотнями любителей кислоты, и во всех из них без исключения произошли настолько же резкие перемены, с моей точки зрения, не всегда благоприятные. Не то чтобы кислота подталкивала человека к определённым идеям (отказу от насилия, восточной мудрости и так далее). Эти идеи просто витали в воздухе в шестидесятых. На самом деле действие кислоты часто было противоположным (к примеру, когда Лири временно стал адептом философии

«пристрели копа, взорви здание» подполья «Синоптиков»).

Что чаще всего делают ЛСД, мескалин и похожие психоделики, в особенности после нескольких трипов, так это открывают перед человеком то, что доктор Лилли называет «шумом». Это специальное понятие из области кибернетики, означающее внешние сигналы, не похожие на информацию. (Кеннет Старр — выдающийся m'hashka shibron franzel ob frimmt). Выражение в скобках начинается с трёх единиц, состоящих из «информации», а продолжается пятью единицами, являющимися всего лишь «шумом». Как отмечает доктор Лилли:

> Главный принцип действия, это, по-видимому, то, что *человеческий компьютер работает таким образом, что выводит сигналы из шума, а следовательно, создаёт информацию из случайных энергий, в которых сигнала не было*… С помощью тщательного анализа «созданной» из шума информации можно выявить, что она находилась в хранилищах информации компьютера…

Читатель, если он является нормальным биокомпьютером, не воспринял предложение «m'hashka shibron franzel ob frimmt» как простой шум. Вместо этого он попытался найти в нём некий призрак или некую тень смысла — как минимум он воспринял «ob» как родственное слову «of» и предположил, что первые три слова были адъективным словосочетанием, а «frimmt» — существительным-дополнением. Некоторые читатели, возможно, спроецировали из банков данных своих компьютеров гораздо больше и увидели в шуме искажение какого-то хвалебного или оскорбительного высказывания, которое они лично отнесли на счёт господина Старра.

Это именно то, что происходит во время ЛСД-трипа. Разница в том, что шум и свежесозданная информация поступают к трипующему не только через буквы на странице, но и посредством каждого из чувств, включая 17 чувств, которые современная наука только что открыла вдобавок к обычным зрению, слуху, осязанию, обонянию и вкусу.

Далее происходит, мягко говоря, уникальное переживание, в процессе которого человек обучается. В традиционном западном образовании мы обучаемся только посредством ушей, глаз и небольшой области лобных долей нашего головного мозга, будучи принуждены сидеть в йогической позе за партой. Обучаясь актёрскому мастерству или танцам или участвуя в спортивных тренировках, скажем, в бейсболе или футболе, мы обучаемся при помощи мышц, нервов, желёз и различных внутренних чувств. Трипуя под психоделическим наркотиком типа ЛСД, мы

обучаемся на всех каналах наших биокомпьютеров, мы, на самом деле, обучаемся столь многому и столь быстро, что еле понимаем, чему обучаемся. Зачастую на то, чтобы расшифровать, что именно происходило во время трипа, уходят месяцы.

Мы уже упоминали о дискуссии по поводу того, как называть процесс генерирования подобной новой «информации» — *психоделическим* (расширением сознания) или *галлюциногенным* (бредовой иллюзией). Похоже, это зависит от того, достаточно ли скептичен был субъект во время событий и после них. К примеру, в своей книге «Центр циклона» доктор Лилли рассказывает о новой информации, которая будто бы попала в его мозг от существ из другой галактики. Вообще-то это совсем не редкость во время кислотных путешествий, и среди моих знакомых не один человек столкнулся с таким же опытом. Доктор Лилли подходит к этому как учёный и приводит ровно дюжину теорий относительно того, откуда на самом деле появилась эта информация; он включает сюда, к примеру, настолько же дикое предположение, что её переслали находящиеся на Земле телепаты из будущего. Он не может решить, какая из теорий верна, но предпочитает в выборе руководствоваться обычными научными стандартами, а именно выбрать «наиболее экономную» теорию — то есть теорию, в которой вводится меньше всего новых сущностей. Он предпочитает, таким образом, предполагать, что эти впечатления поступили из части его собственного компьютера, которую сознание обычно не видит.

С этим не может поспорить ни один скептик. Что мы, однако, скажем о тех, кто признает правильным первоначальное впечатление и уверует в то, что действительно контактирует с неземными разумными существами? Психиатры скорее посчитают, что они галлюцинируют или бредят. Самое большее, что скажут любители научной фантастики, впрочем, это то, что такие люди слишком доверчивы или слишком спешат с выводами: останется возможность того, что они правы. А русские парапсихологи, считающие, что уже продемонстрировали, что обмен телепатическими сообщениями на расстояниях в тысячи километров возможен, естественно, не исключат возможности такого обмена в масштабах галактики и даже между галактиками. Даже в NASA посчитали такую возможность достаточно правдоподобной, чтобы устроить испытание, в ходе которого астронавт с луны предпринимал попытки послать телепатические сообщения четырём экстрасенсам, находившимся на Земле.

Что тогда насчёт тех людей (им нет числа), которые в кислотном трипе встретили «Бога»? Очевидно, если мы атеисты (как и большинство учёных, хотя в странах, где у власти не

коммунисты, они и стараются не заявлять об этом настолько открыто), мы предположим, что человек, сделавший такое заявление, галлюцинировал. Но, предположим, мы верим в Бога. Что тогда? Ответ, видимо, зависит от того, как мы представляем себе Божество — или того, согласны ли мы с мыслью, что Бога может быть легче найти с ЛСД внутри организма, чем с пшеничным хлебом, или бурбоном, или ливерной колбасой внутри организма. Индуисты и христианские мистики, верящие в то, что Бог повсюду, но невидим для нас из-за нашей зацикленной на себе природы, с лёгкостью поверят, что вещество, которое иногда стирает «я», также может сделать виднее Бога.

А теперь что насчёт заявлений вроде этого — его сделал Баба Рам Дасс, некогда доктор Ричард Альперт?

> Тим [Лири] абсолютно прав насчёт того, что ЛСД улучшает секс. Перед тем, как попробовать ЛСД, я никогда не оставался в состоянии сексуального экстаза несколько часов напролёт, а под ЛСД у меня это было. Оно усиливает все ваши чувства, а это значит, что вы переживаете сексуальный опыт полностью. Каждая ласка или поцелуй длятся вечно.

Когда Рам Дасс сделал это заявление, попавшее в материал «Плейбоя» о Наркотической Революции, Джон Финлейтор из Бюро по наркотикам и опасным лекарственным средствам с издёвкой спросил: «Рам Дасс, а вы не прихвастнули, с вашим-то возрастом?» Большая часть психологов и психиатров так же скептически относятся к более экстравагантным заявлениям об эротическом эффекте ЛСД от его приверженцев.

И тем не менее та часть, которую сложнее всего принять обычному человеку («сексуальный экстаз несколько часов напролёт»), является возможной. На востоке мастера тантрической йоги достигают этого без наркотиков; суфии уже давно освоили это при помощи продуманной комбинации гашиша и йогических приёмов; и в Европе (как мы видим из предыдущих глав) также существовала давняя «оккультная» традиция сексуальной магии, с наркотиками и без, в которой половой акт также растягивается на часы.

Лично я убеждён, на основании услышанного мной и моего личного опыта, что такого достичь не запредельно сложно, а различные вещества, включая ЛСД и гашиш, делают эту задачу гораздо легче, стоит только освоиться. Как бы то ни было, многие скептики продолжат обвинения в том, что те, кто заявляют об этом, испытали только хорошо известное субъективное «растяжение времени». Если экспериментатор ответит, что

засекал время по часам, такие скептики скажут, что он галлюцинировал и неправильно увидел время на часах. Пока не будут проведены исследования в лабораторных условиях, этот вопрос не будет закрыт. Но федералы всё ещё настроены на то, чтобы пресекать такие исследования. Если вечность и возможна, они не хотят, чтобы её исследовали учёные.

Вечность сегодня

Поэт Уильям Блейк, не принимавший кислоту, давным-давно описал растяжение времени в стихотворении «Прорицания невинного» («Auguries of Innocence»):

> В горсти уместить бесконечность
> И вечность вместить в один час.

В этом истинная суть сексуального опыта под ЛСД, не имеющая особого отношения к действительному продлению акта на часы замеряемого по часам времени. С другой стороны, некоторое действительное продление совершенно необходимо, чтобы достичь такого эффекта.

По-видимому, предполагается взаимообратный процесс, в ходе которого растяжение *субъективного* времени (благодаря действию наркотика и/или йогическим медитативным приёмам) позволяет почувствовать расслабленность без потери сексуального «заряда», что позволяет постепенно растянуть замеряемое по часам время: это в свою очередь позволяет глубже расслабиться — человека переполняет чувство жизнерадостности и благополучия, а страхи, которые иногда служат помехой акту, оказываются рассеяны — и это вызывает в человеке всё большее и большее растяжение *субъективного* времени. Затем цикл бесконечно самовозобновляется, поскольку процесс позволяет ещё дальше растянуть *замеряемое по часам* время.

Причина того, что это многим кажется невероятным, такова, что (несмотря на мощную пропаганду Д. Г. Лоуренса, Вильгельма Райха и нескольких других горластых участников сексуальной революции) аспект нежности в сексе — в христианском и постхристианском обществе — весьма неразвит. Человек, который вполне может быть гурманом, выучившимся «девяноста девяти тонкостям» приёма пищи, будет всё так же сплошь да рядом подходить к сексу с позиции изголодавшегося обжоры, *жадно проглатывающего* оргазм будто бы в страхе, что без такой нервозной спешки древний хмурый Бог пуритан может заметить,

что он делает что-то нечистое. Под увеличительным стеклом ЛСД такая невротическая гонка со временем перестаёт быть возможна: поскольку каждое мгновение длится вечность, невозможно никуда поспешить.

Этот же эффект увеличения, возможно, объясняет, почему некоторые из принимавших ЛСД обнаружили, что для них вещество является подавляющим сексуальное влечение, анафродизиаком. Под таким увеличительным стеклом эти люди сталкиваются со своими негативными взглядами на секс, расширенными и увеличенными, и никак не могут проскочить мимо них на полном ходу. Если подобные пережитки пуританства достаточно сильны, они полностью подавляют половое влечение. Это может быть даже началом запоминающегося бэд-трипа.

Но кислота — несокрушимая сила. Гораздо чаще, согласно рассказам людей, которые обуждали со мной этот деликатный вопрос, бывает, что такой блок на одном уровне всего несколько мгновений спустя растворяется «как по волшебству», когда нейрологическое состояние изменяется. Человек вдруг начинает смеяться и с трудом может вспомнить, где был блок и в чём он состоял. Это случилось с Джейн, чью историю мы рассказывали в прелюдии, а также похожие впечатляющие случаи исцеления от фригидности были задокументированы несколькими психиатрами, применявшими ЛСД-психотерапию, когда это ещё было легально, до времён Новой Инквизиции. (Смотри Т. М. Лин и Дж. Бакмэн, «Лизергиновая кислота (ЛСД) и риталин в лечении неврозов» — T. M. Ling and J. Buckman, *Lysergic Acid (LSD) and Ritalin in the Treatment of Neuroses)*. В подобных случаях кажется, будто «шум» или «новая информация» — бомбардировка чувств незнакомыми сигналами — на самом деле обучила тело чему-то на довербальном уровне: чему-то, что убедило его, что старые страхи и напряжённость больше не нужны.

В главе, посвящённой марихуане, я уже предполагал, что сарафанное радио, распространявшее молву о подобном эффекте в области секса, было весьма важным компонентом зашкаливающей популярности травки в последние несколько десятков лет — задолго до того, как учёные-консерваторы осмелились предположить, что это поставленное вне закона растение таки приносило пользу в сексуальном и общем психологическом плане для многих из употреблявших его. Я также склонен подозревать, что подобное сарафанное радио сыграло большую роль в том, что популярность ЛСД только нарастала *несмотря на леденящие душу истории про самоубийства и безумие, которыми поливали нас самые влиятельные и авторитетные источники.* Как язвительно заметил психолог Уильям Макглотлин, «экспертам» запрещено

проводить исследования в этой области, тогда как те, кто занимались такими исследованиями, являются нарушителями закона, а следовательно, считаются не заслуживающими доверия — и всё же им должно быть известно что-то, чего эксперты не знают, потому что на их стороне опыт.

(Профессор Макглотлин, между прочим, также проводил любопытное исследование страхов относительно опасности ЛСД. Он обнаружил, что среди профессиональных врачей — в опросе участвовали только они — у тех, кто по-настоящему занимался исследованиями с применением ЛСД, когда это было легально, опасения были очень малы. Психологи и психиатры с подобным опытом хоть и не были столь оптимистичны, как восторженный доктор Лири, но всё же гораздо меньше беспокоились насчёт «угрозы ЛСД», чем психологи и психиатры, никогда не занимавшиеся такими исселдованиями. Обычные врачи были, кстати, более встревожены, чем психологи и психиатры. Надо полагать, не получившие никакого научного образования люди — то есть наши политики — напуганы больше всех).

Секс и единение

Я много раздумывал над проблемой сравнения секса под ЛСД с сексом под анашой или гашишем, сексом под стимуляторами типа кокаина, амфетаминов или амилнитрита и обычным сексом. Простые определения не смогут передать тонкие различия. Лучшее, что я могу сделать, это предложить читателю таблицу 2 ниже.

Не стоит и говорить, что даже это — чрезмерное упрощение. Некоторые люди, по-видимому, переживают ощущения при сексе под ЛСД, не прибегая вообще ни к каким наркотикам (читайте «Любовника леди Чаттерлей» или «Поком звонит колокол»), у некоторых даже под ЛСД секс не отличается от обычного; у некоторых под действием каннабиса будут все желаемые эффекты, приписываемые каннабису, а у некоторых — только один или два таких эффекта, и так далее. Что самое важное, нужно отметить, что *для первой попытки заняться сексом под ЛСД или психоделиками, или даже большой дозой наркотиков на основе конопли, характерна сексуальная дисфункция в какой-либо форме* («импотенция» или «фригидность»). Человек оказывается посреди океана новой информации (нервная система «зашумлена», пользуясь термином доктора Лилли), и ему приходится *учиться* прокладывать в нём курс. Для такого обучения были написаны «Психоделические молитвы по Дао Дэ Цзин» доктора Лири и

«Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера» доктора Лилли. (Многие полезные программы, называющиеся «ритуалами», можно также найти в руководствах по магике Алистера Кроули, Луиса Каллинга, Израэля Регарди и средневековых алхимиков).

Таблица 2

ОБЫЧНЫЙ СЕКС	СЕКС ПОД СТИМУЛЯТОРАМИ	СЕКС ПОД ПРОИЗВОДНЫМИ КАННАБИСА	СЕКС ПОД ЛСД ИЛИ ДРУГИМИ ПСИХОДЕЛИКАМИ
Обычно непродолжительный: от полутора минут (средняя продолжительность по Кинси!) до получаса	Обычно непродолжительный: от полутора минут до получаса	Более продолжительный: от 45 минут до 2 часов Ещё более продолжительный: от 2 до 3 часов	Более продолжительный: от 45 минут до 2 часов Ещё более продолжительный: от 2 до 3 часов
Воспринимается как непродолжительное	Воспринимается как замедленное	Воспринимается как замедленное	Воспринимается как замедленное
Сосредотачивается в гениталиях	Сосредотачивается в гениталиях	Склоняется к распределённым по всему телу сразу ощущениям	Ощущения во всём теле сразу («полиморфная перверсия» Фрейда)
Оргазм может разочаровать («чиханье чресел», «мимолётная шалость», и так далее)	Оргазм ощущается как тотальное блаженство	Оргазм ощущается как тотальное блаженство	Оргазм ощущается как тотальное блаженство, иногда — с кратковременной утратой эго
Если оргазм отсутствует, немедленно появляется ощущение фрустрации	Если оргазм отсутствует, ощущение фрустрации может и не появиться	Секс без оргазма иногда полностью удовлетворяет	Секс без оргазма иногда полностью удовлетворяет Обычно намеренные фантазии
Обычно намеренные фантазии	Спонтанно возникающие галлюцинации	Не вполне возможно отделить реальность от галлюцинаций	Не вполне возможно отделить реальность от галлюцинаций
Может присутствовать какая-то степень враждебности	Может присутствовать какая-то степень враждебности	В случае любого проявления враждебности, акт становится *неосуществим*	В случае любого проявления враждебности, акт становится *неосуществим*

Таблица 2

«Психоделические молитвы» доктора Лири, к примеру, можно

либо читать вслух (прямо как в традиционном магическом ритуале на манер Кроули и предшествовавших ему колдунов), либо записать на плёнку до психоделического сеанса и воспроизвести во время самого трипа. Они начинаются с шести «молитв для подготовки», которые можно рассматривать как самовнушение, направленное против проявлений тревоги, вызывающих бэд-трипы, за которыми следуют семь «подношений атому», попыток перенести сознание с обычного объективного уровня на уровень процессов или энергий, наблюдаемых в современной математической физике. (В такой мир энергий часто попадаешь под психоделиками и без подобного внушения — смотри опыт физика, друга Джейн из прелюдии. Это посвящение служит для того, чтобы удерживать сознание в таком состоянии и не давать ему отклоняться или колебаться). Следующий раздел, «подношение ДНК», помещает сознание в сугубо биологическое энергетическое поле, в котором — как мы отмечали во введении — по-видимому, и происходит переживание «психологической» стороны секса. К примеру, одиннадцатое подношение в этом разделе выглядит следующим образом:

Долина жизни
Врата Нежной Тайны
Начала в самом низком месте
Врата Нежной Тайны
Врата Тёмной Женщины
Врата Нежной Тайны
Семя Таящее Всё Живое

Врата Нежной Тайны
Всегда Непреходящие
Врата Нежной Тайны
Обратись к ней нежно
Ни толики боли

Когда это исходит из магнитофона и доходит до ушей трипующих вместе мужчины и женщины, это оказывает неслабое гипнотическое действие — настолько мощное, что двойной смысл становится достаточно ясен и чётко воспринимаются обе метафоры сразу, «Врата Нежной Тайны» читаются одновременно как спираль молекулы ДНК и спираль строения влагалища.

Следующий раздел «программы» — это «подношение органам чувств, воспринимающим внешний мир» в пяти частях, посвящённое соответственно глазам, ушам, пальцам, носу и языку. То есть тут идёт намеренная настройка на каждое из пяти

традиционных чувств по очереди, таким образом несколько упорядочивая на первый взгляд совершенно хаотичный поток новой информации.

В пятом разделе мы движемся по чакрам, которыми пользуются индуистская йога и китайская акупунктура. (Западная медицина их так и не обнаружила, а Алистер Кроули, один из современных мистиков, прямо считал их воображаемыми. Как бы то ни было, и умение некоторых йогов контролировать с помощью мысли изначально непроизвольные процессы в нервной и эндокринной системах, задокументированное различными западными исследователями, и успехи акупунктуры в той же области означают, что эти «воображаемые» узлы в *какой-то* степени реальны. Русские парапсихологи сейчас утверждают, что у них всё-таки есть доказательства их существования).

Программа чакры секса направляет трипующих к тому, чтобы «парить сквозь вселенную твоего тела», вторично добираясь до остальных чакр, а затем «тихо лежать в скользком союзе мужского и женского». Главное здесь это «тихо лежать» (нужно делать это по меньшей мере несколько минут), потому что конечный результат всего этого программирования просто не проявится без такой интерлюдии с *проникании без движения.*

Когда достигается желаемый результат, он более чем оправдывает всё это подготовительное программирование. Те, кто побывали там, поймут, что я имею в виду, все остальные же вправе с радостью наслаждаться своим скептическим отношением. Индуисты называют это «пробуждением Змеи», или, выражаясь менее поэтично, подключением к энергии Кундалини, которая считается мощнейшей силой во вселенной, действие которой может вызывать ещё более невероятные последствия, чем даже действие атомной энергии. Древние жители Мексики, с энтузиазмом экспериментировавшие с психоделическими грибами, называли свою столицу, находившуюся в середине страны, где выращивали грибы, Теотиуакан, что значило «место, где люди стали Богами» и «место, где Змей научился летать». (Кецалькоатль, бог, который, как гласит легенда, обучил этому искусству людей, изображается в виде змея с крыльями). Оккультисты часто говорят о Книге Бытия как о зашифрованной программе сексуальной йоги, а каббалисты, верящие, что написанные еврейскими буквами слова, обладающие одинаковым числовым значением, принадлежат к одним и тем же силам, давно уже заявляют, что змей в Книге Бытия и мессия в книгах пророков Иеремии и Иезекииля — одна и та же сущность, поскольку у них одно и то же число, 358.

В более прозаичном плане (тут мы забудем о

предположительно существующем змее и гипотетической энергии Кундалини), похоже, возможно описать процессы, разворачивающиеся во время подобных опытов в терминах современной науки. Одну из лучших точек зрения можно найти в обделённом вниманием небольшом шедевре психолога Дэвида Коула Гордона, посвящённом мастурбации, под названием «Любовь с самим собой» *(Self-Love)*. Профессор Гордон выдвигает предположение, что переживания «единения» проявляются на множестве уровней и гораздо более разнообразны, чем мы до сих пор осознавали. Собственно, он настаивает на том, что многие переживания, считающиеся грубыми или низменными, с неврологической точки зрения совершенно совпадают со вселенским трансом у Будды, Иисуса, Блейка или Уитмена.

Американский футбол, как утверждает Гордон, сменил бейсбол в качестве всенародно любимого спорта, потому что он даёт возможность как игрокам, так и зрителям пережить большее количество этих «единений». Переживание единения, это, по сути, всего лишь момент высвобождения, следующий за периодом нарастающей напряжённости: во время этой судороги, поток энергии течёт так сильно, что невозможно «вспомнить» об обычном различии между «я» и окружающей средой. Некто попросту есть. Неважно даже, является ли этот опыт в обычном смысле приятным или нет — что объясняет, почему мы ожидаем субботнего матча даже несмотря на то, что он может оказаться «неприятным» (наша команда проигрывает) с такой же вероятностью, как и «приятным» (наша команда выигрывает). Суть не в конечной точке, скажем так, а в самом путешествии — в моментах облегчения после напряжённости, таких, как внезапный пас вперёд. Мы так взволнованы, так объединены, когда летит мяч из свиной кожи, что наши железы не разбирают, забивает голы наша команда или другая: мы чувствуем один «кайф» или «вспышку» (как это назвали бы те, кто употребляет наркоту). Профессор Гордон приводит знаменитое высказывание Ника Грека (игрока в покер Никоса Дандалоса) насчёт того, что наибольшее удовольствие после выигрыша в азартной игре ему приносит проигрыш в азартной игре. (Это также объясняет наше загадочное упоение фильмами ужасов или даже спектаклями-трагедиями. Вспышка единения — та же самая, каким бы стимулом она ни была вызвана.

Как отмечает профессор Гордон, это также относится и к тому, что действительно увлечённые игроки в карты предпочитают стад-покер дро-покеру. В игре в дро-покер всего одно пиковое переживание (этот тот момент, когда наконец открывают карты), но в игре в пятикарточный стад-покер пять

пиковых переживаний, а в семикарточном стад-покере их семь.

Эти «маленькие сатори»[55], как их называет Алан Уоттс, незаурядный религиозный мыслитель, также отметивший их значимость для жизни человека, могут перерастать в то, что можно назвать «средними сатори», при которых человек как целое ещё глубже вовлечён, накапливается больше напряжённости на протяжении более долгого периода, и соответственно более сильным оказывается высвобождение в момент кульминации. И тут мы добираемся до знаменитых «пиковых переживаний», считающихся столь важными в психологии доктора Маслоу и гештальт-психологов: трансцендентных мигов романтической или родительской любви, прорывов в науке и искусстве, экстазах покорителей гор и тому подобного. А когда разрежение «я» становится абсолютным, мы переживаем «истинное сатори», это вселенское сознание, которое изучал канадский психиатр Р. Бекк (R. Bucke), обладавший двумя уникальными преимуществами в данной области исследований: он пережил это сам и мог пронаблюдать, как это происходит с его другом Уолтом Уитменом.

Может показаться странным, что судорога толпы болельщиков на американском футболе, когда игрок пересекает линию гола, может в более слабой форме повторять знаменитое переживание доктора Бекка, когда он, не принимая никаких наркотиков и не практикуя страстные молитвы, йогу или другие методы самопрограммирования, совсем неожиданно обнаружил себя однажды «окутанным облаком цвета пламени», а затем осознал, что «пламя было внутри меня». (Кундалини?) Как он писал потом, пламя полностью поглотило его обычный разум, и он «не только лишь уверовал, но увидел, что вселенная состоит не из мёртвой материи, но напротив, является живой Личностью; я осознал для себя жизнь вечную». (Это психоделический опыт без участия наркотиков, цитата из которого приводилась в конце первой главы).

Во всех этих случаях, повторимся, происходит просто «переживание единения» на разных уровнях единения неизменно более высокой ступени. Или, говоря проще, *привычка* думать о «себе» и «собственном опыте» как отдельно существующих вещах временно забывается под напором *шума* доктора Лилли (то есть необработанной «информации» или чистой энергии). Но эта привычка выстраивать дихотомию *«моих ощущений»* и *«меня»* настолько укоренилась, что мы не можем ничего из этого понять, пока не доберёмся до сильного пикового переживания единения вроде того, что было у доктора Бекка — или же намеренно приобретём привычку внимательно подмечать после каждого

небольшого переживания единения, что *именно мы на самом деле делали и чувствовали* во время спазма, когда умышленное и неумышленное стали одним и тем же.

Как отмечает профессор Гордон, то, что мы все нуждаемся в таких пиковых переживаниях и постоянно желаем их, объясняет многие варианты поведения, совершенно необъяснимые другим образом:

> вору постоянно грозят позор и тюрьма, но пиковое переживание, испытываемое им, так сильно, что он становится рецидивистом. Людей всегда удивляет то, сколько работы, размышлений и воображения бывает положено на некоторые преступления, плоды которых можно было бы предугадать — в лучшем случае скромные плоды. Преступление совершается не ради добычи или прибыли, а ради единения, испытываемого преступником, когда он вовлечён в процесс совершения преступления до конца, абсолютно сосредоточен и воссоединён с самим собой.

Жан Жене, француз-грабитель, ставший писателем — один из немногих профессиональных преступников, проанализировавших себя достаточно подробно, чтобы подтвердить предположение Гордона. В «Богоматери цветов» Жене предельно ясно даёт понять, что по-настоящему его побуждает совершать ограбления *момент проникновения в магазин со взломом*, а полученные деньги — всего лишь рационализация. Подобным образом романист Гай Эндор предположил, что если бы не существовало профессии фокусника, Гарри Гудини, возможно, стал бы преступником, чтобы попадать под замок и испытывать пиковые переживания, освобождаясь от оков.

Профессор Гордон также отмечает, что сексуальные или скатологические побочные эффекты в случае многих преступлений являются частью единения:

> Многие преступники… мочатся, испражняются, мастурбируют или испытывают оргазм на месте преступления после его совершения. Иногда испражнение является непреднамеренным, непроизвольным, импульсивным — результатом общего спада напряжённости как телесной, так и умственной, а иногда оно является преднамеренным или умышленно вызванным действием, но в любом случае оно порождено той огромной напряжённостью, от которой ищется избавление.

Гордон заключает, что современная «реабилитация» также бесполезна в деле избавления людей от преступных наклонностей, как и традиционное «наказание», и что наилучший подход — это обучение преступников другим способам достичь единения. Он также отмечает важность этого для нашей темы, секса и наркотиков:

> Употреблявшие мефедрин или «скорость» люди рассказывали о ни с чем не сравнимых переживаниях при оргазме — вот поэтому употребляющие этот наркотик принимают его снова и снова, хоть и знают о его вредных свойствах.

Каждый половой акт это переживание единения — что, возможно, объясняет тот факт, что Гордон разработал эту теорию на основе изучения самого простого (и самого презираемого в нашем обществе) из половых актов, мастурбации. Секс под такими наркотиками, как амфетамин и кокаин, перемещает единение на более высокий, обладающий большим охватом уровень. Секс под каннабисом перемещает его ещё выше, а секс под психоделиками переносит человека в области, до сих пор исследованные лишь великими мистиками, такими как Христос, Будда и Уолт Уитмен. Это главная причина распространения наркокультуры и объяснение того, почему вопреки предостережениям реакционеров особенно не повысилась популярность выключающих секс наркотиков типа героина и морфия, при том, что наркотики-возбудители повсюду вербуют новых сторонников.

Психоделики в социальном контексте

Таким образом, не случайно то, что этот всплеск интереса к наркотикам-возбудителям случился в то же десятилетие, что и возрождение так называемой «третьей силы» в психологии, и широчайшее внимание к групповой динамике, сеансам групповой терапии, тренировкам восприимчивости, институту Эсален, гештальт-психологии и всем прочим попыткам вызвать глубокие переживания единения без наркотиков, включая заимствование таких восточных практик, как хатха- и раджа-йога. То, что государство рассматривает Наркотическую Революцию в отрыве от этого социального контекста и пытается поправить её перегибы, наказывая каждого пойманного за употреблением наркотиков (вне зависимости от того, злоупотреблял ли он веществом и представлял ли опасность для себя и других), не

кажется особенно умным шагом. Всё-таки пока что на каждых четырёхсот граждан в данной стране приходится всего один полицейский; по статистике из этих четырёхсот примерно 120 человек употребляют запрещённые наркотики (и примерно 360 человек употребляют разрешённые наркотики); с математической точки зрения принуждение их всех невозможно. За исключением героинозависимых, или злоупотребляющих амфетаминами и кокаином, или очень редко встречающихся психующих любителей кислоты, большинство из этих людей — подавляющее большинство — никогда не привлечёт к себе внимание полиции вообще. (Доктор Стэнли Иоллес, при том, что занимает должность в правительственном Бюро по наркотикам и опасным лекарствам, признал, что у *любого* курильщика анаши шанс оказаться арестованным — несколько тысяч к одному). Следовательно, реальное проведение в жизнь этих законов заставит нас пойти по пути по-настоящему тоталитарного государства. До того, как конфликт между наркокультурой и Вашингтоном разрастётся сильнее, нам надо задаться вопросом, хотим ли мы на самом деле жить в полицейском государстве.

Немцы как-то раз согласились на полицейское государство, чтобы оно защищало их от надуманного сионистско-коммунистическо-капиталистического заговора; Италия пошла за Цезарем из опилок, который говорил итальянцам, что «государство — это шествие Бога в мире»; русские позволили Центральному Комитету, а потом одному Сталину, захватить всю власть, понадеявшись на избавление от козней заговорщиков — капиталистов и троцкистов. Последствия во всех этих случаях стоило бы внимательно изучить тем, кто хочет ещё сильнее увеличить наше и так уже раздувшееся сверхправительство в Вашингтоне. Даже сейчас существующее антинаркотическое законодательство всё чаще используется как ширма для нападок на несогласных с политикой режима. Как отметил Уильям Берроуз:

> Контроль за наркотиками — это неубедительный и становящийся всё более неубедительным предлог увеличивать численность полицейских и записывать несогласных в преступники. Под предлогом то, что ищут наркотики, представители власти имеют право обыскивать любого человека или помещение в любой момент, а полиция постоянно продвигает принятие новых антинаркотических законов и более жёсткое наказание… Стандартные практики принуждения молодых людей к тому, чтобы стать информаторами, с

> угрозами тюремным сроком в случае отказа от сотрудничества, или поощрения нарушений антинаркотического законодательства со стороны работающих под прикрытием агентов для того, чтобы набрать количество арестов, грозят уничтожить общепринятые правила приличия и американский образ жизни, которым можно было бы оправданно гордиться.

Баба Рам Дасс добавляет к этому:

> Я также считаю, что подобные действия неразумны, потому что они лишь усиливают среди человеческих существ паранойю. Отсутствие уважения к частной жизни и достоинству человека в нашем обществе — знак того, в какое нездоровое время мы живём.

Доктор Джоэл Форт также заявляет в связи с этим:

> Кое в чём мы действительно движемся к оруэлловскому миру романа «1984», а то, как действует наркополиция, не отличить от действий коммунистов и других тоталитарных обществ… Вот теперь есть и инициатива сделать так, чтобы наркополиции не требовалось предъявлять ордер на обыск перед тем, как вломиться в дом. Цель никоим образом не оправдывает средства.

Я могу только повторить, что мы должны долго и крепко подумать о новейшей истории Германии, Италии и России и решить, насколько мы хотим для себя такой жизни, перед тем, как поощрять наших законотворцев ещё сильнее разжигать «войну против наркотиков». Зубного врача чуть не застрелили в прошлом году в Беркли, когда местные полицейские вломились к нему в дом без предупреждения, без полицейской формы; потом оказалось, что они ошиблись адресом, а подозреваемый травокур жил в соседнем доме. Плачевные последствия фашизма заключаются в том, что он никогда не останавливается, уничтожив предполагаемого врага, но сметает всё на своём пути.

ЛСД и гомосексуальность

Пока Баба Рам Дасс ещё был доктором Ричардом Альпертом, он провёл интересный эксперимент, касавшийся ЛСД и гомосексуальности. Подопытным был молодой человек, в

подростковом возрасте имевший несколько гетеросексуальных опытов, но с того времени вступавший только в гомосексуальные связи. *Он был сильно заинтересован в том, чтобы сменить сексуальную ориентацию* (это важно отметить, потому что терапия любого рода работает лучше всего на сильно заинтересованных в результатах людях).

В экспериментальной терапии доктора Альперта сочетались трипы под ЛСД и методы, выработанные бихевиористом доктором Вольпе. Метод Вольпе, «систематическая десенсибилизация», подводит пациента шаг за шагом всё ближе и ближе к какому-то событию, которое всего страшило его. На каждом этапе применяются напоминающие йогические методы, чтобы расслабить и успокоить его; он какое-то время проводит в таком расслабленном состоянии, а затем продвигается к следующему «угрожающему» этапу, на котором его снова заставляют расслабиться. Первоначально это разрабатывалось опытным путём с пациентами, сильно боявшимися змей, и через несколько недель доктор Вольпе добился того, что они обращались с живыми змеями, ни разу не дрогнув. С тех пор метод применялся для излечения от множества других фобий, от страха перед лифтами и подземкой до ужаса студентов перед экзаменами[56], обычно — с весьма хорошим результатом.

Метод доктора Альперта предполагал всего три сеанса терапии — что следует сравнить с обычной психотерапией по Фрейду, которая может предполагать три сеанса в неделю на протяжении семи лет или более. Во время первого сеанса, доктор и пациент просто разговаривали о проблеме, договаривались о том, какие методы попробуют и обсуждали цели терапии. Во время второго сеанса пациент принял психолитическую дозу вещества (100 микрограммов) и, пока он триповал, ему показывали всё более эротичные и откровенные фотографии, стимулирующие влечение к другому полу (пин-ап). Он пробовал наслаждаться их просмотром и реагировать как гетеросексуальный мужчина, мастурбируя. Как только появлялась тревожность, доктор Альперт успокаивал его методами Вольпе.

Во время третьего сеанса пациент принял более высокую дозу ЛСД (500 микрограммов), и при этом присутствовала любезная девушка, его подруга. Он держал её за руку, обнимал её, целовал и так далее. При проявлениях тревожности Альперт снова заставлял его расслабиться. Через несколько часов Альперт ушёл в другое помещение, а пациент и «суррогатная жена» (воспользуемся для именования этого термином Мастерса и Джонсон) занимались друг с другом сексом. У пациента это был первый гетеросексуальный половой акт за более чем десятилетие.

Последовавшее за этим исследование, проведённое шесть месяцев спустя, показало, что пациент полностью приспособился к гетеросексуальности и получал от этого такое удовольствие, на какое надеялся. В первые несколько месяцев он раз-другой заходил в гей-бары, снимал юношу и получал гомосексуальный опыт, но это поведение не сохранилось и было прекращено без сожалений.

Это поразительный эксперимент, как бы сильно он не заставлял членов Движения за Освобождение Геев стискивать зубы и ворчать что-то про «промывку мозгов». (Не забывайте, пожалуйста, что пациент хотел вылечиться). Один такой случай успеха, конечно, не оправдывает никаких преждевременных заявлений о том, что ЛСД изменит любого гомосексуалиста, который захочет измениться (хотя исполненный энтузиазма доктор Лири как-то раз открыто намекнул на то, что так оно и есть). То, что терапия сработала так быстро — всего за три сеанса, однако, явно означает, что неплохо было бы провести дальнейшие исследования.

К несчастью, в Соединённых Штатах невозможно проводить официальные исследования ЛСД. Законы, которые должны были положить конец экспериментам рядовых людей с кислотой с чёрного рынка, не остановили всё это веселье, естественно, так же как восемнадцатая поправка не остановила алкоголизм, но эти законы не были абсолютно бездейственны. Они успешно остановили научную деятельность в рамках закона в этой области, прямо классический случай выплёскивания воды, при котором выплёскивается только ребёнок. Я слышал о нескольких не освещённых прессой случаях, сходных с этим, слышал о них и доктор Лири (что отчасти оправдывает или объясняет его преждевременные заявления об «исцелении» всех гомосексуалистов, которые захотят «исцелиться»). Что стоит отдельно отметить, впрочем, так это то, что также были, согласно слухам, гуляющим в мире контркультуры, и случаи, когда люди после нескольких трипов под ЛСД переходили от строгой гетеросексуальности к гомосексуальности или бисексуальности. Пока мы не начали лучше понимать, что происходит в этой области, явно рано внушать людям мысли о том, что ЛСД восстановит проседающий показатель гетеросексуальности в Америке.

Интерлюдия.
В передряге: история Тайрона

> *Естественно, несомненно, что любой род зависимости, будь то зависимость от опиатов, барбитуратов или алкоголя — всегда зло, всегда порабощение. Общество, однако, когда берёт на себя ответственность предотвращать подобные злоупотребления, вступает на очень скользкую почву. Истинное положение зачастую заволакивает пелена ложных представлений о нём, и часто проводятся в жизнь законы, усугубляющие те беды, которые должны были предотвратить.*
>
> *— доктор медицинских наук Роберт Де Ропп, «Наркотики и разум»*

У Тайрона Джонсона было прозвище. Его друзья называли его «Вечностоящий Джонсон»[57]. Его называли так из-за того, что он относился к человеческим особям женского пола, можно сказать, по-энтузиастски — если вы не состояли в «Освобождении женщин», ведь тогда вы, возможно, называли бы это «по-эксплуататорски». А могли бы, если бы действительно увлекались деятельностью «Освобождения женщин», назвать даже как-нибудь похуже, как однажды в памятную ночь весной 1970 года сделала одна девчонка его возраста (примерно лет семнадцати). Она взяла у приятеля, состоящего в подпольном движении «Синоптиков», баллончик с краской и написала по всей стене многоквартирного дома, в котором Тайрон жил, буквами почти полуметровой высоты: ТАЙРОН — СВИНЬЯ, МУЖСКОЙ ШОВИНИСТ.

Тайрон ничуть не возражал. Он, собственно, посчитал это неплохой рекламой. «Когда одна тёлочка называет тебя мужской шовинистской свиньёй, — довольно объяснял он своим друзьям, — многие другие тёлочки вдруг начинают тобой интересоваться».

Тайрон, в почтенном возрасте 17 лет, вошёл в мою жизнь как ухажёр одной из моих дочерей — это положение продлилось

недолго. Она решила, что он был «на самом деле говнюком» и бросила его. Он, впрочем, продолжал заходить к нам, и это привело к тому, что я стал для него в каком-то смысле заменой отца, главным образом потому, что в отличие от всех остальных людей, с которыми он был знаком, я ни разу не говорил ему, что он спятил. А кроме того, я всегда был не против почитать его бессвязные научно-фантастические рассказы и конструктивно покритиковать их.

Моим самым частым критическим замечанием было то, что ему нужно научиться писать без ошибок.

«Чёрт, — говорил он, — так для этого есть люди, которые делают вычитку».

Я пытался объяснить ему, что редакторы, обнаруживающие семь ошибок в правописании в первых же двух предложениях, зачастую не читают дальше.

«Это *их* заскоки, — сказал он и достал свой козырь, — Марк Твен тоже писал с ошибками».

Рассказы Тайрона по части полёта фантазии компенсировали недостатки по части правописания, грамматики и прочих мелких пустяков. Один из них повествовал об этологе, который стал президентом и вместо того, чтобы начать новую войну, устроил так, что по телевидению показывали в новостях съёмки с прошлой войны — чем довольны остались все, кроме некоторых обиженных людей, всё время взрывавших телевизионные станции в знак протеста. В другом из тех, что я помню, речь шла про эпидемию чумы, поражавшей только людей, которые пользовались дезодорантами для подмышек; большинство американцев, как оказалось, продолжили пользоваться этой дрянью, потому что скорее умерли бы, чем нарушили заведённый порядок.

Он был подростком, выглядящим обычно (для 1970 года), то есть с его головы свисали кудряшки волос, как у девушки в старинной песне, и его взгляд (сквозь здоровенные очки) был ужасно искренним и постоянно озадаченным. Я думаю, он пытался понять (как и многие ребята в этом возрасте), почему мир был совсем не похож на то, что нарассказывали о нём учителя в средней школе — этот вопрос оставлял в недоумении и многих из нас, людей пожилых.

Когда Тайрон обнаружил, что я не был безнадёжно правильным, он начал рассказывать мне о своих опытах с веществами. Как и многие другие чересчур смышлёные и плохо приспособленные к жизни мальчишки в конце причудливых шестидесятых, он начал курить анашу до того, как перешёл в старшие классы средней школы, а до первого кислотного трипа у

него дело дошло в 14 лет. После того, как его исключили из трёх школ подряд, отец выгнал его из дома. Когда я с ним познакомился, он жил в коммуне вместе с другими чокнутыми.

Однажды вечером, когда он заскочил поболтать со мной, его речь была необычно быстрой, слегка бессвязной и, казалось, он никогда не остановится.

«Ты на каких скоростях?» — наконец спросил его я.

«Это просто колёса», — с невинным видом ответил он. «Я бы не стал ничего *колоть*. Я видел, что происходит с теми, кто колется».

Я попытался объяснить ему, что если принимать *достаточное количество* таблеток, рано или поздно окажешься в состоянии, не особенно отличающемся от состояния колющихся типов. Он на это не повёлся. «Многие из обычных школьников — господи, да даже твердолобые *качки* — закидываются стимуляторами, когда зубрят перед экзаменами», — сказал он. «Им это не вредит».

Когда я виделся с ним в следующий раз, он горячился ещё сильнее и разражался совершенно бессвязными откровениями. Такое «глаголание языками» определённо характерно для сидящих на спидах. Какой бы дикий ни был кислотный трип, можно как минимум опознать то, что трипующий пытается описать: «Вон то кресло… ох, блин… то кресло… *Боже*, то кресло». По крайней мере вам понятно, что речь идёт о кресле. А ещё вы понимаете, что трипующий под кислотой человек осознаёт, что не смог подобрать слова, чтобы рассказать вам про кресло, так же хорошо, как осознаёте это вы. Спидовым наркоманам, наоборот, кажется, что они общаются, но слушающий их не уверен даже в том, о чём идёт речь — о кресле или о лунах Марса. Спидовый наркоман чем-то сверх меры возбуждён и восторгается; это всё, что вы оказываетесь способны уловить, хотя, если сравнивать частоту, с которой он произносит слова, с частотой произнесения слов у трипующего под кислотой, соотношение будет примерно тысяча слов к полудюжине.

Я забеспокоился и прогнал Тайрону свою стандартную телегу про вред спидов. У него был новый ответ — и этот ответ меня заставил слегка поломать голову. «Блин, — сказал он, — всего через семь месяцев мне исполнится восемнадцать, и меня зацапает дядя Сэм. Почему я должен позволить этим вашингтонским уёбкам убить меня? Если я убью себя до этого, я их как минимум опережу и сотворю свою судьбу, как говорят экзистенциалисты».

Наблюдая за другими людьми, я давно уже убедился, что у спидовых наркоманов действительно присутствует тяга к саморазрушению, но я предполагал, что она всегда являлась

бессознательной. Прямое признание Тайроном суицидального аспекта злоупотребления амфетаминами было неожиданным.

«Есть миллион способов откосить от призыва», — рискнул я. «Тебе *необязательно* отправляться во Вьетнам».

«А какая разница?» Он перескочил к тревожным статистическим данным, касавшимся загрязнения воздуха и воды, чьих-то математических расчётов вероятности чрезвычайных происшествий при проведении исследований, связанных с атомной энергией, и разных других пугающих проблем современной технологии. Он стал ещё сильнее сбиваться и начал молоть вздор на научно-фантастические темы и припоминать старинные легенды о вампирах. За этим было трудно уследить, прервать это было ещё труднее. «Как моя мать, — говорил он, — или нет, пусть будет моя тётя Бесс. Одна бомба того типа, который применяли при последнем взрыве в Нью-Мексико… а какого чёрта, вы ведь не знакомы с моей матерью. Возьмём атомную электростанцию в северной части штата и радиоактивные отходы, которые с неё спускают в воду. Когда я учился в третьем классе, у меня была учительница… но, возвращаясь к моей матери и марсианам… нет, понимаете, эта учительница была типичным случаем. Вы «Властелина колец» уже читали?» И так далее. Он напряжённо таращил глаза за блестящими линзами очков, пока пытался объяснить, почему в целом смерть была ему милее жизни.

Я вскипел, подломил ход разговора при помощи словесной «фомки» и начал разглагольствовать о том, почему устраняться из жизни до 20 лет — опрометчивое решение.

Он воспользовался словесным топором и снова прорубился обратно. «Не, блин, не — не, не, не! Это всё неправда. Обе из тех двух тёлок заявляют, что беременны именно от меня и хотят, чтобы я оплатил оба аборта, а моя учительница в третьем классе, о которой я пытался вам рассказать, пока вы меня не прервали — она была как паучиха во «Властелине колец», это я объяснил? Или, вы видели фильм «Невероятно уменьшающийся человек», где он становится ростом в полсантиметра и на него нападает паук «чёрная вдова»? У вас дети ходят в свободную школу, так что вы, чёрт возьми, можете знать про маньяков в государственных школах? У нас в джексоновской школе была такая банда — мы называли их «Крю-Кат-Клан», сечёте, типа как Ку-Клукс-Клан[58] — и они до сих пор меня ищут, если я ещё хоть раз, блин, покажусь в тех краях…» и так далее, и так далее.

После этого я не видел Тайрона несколько месяцев. Он очевидным образом запомнил мою враждебность к спидам и воспринял её как враждебность к нему самому.

Когда он снова объявился, он перешёл на следующую ступень. Он был законченным, совершенно подсевшим, стопроцентнейшим спидовым наркоманом — под глазами круги, похудел на дюжину килограммов, руки трясутся, абсолютная энтропия в разговоре, бледный как конь Одинокого Рейнджера.

Следующим утром он уезжал из Калифорнии на грузовике с другими наркоманами. Он хотел поблагодарить меня за все добрые слова в адрес его сочинений и попрощаться с моей дочерью — но очень скоро начал тараторить про какой-то заговор «Синоптиков» и «Освобождения женщин». По-видимому, они объединили усилия, чтобы наказать его за «эксплуатацию женщин», и планировали кастрировать его, если им удалось бы его поймать. Оттого и хиджра в Калифорнию.

Я не поверил в это всё, но было очевидно, что он верил. В какой-то момент он вытащил жуткого вида выкидной нож из кармана. «Защита», — с важным видом сказал он.

«Слушай, — сказал я, — если ты перестанешь всё время принимать спиды, ты сможешь лучше защитить себя, когда ОНИ придут за тобой. В таком состоянии, как ты сейчас, Бернардина Дорн[59] тебя в одиночку уделает».

Он начал возражать на это, но сбился на два аборта, которые кто-то из местного «Освобождения женщин» хотел заставить его оплатить. «Я никого не соблазнял», — негодующе запротестовал он. «*Они* соблазнили *меня*. Типа как — вы видели тот фильм с Кэри Грантом и леопардами? Между прочим, если бы у меня не было этого ножа — вот к примеру, прошлой ночью у нас зашёл разговор про убийство Кеннеди и я вспомнил, что Серхан Серхан[60] был розенкрейцером. Знаете, что это значит?» Но тут он замолчал и моргнул, с подозрением глядя на меня. «Отрезать мужику яйца это дело серьёзное», — пробурчал он. «Это самосуд, вот что это такое. Сначала отрежут мне яйца, а потом будут судить. Эти марксисты все одинаковые, никому из наших не надо было с ними связываться. Вот Сталин. Я вам показывал тот мой рассказ про мальчика с тремя яйцами в социалистической стране? Ему пришлось согласиться на операцию, отрезать одно, чтобы другие мужчины не чувствовали себя хуже него. Сечёте? Если бы я смог найти тёлку, которой доверял бы, я бы отправился с ней жить в пещеру, а через тысячу лет наши потомки смогли бы выйти и проверить, изменился ли мир в лучшую сторону или всё ещё шизанутый. Но знаете, что на самом деле не так с «Освобождением женщин»? Так слишком много бывших монашек, вот что. Это на самом деле подпольная фракция католической церкви. Сталина обучали как католика и вы не забывайте об этом. Эдгар Гувер, возможно, тоже тайный католик. Мне кажется, кто-

то недавно влезал в мой почтовый ящик». Он поднялся, как будто собирался уйти — но для спидовых наркоманов это ничего не значит. Ещё 45 минут он распространялся про католиков, и про розенкрейцеров, и про то, как агенты Алистера Кроули протащили его рисунок с глазом в пирамиде на американскую долларовую банкноту, и про настоящую инсайдерскую информацию насчёт того, почему Валери Соланас из SCUM (Society for Cutting Up Men, «Общества полного уничтожения мужчин») стреляла в Энди Уорхола — это было частью лесбийского заговора монашек — и про то, что «человек с тамбурином» из песни Дилана был на самом деле Спиро Агню, который к тому же был зверем под номером 666 из откровения Св. Иоанна, и клялся богом, что исчезнет с концами, прежде чем «они» доберутся до его яиц.

Мне полегчало, когда он наконец ушёл. Я уже начал прикидывать, когда же он решит, что я — тайный розенкрейцер, участвующий во всемирном заговоре против его яичек.

Несколько месяцев спустя мне пришло от него письмо, полное характерных для него ошибок в правописании и мрачных предостережений по поводу того, что Морт Саль[61] — агент ЦРУ, отвечающий за то, чтобы запутывать всех остальных энтузиастов, расследующих убийство Кеннеди, не давая им узнать настоящую правду. Была и хорошая новость — к его удивлению, его освободили от призыва из-за шизы. Большая часть письма выглядела более рациональной, чем отрывок про заговор Саля, и я подумал, что облегчение от того, что ему не придётся отправляться во Вьетнам, могло в чём-то утихомирить беспорядок, творившийся у него внутри.

Когда в армии США решают, что вы слишком двинутый, чтобы успешно заливать напалмом женщин и детей, вам приходится пройти через какого-либо рода переживание рождения заново или осознания того, кто вы есть.

Прошло два года, прежде чем я снова встретил Тайрона. Он прокричал моё имя с противоположной стороны улицы в Мехико, и я его сперва не узнал. У него теперь была причёска всего лишь средней длины — как у модного диктора теленовостей — и его стиль одежды выглядел консервативным, если не считать ковбойской шляпы, ношение которой в Мексике не считалось чем-то эксцентричным.

«Тайрон!» — сказал я. «Чего ж ты, блин, в Мексике забыл?» «Составляю словарь. Как делишки?» Я его, конечно, оглядывал, и, к моему облегчению, он выглядел загорелым, пухлым и не возбуждённым или бодрящимся больше нормы. В последнее время он не употреблял метамфетамин.

Мы пошли в бар. (Молодёжи его возраста в Мексике разрешено пить спиртное — вот одна из причин, почему эта молодёжь видит иронию в том, что при втором пересечении Рио-Гранде им говорят, что они вернулись в «страну свободных людей»).

«Как ты соскочил со спидов?» — спросил я, когда мы покончили с пустой болтовнёй.

«Тяжёленько было», — сказал он. «Я орал на регулировщика движения на улице в Сан-Франциско, и не мог вспомнить, как я туда попал и зачем я на него орал. Как будто пара месяцев полностью исчезла, испарилась. Он меня закрыл за нарушение общественного порядка или какую-то такую херню. Мой отец, как ни странно, оплатил услуги адвоката, вытащил меня, оплатил мне дорогу домой и всё в таком духе. У нас было великое примирение и все дела. Но я уже решил, в первый день за решёткой, что завязал со спидами. Больше не буду. Десять месяцев не прикасался к игле». Он замотал головой. «Господи, я был почти как скелет. Я смотрел на свои руки и не мог поверить. Я всё думал: «Неужели это я?» И это было правда страшно, когда я не мог вспомнить, где был или что делал».

Спиды обычно не шутят так с памятью; он, возможно, пробовал прочие характерные для Калифорнии зелья, включая белладонну. (Смотри главу 2). После трёх или четырёх трипов под белладонной память начинает напоминать колоду карт, которую несколько раз перетасовали, а затем выкинули из неё некоторые карты; вы вспоминаете среду, как будто она была перед понедельником, не помните вторник вообще и думаете, что провели воскресенье среди жужжащих и посвистывающих сущностей в мире топота.

«Ну так какой новый жизненный план?» — спросил я.

«Джаз-гитара. Рок в последнее время стал совсем жидким и приторным. Я одной рукой запихну джаз-гитару им в глотки и сделаю так, чтобы им это понравилось».

Может, у Тайрона и получится. Теперь он учится музыке в другом учебном заведении в Нью-Йорке и сочиняет небольшие пьесы с названиями по мотивам научно-фантастических романов: «Звёзды словно пыль», «Зелёные холмы Земли», «Пески Марса».

«Помилование в последний момент» меня не особо удивляет: это типичная вещь для эффекта спидов. Как сказал в материале «Плейбоя» Баба Рам Дасс,

> вся спидовая тусовка представляет собой достаточно жалкое зрелище. У некоторых бывают такие периоды, когда они застревают в одних и тех же фантазиях снова и

снова.

Такой трип может длиться несколько лет, но есть много людей, которые это перенесли и наконец выбрались на другой стороне.

У спидов, по-видимому, нет свойств героина, на который подсаживаются на всю жизнь.

Если попытаться оценить ущерб, наносимых этими амфетаминовыми наркотиками, стоит поразмыслить и над ещё одним высказыванием Рам Дасса:

> Многие из наших правительственных чиновников закидываются амфетаминовыми таблетками для бодрости с фантастической частотой, в особенности те, кому приходится летать по миру на конференции каждую неделю. Они думают, что используют их, только чтобы оставаться начеку, но многие из них на самом деле пристрастились к этим таблеткам- Американцам надо бы серьёзно задуматься о том, до какой степени наша внешняя политика формируется людьми, хронически употребляющими наркотик, который, как известно, вызывает паранойю и иррациональную враждебность.

В том, что этот человек говорит, может быть истина, пусть он и мистик-индуист. Когда-то он ведь всё-таки был доктором Ричардом Альпертом, клиническим психологом — а ещё некоторые из объяснений Вашингтона насчёт войны во Вьетнаме и более близких к сегодняшнему дню войн прозвучали, как минимум для меня, подозрительно похоже на мысли Тайрона насчёт мирового заговора против его яичек.

7.
2000: одиссея во внутреннем космосе

Дозволенное существует. Когда становится дозволенным отсутствие пределов, пределов нет… Дозволенное существует. То, что существует, дозволено. Пределов не существует, чтобы дозволить отсутствие пределов. Пределы не дозволены, не существует пределов… В сфере ума нет пределов. В сфере ума то, во что веришь, как в истинное, либо истинно, либо становится истинным. Нет пределов.

Гипнотическая магнитофонная запись, которую Джон Лилли применял при подготовке испытуемых к преодолению предыдущих достижений, цитата по его же «Центру циклона».

Джейн из нашей прелюдии услышала полные преувеличений рассказы об успехах, достигнутых английскими психиатрами Лином и Бакмэном в области лечения фригидности при помощи ЛСД. По-видимому, в её случае то, во что она поверила как в истинное, стало истинным. О такого рода самовнушении в духе «Христианской науки» при помощи ЛСД часто рассказывают в контркультурных кругах, не стоит этому слишком уж удивляться. Всё-таки Джейн родилась, как и все особи женского пола, со способностью к оргазму, а то, что его блокировало, с какими бы мышцами это ни было связано, главным образом существовало в её уме. Когда ЛСД временно разрушило исторически сложившееся строение её разума, она верила, что «чудо» оргазма тоже придёт, когда разум снова соберётся из частей. Очевидно, что её вера сделала это возможным.

В первой главе мы рассматривали религиозные аспекты

Наркотической Революции, а в четвёртой главе узнали, что более ранняя (около 15000 лет до нашей эры) Наркотическая Революция заложила в контексте шаманизма виденческую основу для всей последовавшей за ней историей верований человеческого рода. Представляется очевидным, что, как утверждает доктор философии Уэстон Ла Барр в своём монументальном исследовании «Пляска духов: первоначала религий» *(The Chost Dance: Origins of Religion)*, религиозные верования, общие для греков, евреев, индусов, римлян и христиан (среди прочих) оказались бы не совсем такими, если бы на них не влияли несколько тысяч лет, которые наши предки из каменного века провели в приходе под веществами, когда они и обнаружили внутренний мир процессов в психике, которые они описывали в категориях сверхъестественных энергий (мана, прана, Кундалини, вакан и так далее), и сверхъестественных мест (небес, ада и так далее), и сверхъестественных существ (бога-отца, богини-матери и так далее). Остаётся объяснить, почему трипующие в наши дни часто оказываются лицом к лицу с теми же архетипическими внутренними силами, областями и сущностями.

Как также отмечает доктор Ла Барр, постоянно и, видимо, неизбежно происходит возвращение к этому «поиску видения» *(vision quest)*, когда общество долгое время находится под таким воздействием, *что культурные традиции не могут дать этому объяснения.* Обычный стресс не вызовет такую реакцию; доктор Ла Барр отмечает бедствия, которые вообще не послужили причиной религиозного возрождения. Но когда страдание таково, что задевает верования культуры относительно того, что боги не должны позволять и не позволяют, начинается смута. Многих влечёт к поиску видения, к восприятию «сверхъестественного» или парапсихического мира напрямую, когда они занимаются попытками узнать, чего же боги на самом деле хотят и почему откровения, полученные в прошлом, не объясняют страданий в настоящем. Так случилось с индейцами Великих равнин в конце девятнадцатого века, когда постоянное предательство со стороны белых людей, постоянные поражения в боях с кавалеристами белых, исчезновение стад бизонов и присутствие христианских миссионеров, пренебрежительно отзывавшихся о их древних верованиях, сошлись воедино, чтобы уничтожить их веру во всё, что когда-то наполняло жизнь смыслом и надеждой. Что было вполне ожидаемо, среди них распространился поиск видения в десятках разновидностей, в частности, в виде знаменитой пляски духов (обещалось, что если все племена соберутся и проведут такой обряд, вернутся бизоны, а ненавистные белые люди возвратятся в Европу) и в виде культа психоделического кактуса,

пейота, превратившегося в Церковь коренных американцев.

Совершенно такое же религиозное возрождение происходит и у всех покорённых народов. Два широко известных примера — карго-культы в южной части Тихого океана (где поклоняются самолётам) и культ Джонсона в тех же местах (в котором в числе верований, разделяемых тысячами туземцев, была вера в то, что Линдон Бэйнс Джонсон, которого они видели в новостях, был обетованным мессией). Ещё более причудливую секту упоминает доктор Ла Барр, в ней поклонялись фотоснимку короля Англии Георга Пятого, о котором их пророк (который когда-то ходил в школу христиан-миссионеров, но, очевидно, слушал там не особо внимательно) сказал, что это «Иегова, сын Иисуса».

Христианская культура возникла после нескольких столетий такого же беспорядка в обществе и религиозных потрясений, начавшихся, когда последователи культа Диониса и схожих культов Греции занесли в Афины грибы *amanita muscaria* и наркотики на основе паслёновых и познакомили Грецию с мифами о богине-матери, её умирающем-и-воскресающем божественном сыне, и с наркотическим опытом, при котором член культа переживал «смерть» и «воскресение» и узнавал, что и он является Богом и никогда на самом деле не умрёт. Джон Аллегро, английский филолог, в своей книге «Священный гриб и крест» предпринимает попытки продемонстрировать, что схожего у этих культов с христианством больше, чем общее наследие религиозной символики (мать и сын) или идей (воскресение) — сходство тут на самом деле в веществах. Ранние христиане, как он утверждает, также использовали галлюциногенный гриб.

Правда это или нет, но христианство — определённо культ той ориентированной на кризисные времена разновидности, о которой мы уже рассказали, и к тому же один из наиболее причудливых из таких культов. Мессия американских индейцев, о котором упоминает Ла Барр, велел своим последователям уничтожать весь домашний скот и сжигать свои пожитки; многие христианские святые давали такой же странный совет и сам Христос призывал не заботиться о завтрашнем дне. Один полинезийский мессия говорил своим последователям, что боги гневаются, потому что они занимались сексом в темноте, и их злоключениям наступит конец, если они вместо этого начнут заниматься сексом при свете дня; у Христа и его последователя Павла были ещё более своеобразные воззрения на секс, а многие из их последователей вообще отказались от признаков пола. (На это их, возможно, навёл существовавший прежде культ Аттиса, жрецы которого оскопляли себя и носили женскую одежду. По сей день католические священники подвергают себя психологической

кастрации, дав обет пожизненного целибата, а в некоторых странах они носят феминизирующие одеяния).

После успешного завершения своего поиска видения, большинство мессий возвращаются и объявляют, что часть древних традиций племени была истинной и их нужно поддерживать, как бы ни презирали их завоеватели. (Это особенно заметно в кризисных культах американских индейцев, где упор всегда делается на какие-либо ценности древних — в первую очередь в области экологии). Так вот, и Иисус тоже пытался сохранить большую часть еврейских традиций, которые в его времена сокрушало ярмо римлян-завоевателей. Но мессия всегда, сознательно или неосознанно, отвечает на вызов в форме какого-либо бедствия, и утверждает, что если древняя традиция была совершенно верной, боги не ниспослали бы такие страдания; следовательно, каждый мессия выдвигает новые откровения и отменяет часть старых законов. Так поступил Иисус, и так поступал каждый индейский, африканский, полинезийский или микронезийский мессия, жизнь которых изучал доктор Ла Барр. Церковь коренных американцев, к примеру, вместе с индейскими составляющими (самой Пейотной Женщиной, Проводником по Дороге Пейота, мешочками с «медициной») признала десять заповедей из Ветхого Завета и Иисуса Христа как бога, настолько же сильного, как Пейотная Женщина.

Предположение о том, что новая Наркотическая Революция нашего времени продвигается по этому же проверенному временем религиозному шаблону, кажется правдоподобным. Но тут есть два важных отличия. Первое, и самое важное, касается странного положения дел с сексом в христанском обществе, что мы обсудим далее. Второе — это то, что мы живём в эпоху науки. Многие из видавших виды путешественников по трипам и искателей видения были деятелями науки, прежде имевшими совершенно научные и скептические воззрения. Когда они видели богов и райские кущи и ощущали «оккультные» энергии, они не принимали эти поразительные события на веру. Они искали научное объяснение. Поэтому доктор Лири изначально говорил о установках, обстановках, играх, отыгрыше роли; доктор Осмонд — о коллективном бессознательном Юнга и его архетипах; доктор Лилли — о программировании человеческого биокомпьютера с помощью новой информации; другие — о фрейдовском «иде» и возвращении подавленного.

Этот научный скептицизм долго не продержался, когда из лабораторий наркотики вышли на улицы. (Даже в лабораториях можно было подловить некоторых исследователей, на том, что они бесстыдно пользовались существительным «Бог» или, как

минимум, прилагательным «божественный», хотя обычно они защищали себя от насмешек коллег, помещая эти слова в вызывающие сомнения кавычки, как я это только что сделал. Лири, что типично, был первым, кто избавился от кавычек и прямо заделался новым мессией). На улицах таких сомнений не было. Среднестатистические любители кислоты, а также многие курильщики анаши не стеснялись заявить вам, что нашли «какую-то истину» во всех этих религиозных делах. И всё же можно было наблюдать крах старой традиции и типичный шаблон кризисного культа: немногие принимали традиционное христианство. Почти все добавляли в него новые составляющие — поначалу взятые из буддизма, индуизма, даосизма и восточной культуры в целом. Позднее заимствования проводились из западной оккультной традиции и сексуальной магии Кроули. (В некоторых кругах этот аспекта «секса и оккультизма» новой Наркотической Революции проявился ещё в 1962 году).

Как мы поняли из первой главы, такое движение было обречено на неминуемое столкновение с ценностями нашей, до сих пор по большей части христианской, культуры. Слишком многое в новых наркотических таинствах было таким же, как у применявших паслёновые культов Греции и Рима, люто ненавидимых отцами христианской церкви; как мы узнали во второй главе, многое в наркокультуре даже повторило, а иногда и вернуло к жизни те аспекты применявших паслёновые культов, которые церковь порицала как ведьмовство и преследовала с фанатичной жестокостью на протяжении восьми долгих столетий. Неудивительно, что некоторые из зашедших подальше по этому «запретному» пути, как это сделал Леонард из первой интерлюдии, в конце концов перепугались и сбежали обратно к христианскому фундаментализму самого упёртого толка. Вы встретите много Леонардов в рядах «свихнувшихся на Иисусе» (Jesus freaks).

Для ортодоксов из развитых цивилизаций в поиске видения с употреблением наркотиков с шаманской подоплёкой есть что-то глубоко пугающее. Шаман принимает для себя, а иногда и передаёт другим определённые ценности, связанные с племенем и экологией, почти неизбежно обладающие оттенком анархии. («Всё дозволено» Хасана-и Саббаха, знаменитое «твори свою волю, таков да будет весь закон» Кроули, «не можешь сделать ничего хорошего, пока не почувствуешь себя хорошо» Эбби Хоффмана и так далее). Племя децентрализовано, в нём царит радикальный индивидуализм (смотри крылатое выражение индейцев чероки «никого нельзя заставлять делать что-то, что ему не по сердцу»). Цивилизация — вещь централизованная и, даже в

демократических на словах государствах, крайне авторитарная. Она предполагает то, что каждый человек каждый день должен делать что-то, что ему не по сердцу, ради общей гармонии. В цивилизованных религиях сомневающийся человек приходит к священнику за советом в вопросах веры; получает он всегда приказание тем или иным образом приспособиться, пожертвовать своими желаниями, быть «взрослым», подкорректировать себя. В племенах сомневающийся человек отправляется в чащу в одиночку и переносит «сенсорную депривацию», чтобы вызвать пиковое переживание, или просто принимает наркотик и самолично встречается с божествами, которые зачастую говорят ему, что уклад жизни племени нужно изменить.

Нет. Мы не можем допустить этого. Индивидуалисту-шаману или искателю видения нет места в цивилизованном государстве или цивилизованной церкви. Католическая церковь, более ушлая, чем многие другие, управляется с такими людьми, которые могут вызвать проблемы, отсылая их в монастыри, где их странными идеями не заразятся прочие верующие. У государства есть свои монастыри под названием «тюрьмы», и туда-то и попадает обычно мессия, если его сразу не убьют. В книге доктора Ла Барра множество примеров того, как мессий государство бросало в тюрьму даже невзирая на то, что они не употребляли наркотики, а их доктрины на первый взгляд не представляли прямой угрозы. Просто не годится, чтобы новые откровения нарушали состояние равновесия. К примеру, одни полинезийцы начали верить, что им не нужно будет работать, если они станут более похожи на англичан (которые, по их наблюдениям, никогда не работали). Тут, что логично, они раздобыли кресла и начали пить послеобеденный чай. Когда англичане узнали об этом культе, они силой запретили его. Точно так же и Пляска Духов у американских индейцев напрямую не несла угрозы восстания, но когда о ней узнали белые, они уничтожили её настолько кроваво, что и сегодня Вундед-Ни, где происходило последнее побоище, остаётся самым горьким словом для индейцев.

Секс и грех

Если первый удар по Наркотической Революции наносит её сперва неявно, а затем и явно «племенная» природа при развитии цивилизации и централизации в американском государстве, то второй удар — это то, что не существует убедительного способа примирить её с христианством. И пусть даже Мартина Лютера можно в каком-то смысле отнести к шаманам племён, создающим

модифицированную традицию в ходе неистового личного поиска видения (так считает профессор Ла Барр), христианство, даже в виде протестантского христианства, осталось самой авторитарной и нетерпимой мировой религией. Тот, кто пытается оспаривать или видоизменять любые его догмы, в любой христианской стране быстро попадает в неприятности. Было одно «откровение», и хватит этого. Того, у кого появились новые идеи, возможно, подначил Дьявол, или же он ходил в лес принимать необычные наркотики с ведьмами.

И если уж такой еретик признает, что действительно принимал необычные наркотики, христиане ответят ещё скорее, яростней и враждебней. И естественно, если его учение предполагает какое-либо сексуальное раскрепощение, снова оказывается задействован исторический шаблон и неизбежно следует новая охота на ведьм.

Это реакция, присущая именно христианам. У индуистов, мусульман, буддистов, даосов, у всех мировых религий были свои почитаемые сексуальные мистики. Каждому индуисту известно, что тантрики достигают своих мистических видений посредством соития с возлюбленным человеком; и среди буддистов, и среди мусульман, и среди даосов есть подобные секты. У древних египтян, греков и римлян были сильно развитые культы, основанные на иерогамии — ритуализированной сексуальной магии. Только в христианстве считается, что секс — это исключительно дьявольская штука, оскорбляющая Господа.

Это странная доктрина, и она почти предполагает, что Бог и Дьявол создавали человека вместе, Бог делал всё, что выше пупка, а Дьявол — всё, что ниже. Последствия, вызываемые этой доктриной, ещё более причудливые, чем само это убеждение. Если в христианском государстве некто сочиняет для возлюбленной стихотворение и слишком недвусмысленно выражает свою любовь, это грозит навлечь на него оскорбления в «непристойности»; на протяжении большей части истории христианства его могли посадить в тюрьму, подвергнуть пыткам или даже убить. Как с ужасом писал Уильям Блейк:

> «Дети грядущих поколений, читающие эту гневную страницу: знайте, что в минувшие времена любовь — сладостная Любовь — считалась преступлением».

Сто пятьдесят лет спустя, в демократическом и формально светском государстве Соединённые Штаты Америки, у фильма Стэнли Кубрика «Заводной апельсин» отзывают рейтинг «X» (только для взрослых) после того, как из него вырезается 30 секунд обнажёнки. Все зверства остаются во всех кровавых

подробностях. Ненависть, удары ногами, ножом, все виды садизма разрешены в фильмах для христианской аудитории — *и лишь любовь гнусна*. Вряд ли является простым совпадением то, что это государство отличилось необычным образом, оказавшись единственным, сбросившим атомную бомбу на гражданское население — дважды, и перещеголяло остальные в применении напалма, температура пламени которого доходит до 1000 градусов Цельсия, когда оно соприкасается с кожей человека. *И лишь любовь гнусна*. Всё остальное можно оправдать, найдя цель (восстановление справедливости, защита чести страны, благо для большинства), ведь судя по всему, мы теперь, как марксисты, верим в то, что «цель оправдывает средства». Но секс, для чего бы то ни было, пусть даже и для религиозного поиска видения, никогда нельзя оправдать. *Лишь любовь гнусна* — лишь любовь слишком «непристойна», чтобы считаться искусством у людей, превративших даже «скрэббл» и кроссворды, не говоря уже о катании на лыжах или доске для сёрфинга, в искусства столь сложные, что они становятся чуть ли не религиозными обрядами. И лишь секс остаётся настолько тёмным предметом, что происходит неуклюже и впопыхах (Кинси, обследуя предыдущее поколение, обнаружил, что среднестатистический мужчина-американец достигает оргазма через полторы минуты после того, как вводит пенис во влагалище), обычно в комнате с выключенным светом, так, чтобы можно было тайком всё завершить до того, как ненавидящий секс христианский Бог успеет заметить, что происходит.

В подобном контексте психоделические вещества, замедляющие половой акт и усиливающие ощущения при нём, вряд ли будут приняты с тем пылом, которые арабы давно испытывают к любимому ими гашишу. Вряд ли. Реакция прямо противоположна: употребляющих их сажают в тюрьму под надуманным предлогом того, что они представляют некую метафизическую угрозу для общества, или могут когда-нибудь так накачаться, что выйдут ночью из спален и начнут массово насиловать людей. Неважно, что в полицейских отчётах не обнаружить ни единого упоминания о подобных преступлениях, совершённых употребляющими подобные наркотики. (Когда выдвигаются такие обвинения, как демонстрирует доктор Форт в своей книге «Искатели наслаждений» *(The Pleasure Seekers)*, практически всегда оказывается, что преступники были не под этими веществами, а под амфетаминами).

Конечно же, безумное отношение к сексу у христиан не уникально в своём роде. Во всех кризисных культах без исключения содержатся причудливые элементы, отражающие те

времена переживаний и бедствий, в которых они возникли. Возьмём упомянутую ранее имитацию английской чайной церемонии на юге Тихого океана, или молитвенные колёса тибетцев, или культы, практикующие «поднятие змеи» (snake handling) на юге Америки: человек — странное животное, когда пытается привлечь внимание своих богов, и перепробовал все странные способы (кроме, возможно, молитвы на «поросячьей латыни» стоя на голове), пытаясь убедить их в том, что его участь ужасна и требует их немедленного рассмотрения. Отрицание сексуальных потребностей у ранних христиан было лишь подобной героической попыткой найти новый трюк, который заворожит или ошеломит божество, и наиболее сходно оно, пожалуй, с обычаем индейцев Великих равнин отрезать палец, когда умирает любимый человек. Маленькие дети делают такие же необычные вещи, чтобы привлечь на время внимание своего земного отца.

Суть вопроса

Но давайте, как говорят китайцы, пододвинем стулья к огню и посмотрим, о чём у нас шла речь.

Человеку *необходимо* видеть сны, что подробно описано в современных исследованиях сна. Если будить человека каждый раз, когда он начинает видеть сны (это позволяют заметить быстрые движения глаз, из-за чего у учёных пошла речь о БДГ-фазе сна, что обозначает сон с быстрыми движениями глаз, при котором человек видит сны), несколько ночей спустя он станет нервным, раздражительным и слегка параноиком. Ни один представитель официальной науки не проводил такой эксперимент длительностью более чем в пару ночей, потому что из данных следует, что испытуемые могут по-настоящему полностью обезуметь. Неважно, сколько времени они проспали: если они не могли видеть сны, поведение станет настолько же нервозным, почти психотическим.

Подобным же образом резонно будет предположить, что, возможно, людям действительно нужны религиозные переживания, что бы в них не заключалось. В книге «Пляска духов» Ла Барра убедительно утверждается, что многие люди *считают*, что им нужны такие переживания, и активно ищут их каждый раз, когда общество сталкивается с кризисом, который не поддаётся рациональному осмыслению. Простое землетрясение необязательно вызовет такую реакцию, потому что землетрясение можно объяснить более или менее в русле традиционных

представлений. Но когда над богами смеются миссионеры ложных, чужеземных богов, и нет им отмщения, когда священные табу нарушают со всех сторон, а боги всё не отвечают, когда в этой трудной обстановке случаются поражения войска и прочие беды, когда детей мужчины продают в рабство или его жену силой заставляют спать с собой завоеватели — тогда требуется некое исключительное объяснение, и в такие моменты и начинается поиск видения.

Мы уже упомянули о том, к чему обычно приводит такой поиск независимо от того, входят ли в него при помощи наркотиков или поста, сенсорной депривации или самоистязания, йоги или ритуальных плясок. Организм подключается к источнику чудотворной энергии — маны полинезийцев, вакан индейцев Великих равнин, Кундалини индуистов («Животному магнетизму» Месмера? «Органу» Райха?) Являются боги племени — иногда Бог-Отец, иногда Богиня-Мать. И в большинстве случаев искатель переживает странный опыт смерти/возрождения, во время которого обнаруживает, что он есть не только он сам, но и Божество (или, в индуистско-буддийской традиции, что он есть вся вселенная). Наконец, что самое печальное, ему передаются некие словесные догматы, и он приносит их с собой обратно — чтобы они стали основой нового культа, чтобы им поклонялись как незыблемым, чтобы они ослепляли и увечили разумы грядущих поколений. К счастью, в некоторых религиях, таких как дзэн-буддизм, последний, наиболее отрицательный результат явным образом отсутствует — и многие еретики в наших религиях, в примеру, суфии в мусульманской традиции, каббалисты в иудейской традиции и личности вроде Бёме и Блейка в христианском мире тоже не отличились таким свойством. Такие люди, к счастью, не водружали новых догм и даже активно поддерживали других в поиске собственных видений и обретении собственных истин.

Что происходит во время таких весьма необычных «переживаний единения»? Неужели это всё — судорога ума, род временного помешательства? Такой ответ заманчив, и именно это большинство людей видит *у всех мессий, кроме того, которому поклоняются они сами.* Однако это никак не исчерпывающий ответ. Как отмечает Р. Бекк в книге «Космическое сознание», многие из визионеров не были безумны; некоторые из них даже смогли рассмотреть опыт с научным скептицизмом, признав, что он изменил и расширил их сознание. (Очевидные современные примеры рационалистического подхода, сохраняющегося даже после такого мистического опыта — это сам Бекк и доктор Джон Лилли).

Объяснение — или одно из объяснений — возможно, находится в области кибернетики.

Жизнь едина, но сознание разделено. То есть все непроизвольные функции нашего организма: дыхание, пищеварение, биение сердца, биохимия нашего обмена веществ и так далее — часть цельной сети, которая действительно включает в себя всю вселенную. В меньшем масштабе мы — клетки, участвующие во взрывном росте протоплазмы на этой планете, начавшемся 3 миллиарда лет назад. (Это ключ к шифрованному высказыванию «вашему телу три миллиарда лет» доктора Лири). «Тело Будды», как это называют буддисты, в любое мгновение находится в кибернетической связи с каждой своей составляющей. Тут нет никакой жути или метафизики: я имею в виду то, что можно описать при помощи опыта доктора Росса Эшби, попытавшегося собрать аналоговый компьютер, который был бы моделью обобщённого организма животного. Доктор Эшби обнаружил, что сконструировать такую машину — задача настолько же невозможная, как и деление на ноль в математике. Её невозможно сконструировать, потому что «обратная связь», каналы передачи информации, не только внутри животного: многое находится в «окружающей среде». Доктор Эшби в итоге сконструировал «гомеостат», который широко используется при обучении в областях биологии и кибернетики. Это не модель животного: это модель животного-в-окружающей-среде.

Видимо, нет такой единицы «животное», которой могли бы воспользоваться учёные для объяснения тех фактов, что известны современным кибернетикам. Единственная единица, которой можно воспользоваться, это животное-в-окружающей-среде. (Эго идеально соответствует открытию Эйнштейна, что нет «времени» или «пространства», которое могли бы измерить физики, есть лишь «событие в пространстве-времени» — единица в современной физике).

Я полагаю, таким образом, что мистики опередили в этом доктора Эшби, что «единение» с Божеством или вселенной, которое упоминается во всей религиозной литературе и в отчётах триповавших под кислотой и некоторых курильщиков анаши или гашиша — это именно что перенос внимания с сознательного «я» на не осознаваемую до того сеть обратной связи организма-окружающей среды. Кажется ли это нелепой мыслью? Все мистики говорили о «нереальности» эго: не пытаются ли они сказать именно то, что сказал доктор Эшби? Многие также говорят, раз уж на то пошло, о нереальности пространства и времени, и Эйнштейну хватило скромности признать, что они, по-видимому, имеют виду те же факты, которые он отметил

средствами математики. *Вы — часть чего-то большего, чем вы сами, чего-то, что не ограничено пространством и временем,* вот что, по сути, каждый мистик пытается нам сказать, и вот что именно демонстрирует гомеостат доктора Эшби.

Почему это открытие люди делают в состоянии эмоциональной перегрузки? Ответ очевиден. *Жизнь едина, но сознание разделено*. Это груз разделённого сознания стремится снять каждый провидец: его заботит не отдельное землетрясение или эпидемия чумы, но то, что традиционные представления, которых придерживается сознательная часть его разума, не могут объяснить его трагические переживания и наблюдения. Если бы ответ существовал в сознательном «я», не пришлось бы начинать поиски. Ответ обнаруживается в тех областях, которые до того не осознавались, тех областях, где тело соединяется с другими телами и подключается к ним и к энергетическому континууму жизни и экологии.

В связи с этим любопытно вспомнить единственный наркотический опыт русского мистика Успенского. Зная о том, что Уильям Джеймс и другие люди, впадавшие в мистический транс с помощью закиси азота, не могли подобрать слова, чтобы описать по возвращении свой трип, Успенский держал при себе карандаш и блокнот, когда занюхивал газ. Проносясь в экстазе вихрем по пространству своего внутреннего космоса, он отчаянно черкал по бумаге, пытаясь уловить то, что узнавал. Когда он пришёл в себя, на бумаге оказалось написано: «Мысли другими категориями». Опыт выхода за пределы эго оставался неизречимым, но у него по меньшей мере была подсказка, *почему* он неизречим. Категории, которыми мы обычно мыслим — *животное* отдельно от *окружающей среды,* пространство отдельно от *времени* и так далее — не дают нам возможности говорить о переживании единения, при котором всё «едино».

Я не буду овеществлять «единое»: я не осмелюсь утверждать, что это «единое» на самом деле — сознающий разум, в том смысле, в каком сознающим разумом является каждый из нас. Его обнаруживают посредством бессознательного, и, возможно, оно бессознательно по сути своей. Я могу понять, почему многие, ошеломлённые пережитым, называют это «Богом», но мне всё равно кажется, что все представления о Боге — всего лишь символизация самого этого опыта. Конечно, это так в случае с более антропоморфными и менее трансцендентальными видениями, когда является выглядящий в большой степени как мужчина бог или выглядящая в большой степени как женщина богиня.

Поскольку кризис в христианской культуре в основном

происходит в области секса, нас вряд ли удивит то, что связанные с сексом составляющие значительно выделяются в каналах бессознательного, открытых Наркотической Революцией. Эти каналы в любом случае являются традиционной частью прочих, нехристианских, религий; но в христианстве они неизменно превращались в разломы, обречённые влечь за собой извержение каждый раз, когда табу, наложенные эго и суперэго, ослабевали в достаточной степени, чтобы материал бессознательного смог перетекать в сознание.

Последняя капля

Ничего из этих парадоксов и затруднений не исчезнет. Наркотическая Революция до сих пор набирает скорость и размах: будущее будет гораздо более диким и сложным, чем только что минувшее.

В составленном Эвансом и Клайном сборнике научных работ «Психотропные вещества в 2000 году» *(Psychotropic Drugs in the Year 2000)* доктор медицинских наук Натан Клайн предполагает, что не позднее чем через 30 лет нам почти наверняка станут доступны вещества, которые смогут:

1. Продлевать детство и сокращать подростковый период.
2. Уменьшать потребность во сне.
3. Вызывать безопасное, кратковременное опьянение.
4. Регулировать сексуальные реакции.
5. Контролировать агрессию.
6. Уравновешивать питание, обмен веществ и рост организма.
7. Повышать или понижать тревожность или расслабленность.
8. Увеличивать или уменьшать срок хранения воспоминаний.
9. Способствовать или препятствовать обучению чему-либо.
10. Вызывать или прерывать перенос (эмоциональную связь пациента с психотерапевтом).
11. Вызывать или рассеивать угрызения совести.
12. Развивать или выключать материнское чувство.
13. Укорачивать или удлинять ощущаемое время.
14. Создавать ощущение новизны или чего-то знакомого.

15. Углублять наше осознание красоты и наше чувство благоговения.

Ни одно из этих предсказаний не является безответственной брехнёй. Учёные в наше время располагают достаточными познаниями в области физиологии всех этих реакций, чтобы понять, какие химические изменения в мозгу вызовут эти изменения в поведении. Некоторые реакции — к примеру, страх и оргазм — уже были вызваны у животных путём электростимуляции мозга.

В той же книге Уэйн Эванс отмечает, что настоящие афродизиаки, возможно, тоже станут доступны к 2000 году. То есть будет возможно не только усилить сексуальные переживания, но и вызвать их (что, как многие уже заявляют, иногда достижимо с помощью каннабиса или ЛСД). К 1998 году такое средство под названием «Виагра» появилось.

Как будут поступать с этими веществами, когда они появятся? Новейшая история даёт нам мало надежды на то, что наше общество примет их рационально. Вещества для секса почти наверняка будут объявлены вне закона через несколько лет исследований (как ЛСД) и немедленно всплывут в разбавленном и небезопасном виде на чёрном рынке. Я не могу представить себе, что раньше чем через тридцать лет американцам будет законодательно разрешено приобретать стимулирующие в сексуальном плане наркотики, а значит, я могу представить лишь как они появляются на чёрном рынке и каждый употребивший их гадает, получил ли он то, что предполагалось или побочный продукт перегонки мескалина в ванной какого-то предприимчивого деятеля. На протяжении этих тридцати лет скорее всего будут случаться запоминающиеся бэд-трипы.

А как насчёт наркотиков, которые «развивают или выключают материнское чувство»? Мы можем представить себе, какого применения для них хотел бы преподобный Джерри Фолуэлл, а можем — совершенно другие способы, которые предпочли бы радикальные феминистки; можем ли мы представить себе разумный компромисс, который уладил бы такой конфликт? Или нам придётся признать, что одно вещество (развивающее материнские позывы) будет легально, а второе опять же окажется на чёрном рынке, как в стародавние времена средства, вызывающие аборт?

Вещества, вызывающие чувство вины: будут ли полицейские в некоторых странах тайно давать их подозреваемым, как уже делалось со скополамином? Если вдруг такие вещества окажутся, как ЛСД, не имеющими вкуса, цвета и запаха, осмелится ли хоть

один арестованный подозреваемый что-либо есть? (Это не научная фантастика; это вполне может оказаться реальностью).

И какой государственной службе мы доверяем настолько, чтобы поручить ей единолично распоряжаться веществами, контролирующими агрессию, снижающими концентрацию внимания, препятствующими обучению и продлевающими детство?

Доктор Тимоти Лири принял второе по важности в нашем столетии научно-политическое решение (первым по важности было решение Эйнштейна помочь Соединённым Штатам обзавестись атомной бомбой). Независимо от того, было ли решение Лири правильным или нет (об этом можно спорить так же бесконечно, как и о решении Эйнштейна), оно значительно изменило эмоциональный и интеллектуальный климат нашего времени. Он решил, что ЛСД было слишком важным, чтобы какое-либо государство или научный комитет или любая другая элита монополизировали его; решил, что вещество должно стать доступным для всех. Десять лет спустя нам всем известны риски, которые заключал в себе этот выбор в пользу свободы личности (и Лири сейчас тоже несомненно лучше знает о личных рисках для себя, чем тогда, когда начинал всё это). Лири, с реквизитом шоумена, а то и шамана, со здоровым юмором и периодическими проблесками величия задался целью обеспечить возникновение чёрного рынка, на котором кислоту мог бы купить любой, что бы ни предпринимало правительство.

Вряд ли Лири останется единственным учёным, принявшим такое решение со всеми вытекающими последствиями. Его знаменитые Две Заповеди годятся практически для всех новых веществ, которые мы обсуждаем.

> 1. Не вынуждай ближнего своего изменить его сознание.
> 2. Не препятствуй ближнему своему изменить его сознание.

Правительство, нарушающее вторую из этих заповедей каждый день, сейчас начинает нарушать и первую, заставляя учеников некоторых средних школ принимать риталин, напоминающий амфетамин препарат, который успокаивает гиперактивных детей, но может обладать пока неизвестными побочными эффектами. Скорее всего, учитывая природу правительств в целом, подобные нарушения будут множиться в невообразимых пропорциях, когда бюрократы обнаружат, что у них есть такие восхитительные новые игрушки, как наркотики, способные ввести целые народы в детство, снизить их

агрессивный бунтарский дух, внимательность и вообще превратить их в роботов, описанных Олдосом Хаксли в «Прекрасном новом мире». Еретиком двадцать первого столетия может оказаться не человек, принимающий вещества, запрещённые правительством, а человек, отказывающийся принимать вещества по приказу правительства.

Послесловие к изданию 2017 года

6 января 2007 года врачи сообщили мне, что жить мне осталось недолго, не больше двух месяцев. Я написал в своём блоге тогда, что смерть кажется мне абсурдной, а через пять дней я испытал этот абсурд на собственной шкуре. Короче говоря, я умер.

Не то чтобы для меня это было внове: когда меня перепутали с Бобом Ши, я даже имел удовольствие прочитать какое-то количество некрологов самому себе, переживания такого рода познавательны, но не особенно приятны. Однако, как Джеймсу Джойсу погружение в мир теней не смогло помешать закончить работу над «Поминками по Финнегану», так и мне смерть не мешает сейчас писать это послесловие, поедая хлебец с намазанным на него арахисовым маслом. Если честно, мне иногда хотелось узнать, что же произойдёт со мной после того, как мой пепел будет развеян по ветру Калифорнии: давайте остановимся на том, что я стал гораздо чаще публиковаться под псевдонимами.

У меня появилось достаточно много времени, чтобы уделить его изучению иностранных языков, и одним из первых языков, за которые я взялся, стал русский. Так уж совпало (как мне стало известно), что переводы моих книг на русский, делавшиеся в непростое для бывшего Советского Союза время, частенько грешили невнимательностью к подробностям, граничащей с блефом: здесь вы можете встретить Альфреда Джарри («Убу Царь», помните?), а члены Общества Джона Бёрча могут превратиться в человека по фамилии Бирчерс.

Поскольку теперь у меня появилась уникальная возможность повлиять на процесс перевода, я это и сделал. Естественно, как любой перевод, он содержит спорные моменты — вот, к примеру, перевод футов и миль в метрическую систему: с одной стороны, дело происходит в Соединённых Штатах, так что для колорита хорошо было бы оставить футы и мили нетронутыми. С другой стороны, насколько мне известно, у русскоязычного читателя в среднем достаточно смутное представление об американских единицах измерения, так что лучшим решением, возможно, будет то, которое позволит ему лучше представить описанное в книге.

Из соображений актуальности для русскоязычного читателя не публикуется также «Risk Glossary» — краткий словарик, содержащий описания различных веществ, их жаргонные названия и тому подобное. Читатель, однако, немногое теряет: жаргонные названия-то в России всё равно в основном другие, и

при желании можно найти подобные словарики в Интернете (а заодно и повеселиться, узнавая, например, что «лизер», жаргонное название ЛСД, оказывается, произошло от того, что кислотные торчки лижут почтовые марки, на которые всегда наносится это вещество). Что до информации о различных веществах, то это в основном были выжимки из того, что написано в данной книге.

Вместо этого я решил предоставить краткий обзор некоторых из тех веществ, которые появились после публикации этой книги и остались за бортом основной части текста — очевидно, в основном посвящённый их совместимости с занятиями любовью и оккультизмом; здесь основное внимание будет уделено тем наркотикам, которые больше распространены на территории России. Естественно, в силу собственного положения в чём-то я буду основываться на данных из открытых источников, благо за последнее время их стало гораздо больше.

Начну с главного: поскольку все более широкое распространение в последнее время получили так называемые «спайсы» — чем дальше, тем сомнительнее становится их химический состав и вреднее действие — мне хотелось бы отговорить читателей от мысли экспериментировать с ними. Основной эффект от их употребления, как правило, всё равно является диссоциативным, что для секса не несёт никакой положительной роли, а высокая вероятность крайне неадекватного, а то и откровенно безумного поведения (употребление спайсов нередко приводит к случаям жестокого насилия, вроде убийства собственных детей или выкалывания глаз, что характерно также для «ангельской пыли», PCP, хотя и не в таких масштабах), ставят под угрозу не только употребившего, но и его близких и окружающих его людей.

В настоящее время в Интернете, повторюсь, можно найти множество информации относительно тех или иных веществ, к примеру, посетив сайт вроде erowid.org, к чему я и призываю всех тех, кто собирается с ними экспериментировать. Прежде чем браться за неопробованное вещество, почитайте о том, какое оно оказывает воздействие, каковы могут быть противопоказания, и так далее. По причине существования таких источников и по причине ограниченности собственного опыта с рядом упоминаемых веществ здесь я не буду слишком сильно вдаваться в подробности.

Начать бы я хотел с такого вещества, обойдённого вниманием в основной части книги, как MDMA. Синтезированное впервые немецкими химиками в начале двадцатого века, оно долгое время пребывало в безвестности, но однажды на него обратил внимание

неутомимый конструктор психоактивных веществ Александр Шульгин и с тех пор MDMA стало быстро набирать популярность, получив впоследствии жаргонное название «экстази».

Приём MDMA вызывает благостное ощущение единения с миром и усиливает эмоциональную близость с другими людьми, размывая коммуникационные барьеры (в какой-то момент даже обсуждались возможности применения MDMA в психотерапии, а после законодательных запретов MDMA-практика не прекратилась, а перешла на нелегальное положение). Может появляться восхищение самыми обыденными вещами — а кроме того, могут усиливаться чувства в целом, заставляя наслаждаться прикосновениями, цветами, запахами, звуками и тому подобным.

В целом, как правило, принявший небольшую или среднюю дозу MDMA остаётся вполне способен к конструктивному взаимодействию с окружающим миром и более того, возможно, ему становится легче справляться с ситуациями, связанными с общением. Для MDMA весьма нехарактерны галлюцинации и сильные искажения восприятия. Всё вышеперечисленное звучит в высшей степени подходяще для секса, но есть одна важная подробность: мужчины часто после приёма MDMA обнаруживают, что их пенис остаётся в расслабленном состоянии несмотря на все переживания эротического характера. Таким образом, если мужчина является строгим приверженцем «пениса в вагину», это теоретически может ему помешать.

Из-за того, что MDMA вызывает ощущение, что принявший его находится в безопасности, необходимо следить за дозировкой (и не поддаваться соблазну незащищённого секса в случаях, когда это нежелательно); кроме этого, стоит обратить пристальное внимание на источник, из которого получено вещество — зачастую в таблетках, продающихся как MDMA, оказываются запрессованы посторонние наркотики. Если не считать этого, MDMA в целом достаточно безопасно, не вызывает физическую зависимость и неплохо сочетается с кислотой или каннабисом. Один из интервьюированных мной людей описывал космические религиозно-эротические ощущения от времени, проведённого с женой после одновременного приёма средних доз MDMA, 2CI-NBOME и гашиша: трудности с затвердением пениса ему ничуть не помешали.

В основной части книги был упомянут мухомор amanita muscaria, но обойдены вниманием грибы, скажем, из рода *psilocybe*. Гриб *psilocybe semilanceata*, растущий в дикой природе, давно известен жителям Европы (в русском фольклоре, если не ошибаюсь, их называют «хохотушками»); *psilocybe cubensis*, неприхотливый и мощный, подходит для культивирования и в

домашних условиях. Есть различные способы употребления псилоцибиновых грибов, из которых самым приятным, видимо, является заваривание с соком лимона, отбивающее их характерный вкус, который для многих может быть неприятен. Курение сушёных псилоцибиновых грибов, описываемое Карлосом Кастанедой, кстати, на самом деле не даёт никакого психоделического эффекта за пределами самовнушения, поскольку активные вещества при этом просто разрушаются.

Псилоцибиновый трип отличается от, скажем, кислотного. Особенностью здесь является то, что он совмещает в себе эйфорический, галлюциногенный и диссоциативный эффекты, причём пропорции этих эффектов, судя по всему, отличаются в зависимости от «волны» грибов (грибы в период плодоношения появляются в несколько «волн»). Кроме того, эти эффекты возникают не одновременно, а как бы пластами, в причудливых сочетаниях накладываясь друг на друга. Такая особенность делает действие псилоцибиновых грибов как подспорья для секса ещё более зависимым от случая, чем действие кислоты. Для грибного трипа могут быть характерны очень сильные искажения восприятия реальности, необычные телесные ощущения и перепады настроения, которые могут свести на нет любые попытки занятия сексом, хотя здесь всё зависит от обстановки и установки участников: одна девушка, например, рассказывает, что не нашла ничего странного в занятиях любовью с большой фиолетовой гусеницей, в которую превратился её молодой человек. Впрочем, в малых, допсиходелических дозах псилоцибиновые грибы вызывают некоторую стимуляцию организма и усиление контроля над собственным телом, так что при заинтересованности, пожалуй, стоит начинать именно с малого, чтобы понять, насколько вы лично и ваш партнёр совместимы с этим видом веществ.

Употребление псилоцибиновых грибов также не вызывает физической зависимости и в целом на несколько порядков более безопасно, чем употребление ядовитых мухоморов, особенно в случае выращенных самостоятельно грибов. Если вы впервые отправитесь собирать «хохотушки», однако, заручитесь поддержкой опытного грибника или запомните их отличительные признаки: хотя внешне походящие на *psilocybe semilanceata* грибы и не ядовиты, их употребление всё равно может вызвать неприятные последствия.

Кстати о психоделиках растительного происхождения: в основной части этой книги упоминалась ипомея, так вот, семена психоделических сортов ипомеи (например, *Flying Saucers*, «летающие тарелки») до сих пор достаточно свободно и легально

продаются в России. Очистив их от кожуры определённым образом, можно достаточно безопасно триповать, к ним в общем относится то, что написано о кислоте, но сам эффект описывают как более продолжительный.

Из психоделиков в России на данный момент также довольно широко распространены «энбомы» (вещества с номенклатурой типа 2C-I/2C-B-NBOME). Их появление — очередной результат карнавальной «войны с наркотиками», которая неизменно приводит к появлению всё более потенциально опасных для здоровья веществ и увеличению прибыли мафиозных структур, которым эта война не наносит особенного урона. Вся проблема с энбомами в дозировке, которую из-за мощности веществ соблюдать гораздо сложнее, чем, скажем, в случае с ЛСД, и при нарушении которой возможны действительно тяжёлые последствия, например, инсульт. В первую очередь это относится к веществу в форме кристаллов, марки в целом гораздо менее опасны, однако стоит помнить ещё и о вазоконстрикторном (сосудосужающем) действии энбомов и держать под рукой соответствующие лекарства.

Трипы от этих веществ, впрочем, по большей части хорошо сочетаются и с магией, и с сексом, так как в большинстве случаев сочетают в себе весомый эйфорический и не слишком интенсивный психоделический эффект. Физической зависимости они не вызывают.

В Сети гуляют истории о том, что под видом ЛСД в России зачастую вам могут всучить детище Александра Шульгина под названием DOB. Главное, что позволяет это предположить — продолжительность действия: кислота в среднем действует около шести-семи часов, тогда как действие DOB длится в районе 14 часов, что может быть весьма изнурительно (существуют, между прочим, и менее популярные вещества вроде Bromo-Dragon FLY, действие которых может длиться несколько дней). Мне известны два случая, когда употребившие предположительно ЛСД обнаруживали, что действие вещества активно продолжается и после шести часов, так что, видимо, подобные слухи небеспочвенны. В обоих случаях это действие описывалось как в целом неприятное. Авторству Шульгина принадлежат множество других веществ, однако я здесь не буду на них останавливаться, поскольку в его собственных книгах «PiHKAL» и «TiHKAL» вы можете найти информацию о них из первых рук.

За пределами основной части книги остались такие мощные наркотики, как DMT и экстракты Salvia Divinorum. И DMT, и сальвия определённо являются веществами, которые не стоит пробовать без достаточного опыта приёма психоделиков. Их

действие длится недолго (для внешнего наблюдателя; в сальвийных трип-репортах часто описываются очень долгие субъективные промежутки времени, от нескольких человеческих жизней до нескольких вечностей), но сопровождается исключительно странными переживаниями. Употреблявшие DMT (наиболее знаменит, пожалуй, Теренс Маккенна) часто заявляют о контакте с эльфоподобными неземными существами, «сознанием планеты» или чем-то в этом роде, отмечая исключительную странность переживания. Сальвия же по мощности и странности, возможно, превосходит все остальные психоделики; среди распространённых эффектов описываются невероятно мощные и убедительные деформации реальности (включая весьма неприятные, вроде потери части измерений или превращения в неживую материю), калейдоскопические сдвиги вселенной с заменой жизни выкурившего пару затяжек экстракта на чужую жизнь, не обязательно человеческую и тому подобное. Во время трипа психонавт чаще всего «отключается», но иногда начинает двигаться в бессознательном состоянии, так что проводить подобные трипы без присмотра трезвого человека — исключительно плохая идея. И в случае DMT, и в случае сальвии иногда встречаются сообщения о «флэшбеках» — возвращении части переживаний, например, при употреблении других наркотиков вроде гашиша. Так что крепко подумайте, прежде чем экспериментировать — и учтите, что я пишу это исключительно для вашей информированности, ни с сексом, ни с оккультизмом оба вещества особо не вяжутся.

На северо-западе России пользуется популярностью оксибутират натрия, или попросту бутират. В Сети сообщается, что в средних дозах его действие напоминает экстази и немного — алкоголь, и вызывает желание совокупляться у посетительниц всяческих сомнительных вечеринок. Но скорее бутират известен не этим, а большим количеством видео, на которых причастившиеся этого вещества ведут себя совершенно неадекватным образом (см. спайсы), что позволяет усомниться в целесообразности экспериментирования с ним.

Также из новых дизайнерских наркотиков среди молодёжи распространён родственный «скорости» мефедрон (4-Methylmethcathinone), действие которого описывают как сочетающее в себе свойства амфетаминов и кокаина. На самом деле мефедрон, похоже, действительно вызывает сильно сексуально окрашенную эйфорию; интервьюированные мной молодые люди, регулярно употреблявшие мефедрон, очень сильно напомнили мне Леонарда и Сандру из одной из интерлюдий, в том числе и яркой сексуальной жизнью. Они же,

правда, жаловались на то, что их повседневная жизнь без наркотика становилась невероятно тусклой, а эйфорические ощущения при постоянных приёмах наркотика постепенно начали сильно снижаться; они также оказались, судя по всему, на грани зависимости.

Кроме всего этого, печальной иллюстрацией неэффективности запретительных мер в «войне с наркотиками» в России служат так называемые аптечные препараты. История всегда развивается таким образом: существует некое лекарственное средство, в высоких дозах оказывающее, скажем, какое-нибудь мутное психоделическое, диссоциативное, или эйфорическое действие (а заодно, как правило, из-за той же самой высокой дозы сильно бьющее по печени). В определённых, как правило, люмпенизированных кругах оно набирает популярность, после чего контроль ужесточают, его начинают отпускать строго по рецепту — часть аптек, впрочем, продолжает торговать им из-под полы. Подключаются СМИ, в особенности когда последствия оказываются плачевными, и гайки закручивают далее. Тогда внимание любителей «легального аптечного кайфа» просто переключается на какое-нибудь другое лекарство, зачастую более токсичное, благо недостатка в них нет. Подобные развлечения с тропикамидом, прегабалином, циклодолом, тареном и кучей других веществ, возможно, не так разрушительны, как клеевая токсикомания, бывшая широко распространённой в девяностые годы, но лично в моём представлении совершенно не заслуживают интереса. Сюда же я, кстати, отнёс бы и случай сиропов от кашля, содержащих диссоциатив DXM: всё это показывает непреодолимую тягу людей к изменению сознания, которая при борьбе с ней с помощью недальновидных запретительных законов (и при невысоком жизненном уровне населения страны) приводит к злоупотреблению полулегальными, вредными веществами, коррупции в наркополиции и прочим отрицательным последствиям.

И тем не менее завершать рассказ на столь мрачной ноте не хочется. В Соединённых Штатах, где, как вы помните из прочитанного в основной части книги, некогда травка приравнивалась к коммунизму, сейчас идут широкомасштабные кампании по легализации марихуаны, уже увенчавшиеся в определённых штатах успехом. В России же, несмотря на все усилия контролезависимых консерваторов, Наркотическая и Сексуальная Революция на самом деле тоже совершенно не прекращаются, а вскоре, возможно, к ним добавится и Политическая — впереди всегда удивительные и волшебные

времена, и как я уже писал в предисловии к этой книге, я готов поставить на победу Утопии. Пока же я с удовлетворением ставлю точку в этом послесловии, но помните: в реальности ничего никогда не заканчивается.

Другие книги Роберта Антона Уилсона

1972 Playboy's Book of Forbidden Words
1973 *«Sex, Drugs and Magick: A Journey Beyond Limits
1973 Плачевные последствия Sex Magicians
1974 * «The Book of the Breast (now ‘Ishtar Rising')
1975 Illuminatus! (with Robert Shea)
The Eye in the Pyramid
The Golden Apple Leviathan
1977 * «Cosmic Trigger I: Final Secret of the Illuminati
1978 * «Neuropolitics (with T. Leary & G. Koopman)
1980 Плачевные последствия Illuminati Papers
1980-1 Плачевные последствия Schrodinger's Cat Trilogy
The Universe Next Door The Trick Top Hat The Homing Pigeon
1981 Masks of the Illuminati
1983 *Right Where You Are Sitting Now
1983 * «The Earth Will Shake
1983 *«Prometheus Rising
1985 * «The Widow's Son
1986 *«The New Inquisition
1987 Natural Law or Don't Put a Rubber on Your Willy
1987 *«Wilhelm Reich in Hell
1988 *«Coincidance: A Head Test
1988 *«Nature's God
1990 *«Quantum Psychology
1990 *«Cosmic Trigger II: Down to Earth
1991 *Chaos and Beyond
1993 *«Reality Is What You Can Get Away With
1995 *«Cosmic Trigger III: My Life After Death
1997 *«The Walls Came Tumbling Down
1998 *Everything Is Under Control
2002 *TSOG: The Thing That Ate the Constitution
2003 *«TSOG:TheCD
2005 *«Email to the Universe
2005 * «The Tale of the Tribe
** Published by New Falcon Publications*

notes

Примечания

1

(по цитате из «Откровения X» (Revelation X), переведено с языков оригинала Институтом Субгениев (Sub-Genius Foundation), издательство Симон и Шустер, Нью-Йорк, 1994)

2

Здесь идеограммический означает ощущаемый при помощи чувств/фактический — в отличие от абстрактного/теоретического.

3

Взгляды Фуллера на этот вопрос можно изучить, прочитав его книги «Критический метод» (*Critical Path*; издательство St. Martin's Press, 1981), «Усмешка гигантов» (*Crunch of Ciants*; St. Martin's Press, 1983), и зайдя на сайт http://www.teleport.com/~px4d.grunch.html в Сети.

http://sunsite.unc.edu/subgenius

Pissing Aivay the American Dream, под редакцией Дэвида Росса, издательство Digit Press, PO Box 91066, Norcross, GA.

6

Смотри «Trajectories», сборник 1. номер 12, весна 1993 года.

http://www.livelinks.com/sumeria/health/raids.htm

8

Every Knee Shall Bow, Джесс Уолтер, издательство HarperCollins, Нью-Йорк, 1995.

Одноименный фильм «Harvey» — *прим. пер.*

Так и случилось. — *прим. изд.*

11

Юрист Кеннет Старр прославился благодаря делу об импичменте президента США Клинтона из-за сексуального скандала — *прим. пер.*

12

Тупостью (нем.) — *прим. пер.*

13

Имеется в виду Мэдисон-Авеню, где в своё время располагалось множество рекламных агентств, в одном из которых работал Уилсон — *прим. пер.*

14

Сложно сказать, о каких именно русских учёных идёт речь, так как исследования в области парапсихологии в то время если и проводились, то тайно; возможно, это отсылка к книге *Psychic Discoveries Behind the Iron Curtain* или чему-то подобному — *прим. пер.*

15

Уместны (лат.) — *прим. пер.*

16

Популярный христианский проповедник, духовный советник нескольких президентов США — *прим. пер.*

Курсив добавлен мной.

18

Американский политик, придерживавшийся экстремально консервативных взглядов — *прим. пер.*

19

Разница между *психолитической* и *психоделической* дозировками ЛСД отмечается во многих опубликованных научных работах, но, судя по всему, игнорируется популяризаторами, которые либо проповедуют «ЛСД-утопию», либо предостерегают о «закате стран запада.» То, что называется *психолитической дозой* — обычно это 75 или 100, максимум 200 микрограммов — вызывает прилив мыслей, изобилие свободных ассоциаций, немного визуализаций (галлюцинаций) и абреакций (настолько ярких воспоминаний, что человеку кажется, что он испытывает переживания заново). То, что называется *психоделической дозой* — около пятисот микрограммов — вызывает полный, но вместе с тем преходящий слом обыденных способов самовосприятия и мировосприятия и, как правило, «пиковое переживание» или мистический выход за пределы Бэд-трипы обычно случаются только от психоделических доз.

Наоборот (лат.) — *прим. пер.*

21

Ненависть на теологической почве (лат.) — *прим. пер.*

22

Консервативный американский политик, инициировавший импичмент Биллу Клинтону — *прим. пер.*

23

Возможно, в 2598 году некоторые историки будут заявлять, что не было никаких «хиппи», в то время как другие будут заявлять, что хиппи существовали, но в действительности не курили марихуану, а третьи будут настаивать на том, что хиппи, вусмерть обдолбанные белладонной, бегали по улицам, нападая на ни в чём не повинных прохожих.

24

О Руби-Ридж уже упоминалось в предисловии в связи с историей Уиверов; в Уэйко ФБР устроило вооружённый штурм ранчо секты «Ветвь Давидова», в результате погибло 10 человек — *прим. пер.*

25

Праворадикальная организация, поддерживающая «традиционные ценности» и борющаяся с коммунизмом, коллективизмом, экономическим интервенционизмом и т. д. — *прим. пер.*

26

«Майра Брекинридж» — первый американский роман за авторством Гора Видала о мужчине, сделавшем операцию по смене пола. Андреа Дворкин — радикальная американская феминистка — *прим. пер.*

В ходе других экспериментов испытуемые видели зелёный круг не как красный, а как круг цвета, близкого к красному (оранжевый или жёлтый). Объяснения этому нет, но читатель может развлечь себя, пытаясь придумать собственное объяснение.

Сведений об этом на самом деле очень немного, по крайней мере, в английском и русском сегментах Интернета. Вполне вероятно, что галлюциногенные свойства шелковицы являются мифом — *прим. пер.*

То есть удачливый соискатель получает три удара бича, потом семь ударов, потом девять, и, как кульминацию, 21 удар. Очень весело, случись вам быть мазохистом.

30

Быт. 30:14-15.

31

Быт. 30:16-17.

32

Одни из первопроходцев в области порнографии в Америке, владельцы сети кинотеатров «для взрослых» — *прим. пер.*

33

Перед тем, как попрощаться с ведьмовством и паслёновыми, стоит упомянуть, что Джон Диксон Карр написал детективный триллер под названием «Согнутая петля» *(The Crooked Hinge)*, сюжет которого вертится вокруг возрождения ведьмовства, участвующие в котором пьют белладонну и воображают, что летают туда-сюда на мётлах или совокупляются с демонами. Карр придумал этот сюжет до начала нынешнего оккультного возрождения — его книга вышла в 1937 году! Она до сих пор часто переиздаётся и стоит потраченного времени. Внезапная концовка — это что-то с чем-то.

Это необычный эффект «толерантности», который быстро проявляется и так же быстро исчезает. В целом, любой принявший дозу кислоты в течение трёх или четырёх дней после своего последнего трипа, не получит никакого результата. Период ожидания, таким образом, предусмотрен самим веществом.

35

Позднее я снова встретил Джерри; она жила в сельской коммуне в Нью-Джерси. Она сказала мне, что они с Томом продолжали быть в дружеских отношениях, и что он часто навещал её и детей. Что до его религии, она была не против неё, но, похоже, её саму более интересовала традиционная хатха-йога.

36

Такого именно португальского слова я не обнаружил, Интернет ссылается на мексиканцев — *прим. пер.*

Чего-то ясного с первого взгляда — *прим. пер.*

Неопровержимым образом — *прим. пер.*

Очевидно, «Луция Суллы» Моцарта — *прим. пер.*

Род сверхъестественных существ во французском фольклоре — *прим. пер.*

Курсив добавлен мной.

Только посвящённым дозволено знать, что означают эти таинственные буквы. Три точки обозначают прямое наследование египетской магии династического периода и являются частью символики «глаза в треугольнике» иллюминатов (смотри обратную сторону американской купюры в один доллар). Масоны приветствуют друг друга «приветствиями на всех вершинах треугольника», что является частью той же самой традиции.

Курсив добавлен мной.

«Растворяй и сгущай» (лат.) — *прим. пер.*

Курсив добавлен мной.

46

Смотри «Статьи о марихуане» *(The Marijuana Papers)* Дэвида Соломона, в которых говорится то же самое о производных марихуаны, применяющихся при лечении психических заболеваний.

47

Это так часто упоминается в литературе по вопросу марихуаны, что некоторые читатели из Соединённых Штатов, страны, где переедание носит системный характер, могут задаться вопросом, почему же это так важно. Вот почему: Многие из склонных к психозу и переживающих психоз людей на самом деле значительно вредят самим себе, усугубляя свои проблемы с психическим здоровьем ещё и недоеданием, вызванным отвращением к пище. Сделать так, чтобы они снова стали есть — это зачастую важная часть их терапии. (Некоторые сторонники нутрициональной теории психоза даже считают, что утрата аппетита — это *modus operandi*, из-за которого неспокойный человек скатывается к психозу; недоедание может запускать химические процессы, ведущие к паранойе или галлюцинациям). В число других людей, чей аппетит необходимо стимулировать, входят героиноэависимые и «спидовые» наркоманы (злоупотребляющие наркотиками из группы амфетаминов).

48

К началу девяностых, конечно, правительство США уже не подозревало людей, чтящих то, что написано в Конституции, коммунистами. Вместо этого таких людей стали подозревать в терроризме.

49

Ведущая радиопередач, посвящённых браку и семейной жизни, отличающаяся крайне консервативными убеждениями — *прим. пер.*

Курсив добавлен мной.

Эти «жучки» или «органы», по-видимому, близки к геометрическим световым узорам, которые люди видят под действием пейота или его производного мескалина. Они также появляются в ходе экспериментов с сенсорной депривацией, когда испытатель погружается в резервуар с водой и оказывается отрезан от всех внешних воздействий; один из этапов сенсорной депривации исследователи вообще называют «мескалиновым» из-за этого сходства. Алан Уоттс предположил, что в таких случаях электрические контуры в самом мозге проецируются наружу. Это возможно; но вспомните и девицу из прошлой главы, которая, оргазмируя под марихуаной, оказалась «среди звёзд». Видение Нуит, египетской богини ночного неба и звёзд, является целью в сексуальной магии Алистера Кроули, и принёсшее ему наибольшее душевное удовлетворение видение он описывал как вселенную, бывшую «Ничто, в котором мерцали огоньки — но что за огоньки!» Из таких странных отчётов, возможно, мы в итоге выясним, как биологическое электричество становится мыслями и сознанием, биологическое электричество становится мыслями и сознанием.

52

Именем Эвоэ также называют рогатое божество (Пана?) в современном ведьмовстве, но это вследствие того, что ритуалы для них сочинял Кроули (за что ему неплохо заплатил Джеральд Гарднер). И А О — так гностики называли верховное божество, создавшее Иегову и всех остальных богов в мире архетипов, Иегова затем создал материальный мир.

53

В мире страдающего от психоза человека времени не существует. Три месяца шизофрении — это дольше, чем жизнь среднестатистического читателя этой книги.

54

В девяностые уже почти не оставалось людей, которые не верили огромному количеству доказательств того, что именно этим занималось ЦРУ.

55

Сатори — японское слово, которым пользуются дзэн-буддисты, чтобы описать наивысшую разновидность переживания единения. В индуизме это называется *«самадхи»* (единение с божеством). Согласно гипотезе доктора Джона Лилли, это — распространение сознания «я» на те области биокомпьютера, которые обычно не осознаются или загружаются отклонённой информацией. Христианские теологи называют это единением с «абсолютно другим».

56

Доктор Лири однажды походя отметил, что людям, которые считают, что ЛСД нужно запретить, так как некоторые из употреблявших его, *возможно*, совершили самоубийство вследствие этого употребления, нужно ещё яростней агитировать за отмену экзаменов. Статистика показывает, что связь между выпускными экзаменами и самоубийствами вне всякого сомнения существует. *Каждый год* число самоубийств в высших учебных заведениях увеличивается в период экзаменов.

57

Фамилия Тайрона, так уж вышло, также является и слэнговым названием мужского полового члена — *прим. пер.*

crew cut это короткая стрижка «ёжиком», характерная, например, для военных — *прим. пер.*

59

Одна из лидеров движения «Синоптиков» (Weathermen) — *прим. пер.*

Палестинец, застреливший президента Кеннеди — *прим. пер.*

61

Американский комик, специализировавшийся на политической сатире, участвовавший в расследовании убийства Кеннеди, которое вёл нью-орлеанский окружной прокурор Джим Гаррисон — *прим. пер.*